

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В СТРАНАХ АЗИИ – XVII

*Материалы ежегодной международной молодежной
научно-практической конференции*

Улан-Удэ, 17 апреля 2026 г.

Спонсор научного мероприятия

ЛАБОРАТОРИЯ
СРАВНИТЕЛЬНОГО
ПРАВОВЕДЕНИЯ

Dorzhii Banzarov Buryat State University
The Association of Lawyers of Russian Federation in the Republic of Buryatia
The Union of Criminalists and Criminologists
Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences
Comparative Law Association of the China Law Society
Institute of Comparative Law at the Political and Law University of China
The Association of Lawyers of Mongolia
Mongolian State University
University of Home Affairs of Mongolia

COMPARATIVE LAW IN THE COUNTRIES OF ASIA — XVII

Proceedings of the annual international youth
scientific and practical conference
(mixed format)

(Ulan-Ude, April 17, 2026)

Ulan-Ude
Dorzhii Banzarov Buryat State University Publishing Department
2026

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Региональное отделение Ассоциации юристов России в Республике Бурятия
Союз криминалистов и криминологов
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
Ассоциация сравнительного правоведения при Обществе юристов Китая
Институт сравнительного правоведения
при Политико-юридическом университете Китая
Ассоциация юристов Монголии
Монгольский государственный университет
Университет внутренних дел Монголии

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В СТРАНАХ АЗИИ — XVII

*Материалы ежегодной международной молодежной
научно-практической конференции
(смешанный формат)*

(Улан-Удэ, 17 апреля 2026 г.)

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета имени Доржи Банзарова
2026

Сборник размещен в системе РИНЦ на платформе
научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Ответственный редактор

Ю. П. Гармаев, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Бурятия,
почетный работник сферы образования Российской Федерации

Редакционная коллегия

А. М. Барлуков, канд. экон. наук, доц.; *Т. Б. Гнеушева*, канд. филос. наук;
Е. В. Гулина, канд. юр. наук; *С. В. Доржиева*, канд. юр. наук, доц.;
С. Ж. Дугарова, д-р ист. наук, доц.; *Э. Л. Раднаева*, канд. юр. наук, доц.;
Б. Б. Самданова, канд. юр. наук; *А. В. Сафина* (отв. секр.)

Рецензенты

П. В. Трощинский, канд. юр. наук, вед. науч. сотр. Института Китая и современной Азии,
исследователь традиционного и современного права Китая,
Российская академия наук (ИКСА РАН), г. Москва

А. П. Алексеенко, канд. юр. наук, доц. кафедры коммерческого права, науч. руководитель
образовательной программы «Юриспруденция с углубленным изучением китайского языка
и права КНР», Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

С 75 **Сравнительное правоведение в странах Азии — XVII:** материалы ежегодной междуна-
родной молодежной научно-практической конференции (г. Улан-Удэ, 17 апреля 2026 г.) / от-
ветственный редактор Ю. П. Гармаев. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета
им. Д. Банзарова, 2026. — 164 с. ISBN 978-5-9793-2163-9

В настоящий сборник традиционно вошли лучшие статьи молодых ученых, аспирантов, магистран-
тов и студентов вузов России, Китая, Монголии, посвященные актуальным теоретическим и практиче-
ским проблемам сравнительного правоведения стран Азии.

Сборник предназначен для студентов, магистрантов и аспирантов, преподавателей вузов, практи-
кующих юристов, а также широкого круга читателей, интересующихся сравнительным правоведением и
актуальными проблемами права стран Азии, а также международным сотрудничеством в «азиатском»
направлении.

Comparative Law in Asian Countries — XVII: Proceedings of the Annual International Youth
Scientific and Practical Conference (Ulan-Ude, April 17, 2026) / ed. Yu. P. Garmaev. — Ulan-Ude:
Dorzhii Banzarov Buryat State University Publishing Department, 2026. — 164 p.
ISBN 978-5-9793-2163-9

Traditionally, this collection includes the best articles of young scientists, graduate students, undergraduates
and students of universities in Russia, China, Mongolia, devoted to topical theoretical and practical problems of
comparative law in the countries of the Asia.

The collection is intended for students, undergraduates and graduate students, university professors,
practicing lawyers, as well as a wide range of readers interested in comparative law and relevant issues of the
law of the Asia-Pacific countries, as well as international cooperation in the «asian» direction.

УДК 340.5
ББК 67.0

ПРЕДИСЛОВИЕ / PREFACE

17 апреля 2026 г. в БГУ прошла международная научно-практическая конференция «Сравнительное правоведение в странах Азии — XVII». Мероприятие было проведено в смешанном формате, благодаря чему участие в нем смогло принять более 160 человек, в т.ч. с видеодокладами. Соорганизаторами молодежного научного форума выступили региональное отделение Ассоциации юристов России в Республике Бурятия, Союз криминалистов и криминологов, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Ассоциация сравнительного правоведения при Обществе юристов Китая, Институт сравнительного правоведения при Политико-юридическом университете Китая, Ассоциация юристов Монголии, Монгольский государственный университет, Университет внутренних дел Монголии.

Конференция традиционно начала свою работу с пленарного заседания, и в дальнейшем продолжала в шести секциях. С приветственными словами для участников выступили проректор по научно-исследовательской работе БГУ им. Д. Банзарова Виктория Владимировна Номогоева, заместитель руководителя Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Бурятия полковник юстиции Антон Владимирович Золотов, начальник Управления по работе с личным составом Министерства внутренних дел по Республике Бурятия полковник полиции Михаил Петрович Боченков, помощник руководителя Управления федеральной службы судебных приставов России по Республике Бурятия Елена Геннадьевна Хунхинова, директор Института права и экономики БГУ им. Д. Банзарова, председатель Совета регионального отделения Ассоциации юристов России в Республике Бурятия Эльвира Львовна Раднаева. На пленарном заседании с докладами выступили участники конференции из России, Монголии и Китая, после чего конференция продолжила свою работу в шести секциях:

- секция I. Сравнительное правоведение: национально-правовые системы стран Азии;
- секция II. Международное право и конституционно-правовые институты в странах Азии;
- секция III. Гражданско-правовые проблемы сравнительного правоведения в странах Азии;
- секция IV.1. Уголовно-правовые и криминологические проблемы сравнительного правоведения в Азии;

– секция IV.2. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы сравнительного правоведения в Азии;

– секция V. Трансформация моделей социально-экономического, экологического и инновационного развития азиатских стран в современных условиях.

На заключительном пленарном заседании конференции были подведены итоги научного форума. Авторы лучших докладов по ряду номинаций были отмечены дипломами и благодарственными письмами. Радует, что с каждым годом научное мероприятие позволяет открыть новые лица и имена в области компаративистики!

Дипломантами конференции были признаны:

Лучшие доклады в пленарном заседании:

- Диплом 1-й степени — Сугар Сарангоо
- Диплом 2-й степени — Вашагин Вадим Алексеевич
- Диплом 3-й степени — Цыплакова Алёна Дмитриевна

Лучшие доклады в научной секции 1:

- Диплом 1-й степени — Климов Геннадий Борисович
- Диплом 2 степени — Бальчинов Виктор Степанович
- Диплом 3-й степени — Бабич Екатерина Николаевна

Лучшие доклады в научной секции 2:

- Диплом 1-й степени — Галицына Мария Сергеевна
- Диплом 2-й степени — Карпова Мария Андреевна
- Диплом 3-й степени — Боровинских Лана Васильевна

Лучшие доклады в научной секции 3:

- Диплом 1-й степени — Цыдыпова Сайжина Дабаевна
- Диплом 2-й степени — Жергалова Наталья Исаковна
- Диплом 3-й степени — Ооржак Айнара Евгеньевна

Лучшие доклады в научной секции 4.1:

- Диплом 1-й степени — Капштык Римма Михайловна
- Диплом 2-й степени — Смит Дмитрий Евгеньевич
- Диплом 3-й степени — Бимбаев Арсалан Ильич

Лучшие доклады в научной секции 4.2:

Диплом 1-й степени — Петров Даниил Николаевич

Диплом 2-й степени — Бадмаева Галина Цыреновна

Диплом 3-й степени — Галсанов Булат Баирович

Лучшие доклады в научной секции 5:

Диплом 1-й степени — Желткова Анастасия Вячеславовна

Диплом 2-й степени — Баторов Александр Игоревич

Диплом 3-й степени — Sixuan Lu

Благодарственными письмами **Адвокатской палаты Республики Бурятия** награждены Трошинский Павел Владимирович, Емельянова Алиса Яковлевна, Трубникова Светлана Евгеньевна, Асеева Дарья Николаевна, Натейкина Наталья Анатольевна.

Благодарственные письма **Генерального консульства Монголии в г. Улан-Удэ** получили Вашагин Вадим Алексеевич, Биче-оол Айдыс Маадыр-ооловна, Латышева Елизавета Олеговна.

Благодарственным письмом **Государственного архива Республики Бурятия** награжден Климов Геннадий Борисович.

Благодарственными письмами **Комитета Народного Хурала Республики Бурятия по государственному устройству, местному самоуправлению, законности и вопросам государственной службы** награждены Гаврилов Борис Яковлевич, Алексеева Александра Николаевна, Янжинов Батор Буянович.

Благодарственные письма **Министерства внутренних дел по Республике Бурятия** получили Сугар Сарангоо и Сафина Анжелика Васильевна.

Благодарственными письмами **Нотариальная палата Республики Бурятия** награждены Халтагарова Ольга Алексеевна, Петрова Марина Евгеньевна, Галсанов Булат Баирович.

Благодарственные письма комитета **Прокуратуры Республики Бурятия** получили Сангалова Жебзэн Бальжиновна, Стоцкая Серафима Николаевна, Глухов Виталий Геннадьевич.

Благодарственными письмами **Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Бурятия** награждены Молчанов Матвей Денисович, Бадмаева Галина Цыреновна.

Благодарственными письмами **Управления Федеральной налоговой службы по Республике Бурятия** награждены Бауэр Екатерина Александровна, Ковалишина Ксения Викторовна.

Благодарственными письмами **Управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Республике Бурятия** получили Матвеева Анастасия Игоревна, Матвеева Анна Игоревна, Петров Даниил Николаевич.

Благодарственное письмо **Управления Федеральной службы судебных приставов по Республике** получил Позоян Степан Норайрович.

Благодарственные письма **Центра поддержки предпринимательства «Мой бизнес»** вручены Лю Цзытун, Дамбаеву Аюру Цогтоевичу, Cao Fuming.

Все участники конференции получают на электронную почту сертификат, подтверждающий участие в молодежном научном форуме.

Помимо пленарного и секционных заседаний в рамках конференции прошли дополнительно мероприятия:

13-17 апреля. Фотовыставка «Право Азии глазами молодежи»¹. Уникальная экспозиция, где молодые авторы через камеру раскрыли правовые реалии азиатских стран. Идеальное пространство для визуального погружения в культуру Азии.

15 апреля. Квиз о праве стран Азии². Динамичное интеллектуальное соревнование: участники проверили знания о праве Китая, Монголии и других азиатских стран. Участие приняли 4 команды студентов ИПЭ, все они получили дипломы.

16 апреля. Мастер-класс «Эффективное и правомерное использование искусственного интеллекта при подготовке научных работ»³. Практическое руководство от д-ра юр. наук, проф. Юрия Петровича Гармаева. Участники начали освоение этих методов ИИ в исследованиях: от генерации идей до цитирования, с акцентом на предотвращение плагиата и повышение качества академических текстов.

¹ Фотовыставка «Право Азии глазами молодежи» открылась в университете. URL: <https://www.bsu.ru/news/33504/>

² Квиз по праву стран Азии прошел в Институте права и экономики. URL: <https://www.bsu.ru/news/33498/>

³ Профессор Ю. П. Гармаев провел мастер-класс для аспирантов, магистрантов и студентов по теме «Эффективное и правомерное использование искусственного интеллекта при подготовке научных работ». URL: <https://www.bsu.ru/news/33505/>

С 27 апреля по 6 мая в дистанционном формате прошли курсы повышения квалификации по тематике «Методика проведения междисциплинарных, сравнительно-правовых исследований» (через Институт непрерывного образования БГУ).

Организаторы конференции выражают особую признательность деловым партнерам Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова в организации и проведении международного форума: региональному отделению Ассоциации юристов России в Республике Бурятия, Союзу криминалистов и криминологов, Институту Китая и современной Азии Российской академии наук, Ассоциации сравнительного правоведения при Обществе юристов Китая, Институту сравнительного правоведения при Политико-юридическом университете Китая, Ассоциации юристов Монголии, Монгольскому государственному университету, Университету внутренних дел Монголии.

Главным спонсором научного мероприятия, как и в предыдущие годы, выступила группа компаний «Титан» <https://megatitan.org/company/index.php>, за что организаторы выражают искреннюю благодарность руководству и коллективу компаний!

Очередной выпуск научного издания по итогам работы конференции сможет порадовать всех любителей компаративистики. Оргкомитет выражает признательность всем, кто принимал участие в подготовке, организации и проведении очередного международного молодежного форума!

Представители орг.комитета молодежного форума надеются, что научное мероприятие еще не раз сможет в теплой и дружеской атмосфере объединить усилия и интеллектуальный потенциал всех, кому интересны проблемы и перспективы развития стран Азии и компаративистики, вложив свой скромный вклад в формирование многостороннего «азиатского» диалога.

В ближайшее время мы начнем подготовку к конференции 2027 г. Ждем друзей и единомышленников в гостеприимной и солнечной Бурятии на нашей научной площадке. Всегда открыты к продолжению сотрудничества по развитию компаративистики.

Увидимся на конференции в 2027 г.!

*Заведующий лабораторией сравнительного правоведения
Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова
доктор юридических наук, профессор
Ю. П. Гармаев*

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ: НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ СТРАН АЗИИ

COMPARATIVE LAW: NATIONAL LEGAL SYSTEMS OF ASIAN COUNTRIES

УДК 346.9

A Comparative Review of Climate Legislation in Central Asian States

Emin Alimusayev

2-nd year PhD student,

Baku State University

Azerbaijan, Baku

eminalimusayev@gmail.com

This study presents a comparative legal analysis of climate legislation across the five Central Asian states, evaluating the transition from policy based strategies to binding national laws. By examining the legislative frameworks of Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Turkmenistan, the research identifies a significant divergence in legislative development and enforcement mechanisms. The analysis demonstrates that while the region shows high international commitment through updated Nationally Determined Contributions (NDCs), domestic implementation remains hampered by legal gaps and a lack of unified regional standards. The article concludes that the effectiveness of climate mitigation in the region depends on the successful integration of international political aspirations into enforceable domestic legal codes.

Keywords: climate change, Central Asia, comparative legal analysis, legal effectiveness.

Сравнительный обзор климатического законодательства в государствах Центральной Азии

© Эмин Алимусаев

аспирант 2-го курса,

Бакинский государственный университет,

Азербайджан, г. Баку

eminalimusayev@gmail.com

В данном исследовании представлен сравнительный правовой анализ законодательства в области климата в пяти государствах Центральной Азии, в ходе которого оценивается переход от стратегий, основанных на политических решениях, к обязательным национальным законам. На основе изучения законодательных баз Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана в исследовании выявлены значительные различия в развитии законодательства и механизмах его исполнения. Анализ показывает, что, хотя регион демонстрирует высокую степень международных обязательств посредством обновленных национально определенных вкладов (NDC), их реализация на национальном уровне по-прежнему затрудняется из-за пробелов в законодательстве и отсутствия единых региональных стандартов. В статье делается вывод, что эффективность мер по смягчению последствий изменения климата в регионе зависит от успешной интеграции международных политических устремлений в имеющие силу на национальном уровне правовые нормы.

Ключевые слова: изменение климата, Центральная Азия, сравнительный правовой анализ, правовая эффективность.

The intensification of climate change poses a significant threat to the Central Asian states. Being among Worlds most climate vulnerable regions, legal analysis of the climate legislations of central Asian states is a matter of great importance. Despite this urgency, it is noteworthy that comparative legal analysis of the climate legislations of Central Asian states received little scholarly attention. This research fills the gap by analysing and comparing climate legislations of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan. To understand the broader context of this regional challenge, it is important to note that over the last 30 years, global climate regulation has rapidly expanded to include 1,800 laws and 1,500 court cases, however, it remains highly sensitive to economic cycles and peaked before the Paris Agreement was signed [10, p.45]. Furthermore, while legislative activity in 33 countries has produced nearly 300 climate-related

laws aimed at energy efficiency and adaptation, climate change is simultaneously creating urgent public health risks [13, p. 430–431]. This global shift highlights the growing necessity for Central Asian states to translate broad environmental declarations into concrete domestic legislation that clearly defines state and institutional responsibilities.

The regional landscape is characterized by varying degrees of legislative development. Kazakhstan's climate regulation is integrated into its Ecological Code. Section 18 of the Code is called "Climate and The Ozone Layer in the Atmosphere". Article 283 declares that the carbon balance of the Kazakhstan will be reduced 15% below the 1990 level [1]. Public regulation is implemented through three primary instruments listed in Article 285: carbon budgeting, carbon quotas and the administration of plant operators. By integrating these regulatory instruments directly into the national Code, the state creates a structured and legally binding environment for industrial actors. This approach signifies a deliberate transition from voluntary environmental goals to strictly enforceable state mandates. In addition to these domestic codes, Kazakhstan reaffirms its commitment to the Paris Agreement through its enhanced NDC 3.0, which increases ambition and transparency, aligns with carbon neutrality by 2060 and sets a target to reduce net greenhouse gas emissions by 17% below 1990 levels by 2035 (up to 25% with international support) [3]. Covering the 2026–2035 period, NDC 3.0 is supported by updated legal and policy frameworks including the Environmental Code, an emissions trading system, and green development programs.

Following a similar trajectory, in 2025, Uzbekistan adopted the Law "on Limiting Greenhouse Gas Emissions", establishing the legal framework for reducing the country's emissions in line with the Paris Agreement. Article 12 establishes that greenhouse gas emission reduction targets in Uzbekistan are not fixed directly in the law but are determined by the Cabinet of Ministers in line with presidential acts, taking into account environmental factors such as carbon absorption and broader economic considerations [2]. Delegating this authority to the executive branch provides the state with regulatory flexibility to adjust targets in response to ongoing economic fluctuations. Parallel to this legislative act, Uzbekistan's NDC 3.0 commits to reducing greenhouse gas emissions intensity by 50% per unit of GDP by 2035 (from 2010 levels), reflecting a strengthened but growth-compatible climate target under the Paris Agreement [4]. It emphasizes energy efficiency, expansion of renewable energy and structural economic reforms aligned with sustainable development goals.

However, the existence of climate legislation alone does not guarantee its effectiveness. The practical impact of any legal framework depends on the strength of institutional mechanisms responsible for its implementation and enforcement.

In contrast to the established laws of its neighbours, Kyrgyzstan's legal architecture for climate regulation is evolving from a fragmented collection of sectoral regulations and environmental laws toward a centralized system defined by the newly drafted Law «on Climate Action» [5]. Consolidating these disparate sectoral rules into a single legislative act aims to eliminate regulatory contradictions and improve overall domestic enforcement. At present, climate obligations are regulated by the Law "on Environmental Protection" and specific regulations within the energy and transport sectors. The Kyrgyz Republic's NDC 3.0 sets unconditional emission reduction targets of 18% by 2030 and 16% by 2035, with conditional targets reaching 30% and 39%, supported by ongoing legal and policy reforms, including proposed climate and glacier laws.

Tajikistan currently lacks a specialized climate law. The country's updated targets aim to limit greenhouse gas emissions to 60–70% of 1990 levels by 2030, with a conditional goal of 50–60% contingent upon significant international financing and technology transfer. Its strategy focuses on building climate resilience across five priority sectors: agriculture, energy, forestry, industry, and transport [6]. Relying on strategic policy rather than a codified climate law means that environmental goals must be achieved through existing administrative and sectoral channels. Similarly, Turkmenistan also lacks a distinct climate law, however it has adopted a suite of specialized legal and strategy acts on the renewable energy sources. Its primary climate target is 20% reduction in greenhouse gas emissions by 2030 compared to its 2010 levels [7]. Its strategy centers on a systematic transition to a green economy by prioritizing energy efficiency, rationalizing the use of natural gas and expanding renewable energy across the industrial and social sectors. Focusing on targeted energy policies may serve as an alternative method to enacting comprehensive climate legislation.

When examining the region as a whole, it becomes evident that environmental vulnerability is a shared element that transcends national borders. A study showed the region faces intensifying impacts of climate change, including rising temperatures, glacier retreat, increased droughts, floods and heatwaves, which directly threaten food security, water availability, energy systems, public health, and transportation, with the potential to intensify both intersectoral and interstate tensions [9, p. 16–19].

This shared environmental exposure creates a natural basis for deeper regional legal cooperation. The transboundary character of the climate impacts means that purely domestic legislative responses may prove insufficient in isolation. A more coordinated regional approach to mitigation and enforcement could therefore significantly enhance the overall effectiveness of individual national frameworks.

Despite this shared threat, the legal response across the five republics is uneven. This fragmentation is largely rooted in the nature of international climate law itself. A legal analysis concludes that Nationally Determined Contributions under the Paris Agreement are generally political aspirations rather than legally binding commitments, as they typically lack the precision and manifest will to be bound required to be enforceable under international law [14, p. 841–842]. Because the NDCs lack strict enforcement mechanisms at the international level, their effectiveness depends entirely on how vigorously they are translated into domestic law. Further research article argues that the Paris Agreement’s reliance on national determination is insufficient to resolve the climate crisis and must be strengthened by interpreting its obligations within a broader normative environment [12, p. 198–200].

By examining the Central Asian states from normative aspect, a clear division emerges between states that codify their targets and those that rely on policy strategies. A comparative analysis of Central Asian climate regulation shows that while countries are modernizing legal frameworks and expanding renewable energy capacity, with Kazakhstan and Uzbekistan leading efforts to diversify energy portfolios and implement comprehensive environmental codes, regional cooperation remains limited by uneven economic development, the absence of unified emissions standards, reliance on international funding and institutional challenges such as weak dispute resolution mechanisms and bureaucratic delays [11]. While Kazakhstan and Uzbekistan integrate climate regulation into binding national codes, other countries maintain a more decentralized approach. Further research finds that while Central Asia demonstrates strong environmental commitment internationally, regional cooperation between the five republics remains externally dependent and domestic implementation is limited by capacity and funding rather than ideological opposition [8, p.140–146]. Therefore, bridging the gap between international commitments and domestic legislation remains the primary legal obstacle for the region.

The comparative legal analysis of climate legislation in Central Asia reveals a region in evolving legislative development. While all five states have acknowledged the severe risks posed by climate change and have updated their Nationally Determined Contributions under the Paris Agreement, the legal mechanisms utilized to achieve these goals vary significantly. Kazakhstan and Uzbekistan demonstrate a higher degree of legal institutionalization by integrating climate regulation directly into comprehensive legislative acts and environmental codes. Conversely, Kyrgyzstan is currently in a transitional phase toward centralization, while Tajikistan and Turkmenistan continue to manage climate action through specialized policy strategies and sectoral programs rather than unified, binding climate laws.

Ultimately, the effectiveness of climate regulation in Central Asia is hindered by gaps in legal and institutional capacity. Because international climate agreements function primarily as aspirations rather than strictly enforceable provisions, the burden of accountability rests entirely on domestic legal systems. Overcoming current legal and institutional challenges and fostering robust legal frameworks will be essential to ensure regional climate resilience and sustainable development.

Literature

1. Ecological Code of the Republic of Kazakhstan No. 400-VI, January 2, 2021. URL: <https://adilet.zan.kz/eng/docs/K2100000400> (access 16.04.2026).
2. Law on limiting greenhouse gas emissions No. ZRU-1073 (Republic of Uzbekistan). URL: <https://lex.uz/en/docs/7618153> (access 16.04.2026).
3. United Nations Framework Convention on Climate Change. (2025). Nationally determined contribution of the Republic of Kazakhstan (NDC 3.0). URL: https://unfccc.int/sites/default/files/2025-11/NDC_Kazakhstan%203.0%20eng.pdf (access 16.04.2026).
4. Republic of Uzbekistan. (2025). Third Nationally Determined Contribution (NDC 3.0). URL: <https://unfccc.int/sites/default/files/2025-11/Uzbekistan%20Third%20NDC.pdf> (access 16.04.2026).
5. Government of the Kyrgyz Republic. (2025). Nationally determined contribution of the Kyrgyz Republic: NDC3.0. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/2025-10/NDC3.0_Kyrgyzstan_English_30-09-2025%20%282%29.pdf (access 16.04.2026).
6. Government of the Republic of Tajikistan. (2021). Updated nationally determined contribution of the Republic of Tajikistan. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2022-06/NDC_TAJIKISTAN_ENG.pdf (access 16.04.2026).

7. Government of Turkmenistan. (2022). Updated nationally determined contribution of Turkmenistan. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2023-01/NDC_Turkmenistan_12-05-2022_approv.%20by%20Decree_Eng.pdf (access 16.04.2026).
8. Costa Buranelli, F. (2023). The institutionalisation of environmentalism in Central Asia. In R. Sabyrbekov et al. (Eds.), *Climate change in Central Asia* (pp. 137–146). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-29831-8_11
9. Daloz A. S. (2023). Climate change: A growing threat for Central Asia. In R. Sabyrbekov et al. (Eds.), *Climate change in Central Asia* (pp. 15–19). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-29831-8_2
10. Eskander S., Fankhauser S., & Setzer J. (2021). Global lessons from climate change legislation and litigation. *Environmental and Energy Policy and the Economy*, 2, 44–82. <https://doi.org/10.1086/711306>
11. Ismailova G., & Babaeva I. (2025). Comparative analysis of international legal cooperation in the climate change sector in Central Asian countries. <https://doi.org/10.5281/zenodo.17197678>
12. Rajamani L. (2024). Interpreting the Paris Agreement in its Normative Environment, *Current Legal Problems*, Volume 77, Issue 1, Pages 167–200. <https://doi.org/10.1093/clp/cuae011>
13. Townshend T., Fankhauser, S., Aybar, R. et al. (2013). How national legislation can help to solve climate change. *Nature Climate Change* 3, 430–432. <https://doi.org/10.1038/nclimate1894>
14. Zaman S. T. (2024). Do NDCs submitted by the parties under the Paris Agreement imply binding commitments? A legal analysis. *American University International Law Review*, 39(4), 803–869. <https://digitalcommons.wcl.american.edu/auilr/vol39/iss4/5>

Структура судебной системы Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.)

© А. М. Биче-оол

аспирант,

Сибирский федеральный университет

Россия, г. Красноярск

старший преподаватель кафедры теоретических

и публично-правовых дисциплин юридического факультета

Тувинский госуниверситет

Россия, г. Кызыл,

aidasha79@yandex.ru

В статье проведен анализ эволюции структуры судебной системы Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) от коллективных советов к институционализированным государственным судам. Выделены Верховный суд ТНР, кожуунные народные суды и вспомогательные общественные суды. Установлено запаздывание советизации ТНР относительно РСФСР на 10–15 лет с сохранением этнических адаптаций. Исследование опирается на конституции ТНР и Закон «О судеустройстве ТНР» 1941 г.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика, судебная система, судеустройство, Верховный суд ТНР, кожуунные суды, общественные суды, советизация.

The structure of the judicial system of the Tuvan People's Republic (1921–1944)

A. M. Biche-Ool

PhD Student, Siberian Federal University

Russia, Krasnoyarsk

Senior Lecturer, Department of Theoretical and Public Law Disciplines

Faculty of Law, Tuvan State University

Russia, Kyzyl

aidasha79@yandex.ru

The article examines the evolution of the Tuvan People's Republic judicial system structure (1921–1944) from collective councils to institutionalized state courts. The Supreme Court of TPR, kozhuun people's courts, and auxiliary public courts are identified. A 10–15-year lag in Sovietization compared to RSFSR with ethnic adaptations is established. The study is based on TPR constitutions and the 1941 Law «On the Judicial System of TPR».

Keywords: Tuvan People's Republic, judicial system, court organization, Supreme Court TPR, courts, public courts, sovietization.

Становление и развитие судебных систем в регионах России во многом отражают особенности их исторического, этнического, экономического и политического пути. Исследование региональных судебных структур позволяет не только восстановить историю правосудия на местах, но понять, как в регионах формировались правовое сознание, государственная власть и ее централизация, внедрение идеологической модели правопорядка. Тувинская Народная Республика (ТНР), существовавшая с 1921 по 1944 г. представляет собой показательный пример такого переходного государства, где традиционные формы правосудия с периода Цинской империи, правопорядка Российской империи во время протектората постепенно заменялись на суды советского образца под влиянием СССР. Изучение структуры судебной системы ТНР позволяет решить ряд актуальных задач: 1. проследить механизмы идеологической трансформации правосознания в этнически окрашенных периферийных регионах; выявить специфику формирования правоприменительных институтов в условиях «ограниченного суверенитета»; 2. реконструировать эволюцию принципов разделения властей в «народных демократиях»; 3. оценить роль правосудия как инструмента политического контроля и модернизации традиционного общества.

Отсутствие комплексных исследований структуры судебной системы ТНР делает данную работу важным вкладом в тувиноведение и историю права народов России.

Анализ доступных исследований по теме показывает, что на сегодняшний день не существует комплексных обобщающих трудов, посвященных формированию и эволюции судебной системы Тувинской Народной Республики (ТНР) и Тывы в целом. Встречаются несистематизированные данные

в публикациях тувинских историков. К примеру, в монографии Ю.Л. Аранчына «Исторический путь тувинского народа к социализму» упоминается процесс избрания судей республиканского уровня в ТНР. Первые попытки осмыслить историю становления судопроизводства и прокуратуры в Тыве относятся к работам И. Иезуитова, опубликованным в 1950–1960-е гг. В них, в частности, описаны механизмы установления вины и виды наказаний, практиковавшиеся в Тыве до 1920-х гг.

В последние 15 лет начали выходить публикации, где предпринимаются усилия по изучению генезиса судебной системы Тывы. Так, в статьях В. М. Дамдынчапа рассмотрены особенности и мировоззренческие основы системы наказаний в традиционном тувинском праве, а также эволюция судопроизводства в ТНР. Автор подчеркивает: «Эффективность любой государственно-правовой конструкции зависит от того, насколько ее нормы гармонируют с обычаями и традициями народа. Часто официальное законодательство конфликтует с фундаментальными для традиционной культуры понятиями “правда”, “честь”, “справедливость”».

Просмотрены также периодические издания ТНР, содержащие ценные данные о специфике формирования судебной системы. Среди них — «Уголовный кодекс ТНР», «Уголовно-процессуальный кодекс ТНР», «Основной Закон (Конституция) Тувинской Народной Республики», статья Тыртый-оола «Суд — оружие государства» в журнале «Под знаменем Ленина-Сталина» (1942 г.) и другие. Эти материалы пока не введены в научный оборот и могут стать основой источниковой базы.

Цель исследования

Комплексный анализ эволюции структуры судебной системы Тувинской Народной Республики в период 1921–1944 гг. с целью выявления закономерностей её институционального становления и особенностей взаимодействия с традиционными правовыми институтами.

Задачи исследования

1. Проследить трансформацию судебных органов от коллективных советов (1921–1929 гг.) к институционализированной системе государственных судов (1930–1944 гг.).
2. Выявить роль конституционного закрепления и специальных законов в формировании судебной иерархии.
3. Исследовать компетенцию и процессуальные особенности Верховного суда, кожуунных народных судов и Кызылского городского суда.
4. Оценить правовой статус общественных судов как вспомогательного механизма правосудия.
5. Сформулировать типологию этапов становления судебной системы ТНР.

Методы исследования

1. Историко-правовой метод — анализ нормативных актов (Конституции 1921, 1923, 1924, 1930, 1936, 1941 гг., Закон «О судостроительстве ТНР» 1941 г.);
2. Сравнительно-правовой метод — сопоставление судебных систем ТНР и РСФСР/СССР;
3. Системный метод — реконструкция институциональной структуры и иерархии судов;
4. Источниковедческий метод — критический разбор архивных документов и публикаций.

Научная новизна

Впервые комплексно реконструирована полная структура судебной системы ТНР за 1921–1944 гг. с выделением двух этапов становления. Разработана типология судебных органов ТНР (государственные суды, общественные суды, исполнительно-судебные органы). Выявлена специфика взаимодействия обычного права и советской модели судостроительства в переходном обществе.

Результаты исследования

Формирование судов ТНР следует разделить на два этапа: первый — с 1921 по 1929 — становление и формирование судебной системы ТНР, и второй — с 1930 по 1944 г. — этап ее интенсивной советизации и институционального укрепления.

Предыстория

Синьхайская революция 1911 г. ослабила позиции Китая и стала катализатором глубоких преобразований в Туве. Выбор Монголией независимого пути ставил вопрос и перед Тувой выбрать дальнейший путь. Это привело к расколу тувинского общества на три группы. Первую группу возглавил амбын-нойон Оюном Комбу-Доржу Олзей-Очур оглу, выступавшая за присоединение к Российской империи; вторая — за союз с Монголией; третья — за создание собственного независимого государства. В результате, воспользовавшись ослаблением Цинской власти, Тува провозгласила номинально независимую республику Урянхай (январь 1912 — апрель 1914 гг.) при участии Российской империи, видевшей в этом стратегический интерес для защиты границ и влияния во Внутренней Азии [1, с. 50–60].

В апреле 1914 г. Российская империя объявила протекторат над Тувой на основе прошения тувинских ноянов (князей) и Камбы-ламы Лопсан-Чамзы Ондара. Протекторат России над Тувой подразумевал сохранение внутренней автономии, но передачу решения вопросов по внешней политике и

обороне под контроль России. Юридически протекторат над Тувой закреплялся путем принятия нормативно-правовых актов России. Со стороны Тувы — обязательством не вступать в переговоры с Монголией и Китаем. Тува была номинально включена в состав Енисейской губернии Иркутского генерал-губернаторства Российской империи. Россия от протектората получила доступ к золоту, пушнине и многим другим ресурсам Тувы. Тува получает защиту от притязаний Китая и Монголии, а также освобождение от налогов, переход на российское судопроизводство, которое отличалось мягкостью в сравнении с цинским, где применялись жестокие пытки [5, с. 51].

Судебная система до Урянхайского края включала несколько инстанций: суд амбын-нойона, кожунный и сумонный суды, соответственно власть, в том числе судебная принадлежала нойонам, то есть аристократии, которые вершили правосудие от имени цинского императора. Тяжкие преступления расследовала канцелярия цзянцзюня в Улясутае. Процесс следствия делился на досудебное расследование и судебное разбирательство. В ходе процесса стремились добиться признания вины путем физического воздействия, то есть пыток. В случае установления вины применялись телесные наказания [7, с. 153–154].

В период Урянхайского края суд Российской Империи действовал ограниченно, распространяя свое влияние в основном на своих подданных, то есть русских. Внедрение же российской юрисдикции среди тувинцев было осторожным, с учетом обычного права тувинцев и с расчетом на постепенный охват их правосознания и правовых практик. Приказы и постановления Комиссара по делам Урянхайского края становились ключевыми правовыми актами, регулировавшими отношения между тувинцами и русскими. Судебные функции осуществлялись либо через выездные заседания, либо через административные органы, совмещавшие функции публичного (административного) управления и юрисдикционных полномочий. Для основной массы тувинского населения эта система носила чисто внешний характер. Внутренние отношения в тувинском обществе продолжали регулироваться нормами обычного права, которые применялись традиционными институтами власти. Нойоны, возглавлявшие кожууны, и подчинённые им чиновники (включая сумонных управителей и их помощников) рассматривали споры, осуществляли сбор податей и поддерживали порядок. Компетенция этих должностных лиц не дифференцировалась по видам деятельности: разрешение имущественных конфликтов, рассмотрение дел о кражах скота или нанесении вреда соседним хозяйствам осуществлялось в рамках общей административной функции. Подсудность определялась принадлежностью лица к конкретному сумону или роду [2, с. 17].

В Урянхайском крае действовал смешанный русско-урянхайского суд, где споры рассматривали, исходя из споров между тувинцами и русскими, то есть тувинцев судили по нормам обычного права, русских судили по нормам Российской империи. Этот орган разрешал земельные и иные споры. Такая лояльность со стороны Российской империи был вызван осторожным подходом к аккультурации тувинского общества после длительного влияния Цинской империи, в целях постепенной адаптации тувинцев к российским законам, а также с учетом нестабильной обстановки в крае, вызванной интересом среди некоторых тувинских князей воссоединения Тувы с Монголией.

Этап 1: Становление судебной системы (1921–1929 гг.)

С 13 по 15 августа 1921 г. на Всетувинском учредительном создается новое государство Танды-Тыва арат улус; в русской транскрипции — Республика Танну-Тува улус. Принята первая Конституция, содержащая 22 статьи, в которой закрепляются функции правосудия в сумонах возложены на коллективные советы, в кожуунах, соответственно, на кожуунные коллективы. На данном этапе законодательно отрегулированы органы законодательной, исполнительной властей, которые совмещали функции судебных органов.

Под Тувинской Народной Республикой (ТНР) в контексте настоящего исследования понимается единое государство, которое с момента провозглашения 14 августа 1921 г. существовало на территории Тувы до её вхождения в состав СССР в 1944 г. В 1921–1926 гг. это государство официально именовалось Народной Республикой Танну Тува, после принятия Конституции 1926 г. — Тувинской Народной Республикой.

Таким образом, Танну Тува и Тувинская Народная Республика рассматриваются как одна и та же политическая и правовая реалья, различающиеся лишь официальным названием на разных этапах её существования. В связи с этим исследование охватывает период с 1921 по 1944 г., поскольку именно в эти годы данная территория функционировала как самостоятельное государство — сначала под названием Танну Тува, а затем как Тувинская Народная Республика.

Съезд всех кожуунов являла собой Верховную законодательную власть (Хурал). Высшая исполнительная власть принадлежала Всеобщему Центральному Совету (Правительству), состоящего из представителей кожуунов. Кожуунными советами управляли заведующие кожуунами совместно с

коллективом из трех лиц. Сумоны — коллективными советами из трех лиц, которые избирались на съездах сумонов. Должностные лица кожуунов и сумонов утверждали на всеобщих кожуунных съездах. Каждый сумон, соответственно, подчинялся кожуунному коллективу, кожуунные же подчинялись Всеобщему Центральному Совету (Правительству), который представлял собой не только высшую исполнительную власть, но и законодательную, а также был наделен полномочиями суда [4, с. 27].

Первой Конституцией ТНР не определены категории дел, которые рассматривали коллективами сумонов и кожуунов, так же как и не определены категории дел, подлежащих рассмотрению Центральным Советом.

Такой подход к формированию судебных органов исходил из опыта и правовой парадигмы тувинского общества на тот исторический этап формирования первого тувинского государства. Анализируя такую структуру органов власти и их полномочий с современной точки зрения, можно объяснить историческими реалиями и нельзя не согласиться с тем, что в те годы невозможно было иначе решать вопросы связанные с судостроительством, рассмотрением судебных дел, исполнением наказаний, поскольку все еще были в силе нормы обычного права, когда сложившиеся жизненные ситуации, споры, решались сообща, коллективно, кланово.

Первоочередной необходимостью на том этапе было создание независимого государства, а также собственных государственных средств, экономики, ветви власти, свободы вероисповедания, установить заботу о здоровье граждан, закрепить право на борьбу с иностранным влиянием, при этом в первой же статье устанавливается, что в международных отношениях ТНР выступает под покровительством Советской России [4, с. 25]. Установление равенства всех перед законом первой Конституцией носит декларативный характер. Норма не сопровождается механизмами обеспечения равенства, не определяет процедуры, исключающие произвольное применение норм. В условиях отсутствия процессуальных гарантий реализация этого принципа зависела от практики конкретных органов.

Также стоит отметить, что ст. 7 указанного документа отменяются физические наказания и вводятся новые виды наказаний как принудительные работы и штрафы. «Наказывание палками, заковывание в колодки и пытки при допросе отменяются штрафами и принудительными работами. Состоятельные лица штрафуются в пользу общества и приговариваются к принудительным работам по решению суда...» [4, с. 26].

Таким образом, изучив иерархию органов государственной власти, а также местного самоуправления и факт наделения органов местного самоуправления и органов исполнительной власти судебными полномочиями, можно составить структуру судебной системы на первом этапе ее формирования следующим образом: сумон — кожуун — Центральный Совет (Правительство Республики Танну-Тува улус).

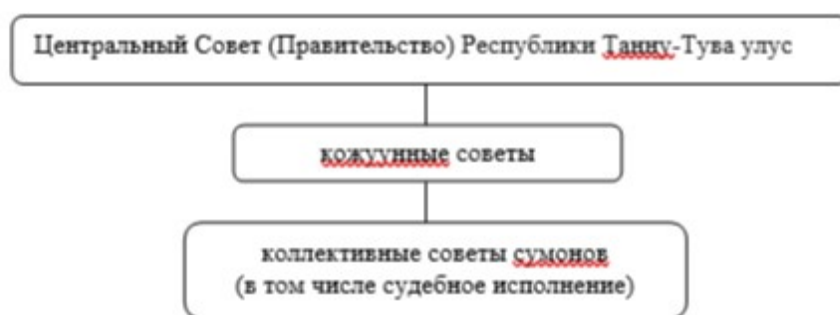

Рис. 1. Структура судебной системы в 1921 г.

В феврале 1922 г. создается Министерство юстиции Республики Танну-Тува улус. Министром назначен Тарыма-Базыр. Министерству юстиции, разрешено ведение всех судебных дел отнесено к его ведению, соответственно рассмотрения дел сумонами, кожуунами регулировалось под контролем данного министерства, то есть самостоятельными полномочиями суд не обладал [3, с. 72].

В 1923 г. принимается новая Конституция, которая так же состояла из 22 статей, провозглашающих равноправие, запрет на эксплуатацию людей друг другом, об избрании служащих сумонов и кожуунов, определен возраст избрания на должность — от 20 лет и выше независимо от пола, но обладающий уважением среди населения. Данная Конституция акцентирована на порядке избрания служащих в органы местного самоуправления, органов исполнительной власти республики. Судьи относились к выборным должностям. Так же сохраняется классовый подход, как и в первой Конституции, то есть на служебные должности запрещалось избирать священнослужителей, бывших под следствием, а также «не принимающих принципов партии».

В 1924 г. принимается третья по счету Конституция, п. 14 которой установлено, что «Все судебные дела республики разрешаются Министерством юстиции». Верховная власть принадлежит Великому Хуралу республики, а в период перерывов Великого Хурала власть уполномочен осуществлять Малый Хурал. Малому Хуралу дано принятие решения о созыве Великого Хурала. Малый Хурал созывается по истечении трех месяцев после работы Великого Хурала. Согласно п. 10 Конституции 1924 г. министры Правительства выбираются из числа делегатов Малого Хурала, при этом выбираются следующие должности: председатель Совета министров, его заместитель, министр внутренних дел, министр юстиции, два судьи, министр финансов и министр иностранных дел. Здесь иерархия при избрании должностных лиц относительно сумонов и кожуунов остается, однако устанавливают подчинение кожуунных советов центральной комиссии при Правительстве. Также советы сумонов подчиняются советам соответствующих кожуунов, а советы кожуунов подчиняются министерствам Правительства. Последовательность иерархии рассмотрения судебных разбирательств соответствует изменениям, введенным Конституцией от 1924 г. Коллективные сумонные советы — кожуунные советы — Верховный суд — Министерство юстиции Республики Танну-Тува улус [4, с. 36–38], таким образом судебная власть от органов местного самоуправления и органов исполнительной власти не отделена. Принципиальным является включение судей в состав органа исполнительной власти: это не просто техническое решение, а отражение общей модели, при которой правосудие рассматривается как часть управленческой деятельности. В этих условиях избрание судей из числа делегатов Хурала представлялось единственным возможным способом комплектования органов, осуществляющих правоприменение. Однако это решение лишь укрепляло зависимость суда от политической структуры и исключало его институциональную самостоятельность.

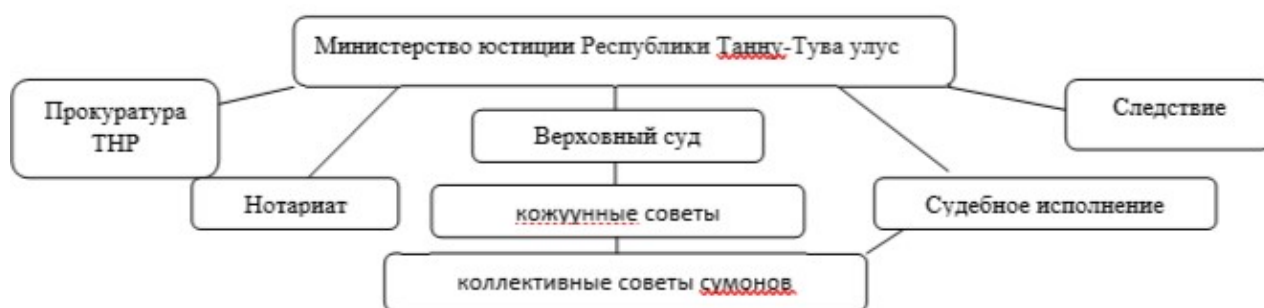

Рис.2 Структура судебной системы Республики Танну-Тува улус с 1924 по 1934 г.

Помимо рассмотрения дел по существу Верховный суд выполняет функции пересмотра решений нижестоящих судов. Жалобы на решения кожуунных судов направляются именно в эту инстанцию, что формально закрепляет за ней роль апелляционного органа. Институциональное положение Верховного суда определяется также его взаимодействием с другими органами власти, ведь он действует в тесной связи с Министерством юстиции, Советом Министров и местными органами управления. В совокупности указанные особенности позволяют рассматривать Верховный суд ТНР 1920-х гг. как орган, находящийся на пересечении различных функций. Он выступает одновременно как высшая судебная инстанция, орган пересмотра решений и элемент административного контроля. Его формирование связано с попыткой упорядочить правоприменение, однако отсутствие институциональной независимости и кадровые ограничения не позволяют ему стать полноценным центром судебной власти. В этом проявляется переходный характер всей системы.

Структура Министерства юстиции Тувинской народной Республики к 1928 г. имеет состав из: 1. министра юстиции; 2. заместителя министра юстиции; 3. Верховного суда ТНР, 4. отдела прокуратуры министерства, который возглавляется заместителем министра юстиции; 5. нотариальной конторы; 6. Управления делами судебных исполнителей. Как и прежде судебные полномочия с органов местного самоуправления не снимаются и в рамках отправления правосудия органы местного самоуправления подчинены Министерству юстиции ТНР. Таким образом, включённость органов исполнительной власти и местного самоуправления в осуществление правосудия в ТНР 1920-х гг. носит системный характер. Центральный совет, Совет Министров, Министерство юстиции, хошунные и сумонные органы образуют единую управленческую структуру, внутри которой осуществляется правоприменение. Судебная функция не выделяется из этой структуры, а реализуется как её составная часть. Эта особенность определяет специфику ранней судебной системы ТНР [3, с. 72].

С принятием Конституции ТНР 1930 г. начинается период углубления советизации. На данном этапе сохраняется высший законодательный и распорядительный орган ТНР Президиум Малого Хуралдана, тогда как верховной властью обладал Великий Хуралдан ТНР, который уполномочен устанавливать положения о судеустройстве и судопроизводстве, а также о введении гражданского, уголовного, трудового законодательства, установлении амнистии.

До 1934 г. Министерство юстиции обладало широкими полномочиями в области судебной деятельности в ТНР, начиная от разработки соответствующих нормативно-правовых актов, до выполнения функций надзорной инстанции. Министр юстиции мог потребовать те или иные дела, находящиеся на рассмотрении в Верховном суде ТНР, а также в кожуунах или сумонах. Характерным является и то обстоятельство, что решения, принимаемые органами управления, приобретают обязательную силу без разделения их на нормативные и индивидуальные акты. Это касается и решений по конкретным делам, которые могут приниматься в тех же формах, что и управленческие распоряжения. В результате границы между правотворчеством и правосудием оказываются размытыми. В апреле 1934 г. Министерство юстиции ТНР ликвидируют, функции переданы Верховному суду ТНР [3, с. 74].

В Конституции ТНР 1936 г. посвящены отдельные главы, утверждающие должность прокурора ТНР, Верховному суду, Министерству внутренних дел. Данный этап законотворчества и в целом строительства государственной власти, ее органов характеризуется структурированностью, системным подходом к законотворчеству, судеустройству и в целом государственному строительству, что объясняется активным участием СССР, командированием специалистов из СССР в ТНР консультантов. Сумонные и кожуунные суды и городской суд на данном этапе становления судебной системы сохраняются.

Последней принятой Конституцией ТНР от 25 июня 1941 г. суду и прокуратуре посвящается седьмая глава. Правосудие осуществляется Верховным судом ТНР, городским судом в городе Кызыл и кожуунными народными судами. Верховный суд являлся высшим судебным органом ТНР и возлагался надзор за деятельностью всех судебных органов. Судьи Верховного суда избирались Малым Хуралом ТНР сроком на три года, тогда как кожуунные и городские судьи избирались на два года. Прокурор ТНР избирался на четыре года, кожуунные прокуроры назначались прокурором ТНР на два года. Ст. 53 указанной Конституции устанавливается независимость судей и подчиненность их только закону. При этом сумоны освобождены от судебной деятельности и более входили в структуру судебной системы [6, с. 85].

Судебные функции отделены от органов местного самоуправления и исполнительных органов принятием Закона Тувинской Народной Республики от 6 октября 1941 г. «О судеустройстве ТНР» (далее — Закон). В соответствии с данным законом правосудие в ТНР осуществлялось системой государственных судов: Верховным судом ТНР, Кызылским городским судом и кожуунными народными судами [6, с. 123].

В соответствии со ст. 30 Закона Верховный суд ТНР рассматривал дела в качестве первой инстанции по уголовным делам о контрреволюционной деятельности, преступлениях против государственного управления, а также по убийствам, совершённым опасным для жизни многих людей способом или из корыстных и иных низменных побуждений, также воинские преступления, хищения государственной и общественной собственности в особо крупных размерах, особо важные должностные преступления. Из гражданских дел были отнесены споры между государственными и общественными учреждениями и организациями.

Народные суды кожуунов и городской суд Кызыла рассматривали уголовные дела о преступлениях против государственного управления, включая уклонение от призыва и воинской службы, нарушения избирательного закона, воспрепятствование совершению религиозных обрядов и антирелигиозную пропаганду, преступления против личности, против собственности и иные преступления. В гражданском процессе народные суды кожуунов и городской суд рассматривали споры об имуществе, дела, связанные с нарушением норм трудового законодательства, дела по алиментным обязательствам, наследственные споры и иные споры в соответствии с законодательством ТНР.

5 января 1942 г. Президиум Малого Хурала ТНР принял Положение «О сумонных общественных судах ТНР» (далее — Положение), в целях максимального привлечения общественной инициативы народа в борьбе с нарушителями дисциплины на производстве и в повседневной жизни. Общественные суды функционировали при президиумах Малых хуралов трудящихся сумонов с годовым сроком действия. Сумонные общественные суды занимались делами о мелком хулиганстве без уголовной ответственности. Инициировать дела могли любые заинтересованные стороны — физические лица, учреждения или организации — как устно, так и письменно [6, с. 126]. Также определен механизм обработки жалоб от граждан и организаций.

Акты сумонных общественных судов не предусматривали права обжалования в апелляции, хотя со стороны народных судов кожуунов осуществлялся надзор в плане обоснованности мер воздействия. Разбирательство в таких судах не влекло судимости, независимо от выбранной санкции. Если меры казались неподходящими или процедура нарушена, народный судья кожуна постановлял передать дело в свой суд с участием заседателей. В итоге народный суд кожууна мог отменить или скорректировать решение сумонного суда участия сторон при рассмотрении [6, с. 127].

Президиумом Малого Хурала ТНР 5 января 1942 г. утверждены принципы функционирования поселковых общественных судов, которые практически не отличались от принципов работы сумонных общественных судов. 25 мая 1943 г. Положением «О производственно товарищеских судах ТНР» учреждены производственно товарищеские суды ТНР. Данные суды могли организовываться в коллективах численностью не менее 50 человек и рассматривали дела о нарушении трудовой дисциплины, порче государственного и общественного имущества, выпуске бракованной продукции, кражах, выявленных на территории предприятий, в случае совершения работниками предприятия впервые [6, с. 129]. Работа ПТС, как и сумонных общественных судов, не была связана положениями, регулирующими обычное судопроизводство, и в ней также запрещалось копировать практику деятельности народных кожуунных судов и Верховного суда ТНР.

Судебная система ТНР прошла путь от коллективно-административной модели (1921–1929 гг.), где судебные функции совмещались с исполнительной властью на всех уровнях, к институционализированной государственной системе (1941–1944 гг.) с четкой иерархией: Верховный суд ТНР как высшая судебная инстанция — Кызылский городской суд /кожуунные народные суды. Особенности эволюции структуры судебной системы ТНР являются: 1. Поэтапная советизация: от традиционного обычного права к советской модели через этапы 1921–1929 и 1930–1944 гг.; 2. Инструментальный характер: суды служили реализации государственной политики и идеологической трансформации нового тувинского государства; 3. Двойная структура: государственные суды и общественные суды как механизм массового общественного контроля.

В 1921–1929 гг. судебная система ТНР очевидно, что заимствовала раннюю советскую модель РСФСР периода НЭП, где совмещение функций органов местного самоуправления, как сумонные и кожуунные советы ТНР аналогичны сельсоветам РСФСР, осуществлявшим правосудие по мелким делам. Центральный Совет ТНР соответствовал ВЦИК как высшей инстанции. Министерство юстиции ТНР до 1934 г. и РСФСР (до 1930 г.) выполняло надзорные функции, включая пересмотр дел нижестоящих судов, кроме выполнения административных функций по управлению судами. Руководство принципом единства государственной власти и однопартийности, а не классическим принципом разделения на законодательную, исполнительную и судебную. При этом ТНР сохраняла обычное право в местных советах, тогда как РСФСР активно вытесняла его кодексами (УК РСФСР 1922 г., ГПК 1923 г.).

Этап институционализации (1930–1941 гг.): ускоренная советизация Тувы. К 1941 г. ТНР так же заимствует судоустройство РСФСР 1930-х гг. Иерархия судов ТНР (Верховный — Кызылский — кожуунные) воспроизводила структуру РСФСР (Верховный суд — областные — народные суды). Надзорная роль Верховного суда ТНР аналогична Верховному суду СССР (ст. 104 Конституции СССР 1936 г.). Избрание судей** на 2–3 года в ТНР соответствовало практике РСФСР (2–5 лет), подчеркивая зависимость от хуралов/советов.

Отличие структуры судебной системы ТНР от структуры судебной системы РСФСР заключалось в территориальной специфике, то есть кожуунные, сумонные суды ТНР адаптированы к кочевому устройству, в отличие от районных судов РСФСР. Общественные суды, кожуунные, сумонные, поселковые и производственно-товарищеские суды ТНР (1942–1943 гг.) идентичны советским аналогам.

Судебная система ТНР представляла собой ускоренную копию советской модели с локальными адаптациями к кочевому обществу и постепенным вытеснением традиционного права. К 1944 г. ТНР достигла институциональной идентичности с РСФСР, что стало предпосылкой для вхождения в советскую правовую систему. Власть в ТНР на этапе перехода от традиционного к советизированному обществу использовали суды в качестве инструмента для внедрения новой политики, формирования новых взглядов на право, то есть стали инструментом для трансформации правосознания и правовой культуры тувинцев. Под структурой судебной системы ТНР можно определить совокупность государственных и общественных судов, их внутреннее иерархическое построение, а также органы, участвующие в обеспечении судебной деятельности; при этом сами суды и порядок их функционирования устанавливаются законодательством ТНР, в первую очередь законами о судоустройстве и соответствующими постановлениями высшего органа исполнительной власти и законодательной власти и на определенном этапе развития.

Литература

1. Василенко В. А. Тану-Урянхайский край в 1911–1912 гг. и рождение трехстороннего соперничества // Новые исследования Тувы. 2013. № 3 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tanu-uryanhayskiy-kray-v-1...> (дата обращения: 17.12.2025).
2. Дамдынчап В. М. Роль обычного права в развитии тувинского общества: вторая половина XIX — первая половина XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2006. 24 с.
3. Дубровский О. Н., Биче-оол А. М. Министерство юстиции Тувинской народной республики (1921–1944 гг.) и его роль в становлении судебной системы // История государства и права. 2021. № 3. С. 70–74.
4. Конституции Тувы 1921–1993 гг. : сборник к 55-летию принятия Тувы в состав СССР и РСФСР / составитель В. А. Дубровский. Кызыл : Тувинское кн. изд-во, 1999. 216 с. ISBN 5-7655-0087-0.
5. Моллеров Н. М. Протекторат России над Тувой в 1914–1924 гг. (историко-правовой аспект) // Новые исследования Тувы. 2014. № 3. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_23/7321-mollerov.html (дата обращения: 17.12.2025).
6. Сборник законов и основных постановлений Правительства Тувинской народной республики / под общ. ред. Х. Анчима, С. Т. Чимба ; Президиум Малого Хурала ТНР. Кызыл : Тувинское кн. изд-во, 1944. 455 с.
7. Яндай-оол Т. В. Исторические особенности образования и развития судебной системы Республики Тыва : монография. Красноярск : Луна-Река, 2009. 256 с.

**Демократический политический режим: сравнительная характеристика
Китайской Народной Республики и Российской Федерации**

© Я. А. Гросс

студент 3-го курса,
Московский государственный технический
университет имени Н. Э. Баумана
Россия, г. Москва
yana.gross.05@mail.ru

В статье проводится сравнительный анализ политических режимов Китайской Народной Республики и Российской Федерации сквозь призму их конституционных основ. Автор исследует историческое влияние советского права на формирование правовой системы КНР и эволюцию демократических ценностей в Китае под воздействием национальных культурных традиций, в частности конфуцианства. На основе анализа конституционных положений и научной литературы выявляются общие черты и ключевые различия в реализации таких принципов, как народовластие, разделение властей, права и свободы граждан. Особое внимание уделяется концепции «демократии полного процесса» в КНР, которая сопоставляется с западной моделью партиципаторной демократии. Делается вывод о формировании в Китае уникальной модели демократии, сочетающей социалистические принципы с элементами политической системы, адаптированной к национальным условиям.

Ключевые слова: конституционное право, народовластие, «демократия полного процесса», конфуцианство, социалистическая правовая система, разделение властей, права человека, авторитаризм.

**Democratic political regime: a comparative analysis
of the People's Republic of China and the Russian Federation**

Y. A. Gross

3rd-year student,
Bauman Moscow State Technical University
Russia, Moscow
yana.gross.05@mail.ru

The article provides a comparative analysis of the political regimes of the People's Republic of China and the Russian Federation through the prism of their constitutional foundations. The author examines the historical influence of Soviet law on the formation of China's legal system and the evolution of democratic values in China under the influence of national cultural traditions, particularly Confucianism. Based on the analysis of constitutional provisions and academic literature, the common features and key differences in the implementation of principles such as popular sovereignty, separation of powers, and the rights and freedoms of citizens are identified. Special attention is paid to the concept of «whole-process democracy» in the PRC, which is compared with the Western model of participatory democracy. The conclusion is drawn about the formation of a unique model of democracy in China, combining socialist principles with elements of a political system adapted to national conditions.

Key words: constitutional law, popular sovereignty, «whole-process democracy», Confucianism, socialist legal system, separation of powers, human rights, authoritarianism.

Российско-китайское партнёрство в разных сферах жизни государства и общества имеет протяжённую историю. В последние десятилетия отношения между этими государствами не только остаются стабильными вопреки внешним вызовам, но и продолжают развиваться ускоренными темпами. Сотрудничество с любым государством предполагает более глубокое понимание особенностей этого государства, менталитета его народа. К особенностям государства следует отнести его правовую систему, поэтому вполне очевидно, что растёт интерес отечественной науки к изучению права Китая, которое может иметь для российских юристов не только теоретическое, но и практическое значения.

Важно отметить, что фундамент правовой системы китайского государства на этапе создания КНР закладывался исключительно под влиянием советской юридической науки. Первая китайская Конституция 1954 г., первые законы КНР разрабатывались и принимались при непосредственном участии специалистов из СССР. С тех пор правовые системы Российской Федерации и Китайской Народной Республики прошли долгий путь, и сравнительный анализ особенностей политического режима этих государств позволит выявить сохранившиеся общие черты и появившиеся различия.

В той или иной форме демократические ценности существовали в Китае ещё до появления большинства современных государств: Конфуций в своих трудах провозгласил принцип «Миньбэнь», буквально означающий «народ как основа», однако этот принцип заключается лишь в том, что правители и чиновники должны обеспечивать средства к существованию для своих граждан, а сам народ представляется пассивным и неспособным управлять собой в современном смысле этого слова[15]. Таким образом, конфуцианский принцип «Миньбэнь» выступал в качестве идеологического элемента самодержавной власти правителя, поддерживая автократическую систему, а не бросая ей вызов. Кроме того, одной из характерных черт конфуцианского мышления и связанных с ним представлений об обществе является иерархичность. В конфуцианской традиции общество и государство всегда отождествлялось с патриархальной семьей, равенство в которой не могло существовать по определению: старшие члены семьи всегда превосходили младших. Представление о том, что общество и государство образуют строгую иерархическую систему, в которой практически не может быть двух людей, равных по своему социальному статусу, сохраняются на Дальнем Востоке и поныне[6]. Основываясь на этом аспекте китайской культуры, многие китайские традиционалисты подчеркивают, что в отсутствие сильного авторитарного правительства китайское общество распалось бы. Таким образом, в глазах многих демократия была бы слишком слабой для китайского общества.

Демократия в современном её понимании вошла в сознание китайцев, потому что это был политический режим, используемый на Западе, потенциально ответственный за его экономические и военные достижения. Хотя конфуцианцы изначально были настроены против западного образа мышления (с середины XVIII в. многие китайские мыслители спорили о том, как бороться с западной культурой), стало ясно, что некоторые аспекты политического устройства в странах Запада привлекательны. К этой мысли многих китайских политиков и учёных привели поражения династии Цин в Первой и Второй опиумных войнах.

Часть китайских ученых и политиков пришла к убеждению, что демократизация и индустриализация необходимы для повышения уровня конкурентоспособности Китая. В ответ ряд ученых выступили против этой идеи, заявив, что демократии и вестернизации нет места в традиционной китайской культуре. Наиболее популярным было мнение о том, что демократия и традиционное китайское общество совершенно несовместимы, следовательно, единственным выбором Китая была либо массовая вестернизация, либо полное неприятие Запада[13].

В начале XIX в. под влиянием внутренних и внешних факторов постепенно Китай ликвидировал феодальное государство и открыл свои границы для всего мира. Мыслители и революционеры этого периода, стремясь свергнуть феодализм, приняли демократические ценности современной им западной модели демократии. Такие деятели, как Сунь Ятсен, продвигали демократические идеи, в которых акцент делался на национализм, гражданские права и средства к существованию народа. Лян Цичао — философ, учёный, литератор, государственный и общественный деятель — критиковал китайский авторитаризм и призывал к признанию прав личности и концу феодальной морали. Наибольшее влияние на формирование демократических ценностей Китая оказали события 1917 г. в России. Победа революции и распространение марксизма-ленинизма вдохновили китайскую интеллигенцию и привели к основанию Коммунистической партии Китая в 1921 г. Китайская демократическая революция вступила в новый этап, направленный на борьбу с империализмом, феодализмом и бюрократическим капитализмом. Можно сказать, что современные демократические ценности в Китае были заложены китайской коммунистической партией и китайским народом под влиянием Октябрьской революции. Тогда же под влиянием русской революции Мао Цзэдун, первый лидер Китайской Народной Республики, выступил за демократический централизм, который по сей день закреплён в Конституции КНР.

Конституционно-демократическое движение в Китае в последующие годы существенно отличалось от европейской модели, в результате чего в государстве выработалось свое собственное понимание демократии. Это не означает отсутствия понимания смысла и принципов демократии: китайские мыслители выступали за «новую демократию», отличную от западных демократических систем и соответствующую национальным условиям Китая. Так, после китайско-японской войны, в 1947 г., известный китайский философ, революционер и социальный реформатор Лян Шумин выступил против общенациональных выборов, выразив обеспокоенность увеличением социального хаоса и, как следствие, потенциальной катастрофой для Китая. Тем не менее, основные требования китайских мыслителей включали свободу слова, свободу прессы и свободу собраний[13].

В последние годы дискуссия по поводу того, может ли политический режим Китая называться «демократией», набирает всё большую популярность, поэтому изучение демократии с китайской спецификой представляет собой особенный интерес. Но, прежде чем переходить к особенным чертам

политического режима Китайской Народной Республики, необходимо выделить в её политической доктрине признаки классической модели демократии.

Главным признаком демократии является признание народа носителем суверенитета и единственным источником власти, который прямо вытекает из самого определения термина «демократия». В Конституции РФ это положение закрепляется ст. 3 и дополняется определением форм участия граждан в осуществлении власти. Конституция КНР также декларирует принадлежность власти народу, однако используемое для этого определение «диктатура народа» выглядит противоречиво. Диктатура предполагает сосредоточение власти в руках одного правителя или группы лиц, которые управляют государством без участия граждан, навязывая им свою волю, а расширение этой правящей группы до всего народа, по сути, и определяет демократический режим. Кроме того, в этом определении явно прослеживается связь с термином «диктатура пролетариата», впервые сформулированным К. Марксом и закреплённым в Конституции РСФСР 1918 г. и Конституциях СССР 1924 г. и 1936 г., который предполагал господство рабочего класса над буржуазией. В китайской доктрине этот термин значительно расширяется: на начальном этапе образования Китайской Народной Республики он предполагал диктатуру над реакционными силами, и на сегодняшний день государственные органы, с одной стороны, действуют от имени народа, но с другой, сохраняют возможность принимать меры против реакционных сил. Параллель, которую можно провести между этими понятиями, закреплёнными в Конституции КНР и первых Конституциях СССР, является наглядным примером заимствования советского права правовой системой китайского государства.

Для непосредственного осуществления демократии необходима дифференциация организационных механизмов и структур народовластия, в том числе возможность непосредственного волеизъявления народа на референдуме. Ст. 3 Конституции РФ отражает и эти признаки демократического режима: согласно п. 2 и 3, народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и местного самоуправления, а высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы. Важно заметить, что граждане Российской Федерации участвуют в выборах на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. В Китае же избирательная система сложнее. Прямые выборы, за исключением специальных административных районов Гонконга и Макао, проводятся только в народных собраниях местного уровня и сельских комитетах, при этом все кандидатуры предварительно утверждаются Коммунистической партией Китая (КПК). Согласно ст. 2 Конституции КНР, народ осуществляет государственную власть через Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) и местные собрания народных представителей (СНП) различных ступеней, а также различными путями и в различных формах управляет государственными, хозяйственными, культурными и общественными делами, однако депутаты ВСНП и СНП провинций, автономных областей, муниципалитетов, находящихся в непосредственном подчинении центрального правительства, городов, разделённых на районы, и автономных округов избираются собраниями народных представителей более низкого уровня, то есть выборы в высший орган государственной власти являются непрямыми. Если говорить о непосредственном волеизъявлении народа на референдуме, то этот механизм в принципе возможен, однако Закон, имеющий отношение к Конституции [12, с. 156], регулирующий порядок проведения референдума, принят не был, соответственно, общегосударственные референдумы в Китае не проводились.

Кроме того, согласно ст. 33 Конституции РФ, граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления. Конституция КНР также закрепляет право граждан обращаться с критикой или предложениями в адрес любых государственных органов или государственных служащих; имеют право обращаться в соответствующие государственные органы с жалобами, обвинениями или заявлениями по поводу нарушения закона или служебного долга любым государственным органом или государственным служащим (ст. 41 Конституции КНР). Эти положения отражают такой признак демократии как возможность беспрепятственного контроля государственных органов и должностных лиц со стороны общества.

Говоря о различных организационных структурах народовластия, важно выделить такой признак демократии как развитая система местного самоуправления. В Российской Федерации, согласно ст. 12 Конституции РФ, признается и гарантируется местное самоуправление, оно самостоятельно в пределах своих полномочий, а его органы не входят в систему органов государственной власти. Конституция КНР также закрепляет существование органов местного самоуправления: в провинциях, городах центрального подчинения, уездах, городах, городских районах, волостях, национальных волостях и поселках создаются собрания народных представителей и народные правительства (ст. 95). Население Китая активно участвует в управлении делами государства, и на местном уровне это про-

является в большем объеме. В качестве яркого примера можно привести случай обращения населения к властям с требованием отозвать выбранного ими депутата Чэнь Хуэйбиня, который не принимал меры по устранению угроз безопасности их жизни и имуществу. И хотя данное требование было отклонено, китайские юристы признают эту попытку отзыва депутата гражданами важным явлением в конституционно-правовой жизни общества [12, с. 171].

Ещё одним значимым признаком демократического режима является признание и обеспечение прав и свобод личности. Так, согласно ст. 2 Конституции РФ, человек, его права и свободы являются высшей ценностью, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Конституция КНР исходит из социалистической доктрины прав и обязанностей гражданина. Права и свободы подчинены целям и задачам социалистического строительства. Важно понимать, что для Китая сама идея о том, что интересы личности и государства могут не совпадать, не близка, поэтому западное понимание прав человека лишено своей опоры. В 2004 г. текст Конституции КНР также был дополнен общим указанием, согласно которому государство соблюдает и гарантирует права человека (ст. 33) [4, с. 290]. Здесь важно сказать, что в 2001 г. Постоянный комитет ВСПН ратифицировал подписанный несколькими годами ранее Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, в то время как Международный пакт о гражданских и политических правах, также подписанный Правительством Китая, до сих пор не был ратифицирован [11].

Следующим немаловажным признаком демократии является функциональное разделение властей, и здесь в структуре власти сравниваемых государств появляются существенные различия. Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны (ст. 10 Конституции РФ). В Китае же государственные органы осуществляют принцип демократического централизма (ст. 3 Конституции КНР), то есть подчиняются единственному высшему органу государственной власти — Всекитайскому собранию народных представителей.

Характерные для демократически государств идеологическое многообразие и политический плюрализм, закреплённые в ст. 13 Конституции РФ, также не свойственны Китайской Народной Республике. Конституция КНР — это Конституция социалистического типа, в ее основу положены марксистско-ленинские идеи, поэтому официальной идеологией КНР является социализм (ст. 1), а государство развивает социалистическое просвещение (ст. 23, 24). В повседневной пропаганде акцент все чаще делается на китайский патриотизм. Поправки, внесенные в марте 2018 г. в Конституцию КНР, закрепили положение о том, что руководство со стороны КПК является самой сущностной особенностью социализма с китайской спецификой (ст. 1) [4, с. 289].

Важную роль в демократическом государстве играют множественность форм собственности и свобода экономической деятельности. Ст. 8 и 9 Конституции РФ закрепляют положения о том, что в России признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности; земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Кроме того, согласно ст. 34, каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. В Китае руководящей силой в народном хозяйстве является сектор экономики, основанной на государственной собственности, то есть социалистическая экономика, основанная на системе общенародной собственности (ст. 7 Конституции КНР), однако допускаются и другие формы собственности, включая частную, если они служат целям социалистического строительства. Недра, воды, леса, горы, целинные земли, отмели и другие природные ресурсы также являются государственной, то есть общенародной собственностью (ст. 9). Кроме того, в Китайской Народной Республике осуществляется планирование социально-экономического развития, что в целом характерно для социалистических государств.

Следует сделать вывод о том, что в Китайской Народной Республике отражены далеко не все признаки демократии, по крайней мере, демократии западного образца. Однако было бы несправедливо не учесть тот факт, что в КНР существуют специфические механизмы взаимодействия общества и власти, не свойственные западным государствам, предполагающие учет общественного мнения, на основе которого изменяются старые или создаются новые нормативные правовые акты. Председатель КНР Си Цзиньпин заметил, что «если у народа есть право голоса, но нет права широкого участия, иными словами, если народ пробуждается только к выборам, а после снова впадает в спячку, то такая демократия будет лишь формальной». Китайская демократия — это демократия полного процесса, позволяющая народу осуществлять свои демократические права во всех аспектах, включая выбор должностных лиц, принятие решений, законодательную деятельность, управление и контроль и т. д. [8].

В научной литературе это явление политической жизни носит название партиципаторная демократия (от англ. *participate* — принимать участие) или демократия участия. Эта модель предполагает необходимость участия населения не только в выборах своих представителей и референдумах, но и непосредственно в принятии и осуществлении решений и контроле за их выполнением. Сторонники этой теории исходят из убеждения, что не существует сфер общественной жизни, которые находились бы вне политики, а следовательно, принцип демократии должен лежать в основе организации всех сфер жизни общества. Из такого подхода вытекает необходимость максимального расширения участия граждан в принятии решений на всех ступенях власти и во всех сферах общественной жизни. Важно обратить внимание на то, что для их эффективного участия в жизни государства необходима специальная подготовка и высокий уровень информированности граждан. Идеальная модель партиципаторной демократии характеризуется прямым вовлечением населения в управление без посредников в лице партий, организаций или иных институтов. Но в современных условиях реализация принципов демократии участия хотя и возможна в разного рода сравнительно небольших коллективах, на уровне общества в целом представляется нереализуемой[5, с. 249–250].

Тем не менее, китайская демократия полного процесса имеет много общего с описанной выше моделью. Учитывая увеличение темпов демократизации Китайской Народной Республики и политике государства, направленную на усиление социалистической духовной культуры и повышение уровня образования, можно предположить, что в результате длительного процесса реформаций уровень участия граждан Китая в жизни государства значительно увеличится, хотя и будет происходить в рамках социалистической идеологии. Как отмечают ученые-политологи, шансы на формирование и утверждение демократических ценностей, принципов, отношений и институтов в значительной мере зависят от того, насколько постепенно происходит переходный процесс, ведь реальную, жизнеспособную демократию нельзя создавать революционным путем с применением радикальных, насильственных методов — для этого потребуется много времени и усилий, возможно, не одного, а нескольких поколений[5, с. 256].

Однако, принимая во внимание тоталитарное прошлое Китая и руководящую роль единственной партии на современном этапе, существует множество подходов к рассмотрению политического режима КНР, оперирующих терминами «авторитаризм» или «тоталитаризм».

Господство одной партии, её слияние с государственным аппаратом и отсутствие идеологического плюрализма указывают на тоталитарный режим[4, с. 256], поэтому некоторые китаеведы и политологи считают, что для описания современного политического режима в Китае следует применять именно термин «тоталитаризм», «поскольку он точно описывает попытки Коммунистической партии удержать в своих руках монополию на социальную организацию», заключающуюся в идеологическом контроле (согласно ст. 24 Конституции КНР, государство усиливает строительство социалистической духовной культуры путем широкого распространения высоких идеалов, нравственного и культурного воспитания, воспитания в духе соблюдения дисциплины и законности). Кроме того, существует подход для определения политического режима в Китае как «посттоталитаризм», который, опираясь на приведённые признаки, учитывает особенности китайской культуры и факт ухода от тоталитаризма, связанного с правлением Мао Цзэдуна[7, с. 111].

Основным признаком, указывающим на возможность определения китайского политического режима как авторитарного, можно назвать игнорирование принципа разделения властей: так называемый «принцип демократического централизма», направленный на установление баланса между свободой и дисциплиной в рамках социалистического общества[13]. Кроме того, здесь необходимо указать на тот факт, что Коммунистическая партия Китая осуществляет контроль над всеми информационными ресурсами, и, что важно, основными объектами и темами, подпадающими под цензуру, выступают именно политические темы, то есть в государстве существует «полугласность»[4, с. 256]. Учитывая эти признаки, можно выделить подход доктора исторических наук К. А. Кокарева, определяющего политический режим в КНР как «либерально-авторитарный режим», сочетающий «экономический либерализм» и «политический авторитаризм», то есть рассматривающий ещё и особенности социалистической рыночной экономики как составляющей политического режима. Среди китайских ученых, разумеется, помимо закреплённого в Конституции определения режима, используется термин «неоавторитаризм», в который «вложена идея отказа от авторитаризма в его нацеленности на удовлетворение собственных корпоративных интересов в пользу решения общенациональных задач»[7, с. 113–114].

Однако, даже имея в виду эти подходы, не следует забывать об активном участии населения Китая в процессах государственного управления. Этот факт однозначно определяет политический режим КНР как демократический, пусть и со своей спецификой, связанной с влиянием истории госу-

дарства и культурных традиций на формирование правовой системы в целом и правосознание населения.

На сегодняшний день подавляющее большинство людей, живущих в Китае, уверены, что они живут в условиях демократии: в 2022 г. опрос, проведенный Фондом «Альянс демократий», в котором приняли участие более 50 тыс. респондентов из 53 стран мира, показал, что 91% китайцев утверждают, что демократия важна для них, при этом 81% считают Китай демократией[14]. Для сравнения, согласно опросу граждан РФ 2020 г., лишь 52% россиян считают демократию подходящим для нашей страны режимом, при этом большинство уверены, что уровень демократии оптимальный или даже избыточный[9]. Эти данные показывают, что Россия, как и Китай, нашла собственный путь, а мнение россиян об идеальной для нашей страны модели демократии существенно отличается от западной модели. Демократия в России прошла через свою серию подъёмов и спадов, и на сегодняшний день представляет собой национально-адаптированную[10] форму демократии, которая работает достаточно эффективно.

Завершая анализ политического режима КНР, можно сказать, что он представляет собой демократию с сочетанием социалистических принципов и ценностей китайской культуры, что способствует достижению баланса между свободой и дисциплиной в обществе. В КНР акцент делается на коллективное принятие решений, социальную сплоченность и экономическое развитие путем реализации специфических механизмов взаимодействия общества и власти, не свойственных западным государствам. Китайская модель демократии является примером уникальной интерпретации и реализации демократических принципов под влиянием специфического контекста Китая и эволюции его политических систем.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. 2014. № 31. 14 июля.
2. Конституция Китайской Народной Республики. URL: <http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/constitution.html> (дата обращения: 14.03.2026).
3. Закон КНР «О выборах во Всекитайское собрание народных представителей и в местные собрания народных представителей различных ступеней». URL: https://chinalawinfo.ru/constitutional_law/law_npc_elections-2 (дата обращения: 14.03.2026).
4. Афанасьева О. В., Колесников Е. В., Комкова Г. Н. Конституционное право зарубежных стран: учебник для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2024. 406 с. URL: <https://urait.ru/bcode/535459> (дата обращения: 14.03.2026).
5. Гаджиев К. С. Введение в политическую теорию : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт. 2026. 410 с. URL: <https://urait.ru/bcode/536149> (дата обращения: 14.03.2026).
6. Долгих О. Конфуцианство: традиции и современность // Вестник ЧелГУ. 2003. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfutsianstvo-traditsii-i-sovremennost> (дата обращения: 14.03.2026).
7. Кремнёв Е. В. К вопросу о современных подходах к определению политической системы и политического режима в КНР // Китай: история и современность: материалы VII Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 17–19 октября 2013 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. с. 109–115. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43518/1/kis_2014_021.pdf (дата обращения: 15.03.2026).
8. Ли Цзюньжу. Чем уникальна китайская модель демократии для мира // Российская газета. Федер. вып. 2022. № 263. URL: <https://rg.ru/2022/10/18/kitaj-unikalnaia-model-demokratii-dlia-mira.html> (дата обращения: 15.03.2026).
9. О демократии // Фонд Общественное мнение. 17.12.2020. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14519> (дата обращения: 15.03.2026).
10. Поломошнов А. Ф. Специфика современной российской демократии // Kant. 2018. № 4(29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-sovremennoy-rossiyskoy-demokratii> (дата обращения: 14.03.2026).
11. Трощинский П. В. Основные этапы формирования правовой системы Китайской Народной Республики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 4. URL: https://nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=21703 (дата обращения: 12.03.2026).
12. Трощинский П. В. Правовая система Китая: монография. Москва: Изд-во ИДВ РАН, 2016. 472 с. URL: <https://clck.ru/39e2Bf> (дата обращения: 14.03.2026).
13. Чжан Жуй, Быков А. Ю. Китайский подход к демократии: эволюции демократических ценностей в Китае // Конфликтология / nota bene. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskiy-podhod-k-demokratii-evolyutsii-demokraticheskikh-tsennostey-v-kitae> (дата обращения: 12.03.2026).

14. Tom O'Connor. Most in China call their nation a democracy, most in U.S. say America isn't // Newsweek. 30.05.2022. URL: <https://www.newsweek.com/most-china-call-their-nation-democracy-most-us-say-america-isnt-1711176> (access 15.03.2026).

15. Viren Murthy. The Democratic Potential of Confucian Minben Thought. *Asian Philosophy*. 2000; 10(1). URL: https://www.researchgate.net/publication/248982649_The_Democratic_Potential_of_Confucian_Minben_Thought (access 15.03.2026).

Статус коренных малочисленных народов в Российской Федерации и странах Азии

© С. А. Митясова

студентка 1-го курса,
Красноярский государственный аграрный университет
Россия, г. Красноярск
mityasovasv@mail.ru

© И. Б. Трофимова

старший преподаватель
кафедры теории и истории государства и права,
Красноярский государственный аграрный университет
Россия, г. Красноярск
Iness.kastilia@mail.ru

В работе исследуются нормативно-правовые базы РФ, а также государств Азии (КНР и Монголии), касающиеся правового положения коренных малочисленных народов Севера. Подвергается анализу конституционное законодательство, специализированные стратегии устойчивого развития, а также деятельность профильных государственных ведомств и общественных объединений, занимающихся защитой прав аборигенных сообществ, сохранением их уклада жизни и экосистем. Акцент делается на вовлечении коренных народов в управление землями традиционного природопользования, содействии традиционным ремеслам, развитию культурной самостоятельности и образовательных проектах. Отдельного рассмотрения заслуживают такие аспекты актуальной политики, как иницилируемая в Монголии концепция «карты монгола» и трансформация системы национально-территориального самоуправления в Китае. Автор приходит к заключению, что требуется дальнейшее улучшение правовых инструментов и укрепление сотрудничества между государством, гражданским обществом и международными организациями для всесторонней защиты прав коренных народов.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, правовой статус, традиционная культура, государственные органы, «карта монгола», национальная политика, международные стандарты.

The status of indigenous small-numbered peoples in the Russian Federation and Asian countries

S. A. Mityasova

First-year student,
Krasnoyarsk State Agrarian University
Russia, Krasnoyarsk
mityasovasv@mail.ru

I. B. Trofimova

Senior Lecturer at the Department of State and Law,
Krasnoyarsk State Agrarian University
Russia, Krasnoyarsk
Iness.kastilia@mail.ru

The paper examines the regulatory and legal frameworks of the Russian Federation, as well as those of Asian states (the People's Republic of China and Mongolia), concerning the legal status of indigenous small-numbered peoples of the North. Constitutional legislation, specialized strategies for sustainable development, as well as the activities of relevant government agencies and public associations engaged in protecting the rights of indigenous communities, preserving their way of life and ecosystems, are analysed. Emphasis is placed on involving indigenous peoples in the management of lands used for traditional natural resource use, promoting traditional crafts, developing cultural autonomy, and implementing educational projects. Such aspects of current policy as the concept of the "Mongolian map" initiated in Mongolia and the transformation of the system of national-territorial self-government in China deserve special consideration. The author concludes that further improvement of legal instruments and strengthening of cooperation between the state, civil society and international organizations are required to ensure comprehensive protection of the rights of indigenous peoples.

Keywords: indigenous small-numbered peoples, legal status, traditional culture, state bodies, "Mongolian map", national policy, international standards.

Коренные малочисленные народы, проживающие на территории Крайнего Севера, имеют специальный юридический режим, призванный для обеспечения защиты их традиционного уклада жизни,

хозяйственной деятельности и естественной среды обитания [1]. Современные государства активно формируют комплексные механизмы для защиты прав коренных народов. Эти механизмы включают в себя разработку законодательной базы, создание специализированных государственных структур и привлечение к процессу неправительственных организаций [2]. В Российской Федерации, а также в ряде азиатских государств, таких как Монголия и Китай, реализуются целенаправленные стратегии, призванные гарантировать права коренных народов, содействовать сохранению их традиционного уклада жизни и способствовать развитию их культурной идентичности [4].

Понимание правового положения коренных народов в России невозможно без обращения к ст. 59 Конституции РФ. Эта статья закрепляет обязательство Российской Федерации по обеспечению прав коренных малочисленных народов, основываясь на общепризнанных международных принципах, нормах и ратифицированных ею договорах. Важно отметить, что данная конституционная норма выступает в качестве отправной точки для создания специализированных федеральных законов и программ. Их цель — поддержание традиционных мест проживания, повседневного уклада и производственной деятельности коренных народов Севера. Так, совокупность этих положений подчеркивает большую ответственность государства за сохранение культурного и языкового многообразия на северных и арктических территориях [1].

Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации занимает важное место в системе защиты прав и интересов автохтонного населения. В рамках своей юридической деятельности организация вносит существенный вклад в разработку предложений по совершенствованию правовой базы. Ассоциация также предоставляет необходимую правовую поддержку членам общин, помогая им в отстаивании своих прав в государственных инстанциях и судебных органах. Наряду с этим, организация реализует международные и молодежные инициативы, направленные на развитие лидерских качеств, обеспечение представительства коренных народов в процессе принятия решений и укрепление взаимодействия с международными структурами, занимающимися вопросами прав коренных народов [4].

В Монголии государственная политика в отношении этнических меньшинств базируется на конституционных принципах равенства между людьми и защиты культурного разнообразия, гарантированных Конституцией Монголии 1992 г. [2]. Основной закон страны устанавливает принцип равенства граждан и исключает любые формы ограничения прав по национальному, языковому или иному признаку. Эти положения обеспечивают возможность для разработки специальных программ по сохранению культурного наследия, традиций и языка, а также для участия представителей меньшинств в политической и общественной жизни страны на равных основаниях.

Государственное регулирование в Монголии проводится через факультативные органы и советы при правительстве, которые занимаются вопросами национальных меньшинств, культурного наследия и традиционной экономики. При этом важно отметить, что приоритетами государственной политики являются поддержка языкового разнообразия, сохранение культурного наследия и развитие традиционных форм хозяйствования [5].

В Монголии на уровне государственных органов обсуждаются инициативы, направленные на поддержание связей с родственными этносами за пределами страны, включая калмыков и бурят. В этой связи в экспертной и общественной среде поднимается вопрос о возможном введении особого статуса, условно именуемого «карта монгола», который мог бы предоставлять лицам монгольского происхождения дополнительные основания для участия в культурных и образовательных программах на территории Монголии. Рассматривается, что подобные меры могут способствовать укреплению культурной идентичности, поддержанию этнокультурных контактов и развитию сотрудничества между сообществами, исторически связанными с монгольским народом [5].

Китайская Народная Республика — многонациональное государство, в котором официально признаются десятки национальных меньшинств, и важнейшую роль в регулировании вопросов национальных меньшинств играет Государственный комитет по делам национальностей (State Ethnic Affairs Commission). Конституция КНР закрепляет принцип равенства всех этнических групп и обязанность государства защищать законные права и интересы национальных меньшинств, создавая основу для развития системы национально-территориальной автономии. В научной литературе отмечается, что эволюция законодательства КНР в данной сфере связана с общим курсом на модернизацию и развитие политической системы «с китайской спецификой», что отражается и в подходах к регулированию межнациональных отношений [3].

В Китае действует модель национально-территориальной автономии, в рамках которой формируются особые административные единицы в местах компактного проживания национальных меньшинств. Органы управления таких территорий могут принимать решения с учетом культурных, язы-

ковых и иных особенностей проживающих там народов. Таким образом, автономии выступают инструментом сочетания единой государственной политики и учета специфики этнокультурного развития отдельных групп, что в целом созвучно задачам защиты прав коренных народов Севера в других странах [3].

В Китайской Народной Республике политика в отношении национальных меньшинств в северо-восточных провинциях (например, Ляонин, Цзилинь) эволюционировала после 1984 г., когда Документ ЦК КПК № 6 ввел преференции для неханьских групп в демографической политике, включая послабления в семейном планировании. Хотя после 2014 г. некоторые региональные нормы были скорректированы, система остается направленной на интеграцию меньшинств через социально-экономические программы и автономии, обеспечивая баланс между развитием и сохранением культурной идентичности. Китайская система национальной региональной автономии, как правило, предоставляет представителям национальных меньшинств возможность участвовать в управлении своими территориями. Этот подход гарантирует учет их культурного кода при формировании и осуществлении социально-экономической политики [3].

Государство России официально утвердило долгосрочную стратегию развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на период до 2035 г. Документ предусматривает комплекс мер для улучшения их экономического положения, качества жизни и сохранения самобытной культуры. Особый упор делается на защиту их традиционных территорий и образа жизни. В рамках реализации планируется улучшить сотрудничество между властями и представителями коренных народов, инвестировать в инфраструктуру, а также повысить доступность образования и здравоохранения [4]. Эти шаги направлены на укрепление правового статуса коренных народов в соответствии с конституционными нормами и международными обязательствами России [1].

На уровне субъектов федерации значимый вклад в защиту интересов коренных малочисленных народов вносит Уполномоченный по правам коренных малочисленных народов Красноярского края, действующий параллельно с государственными структурами. Согласно ежегодному отчету за 2013 г., благодаря разбору жалоб граждан и выездным инспекциям в районах традиционного обитания удалось решить ряд проблем, касающихся их прав на традиционное природопользование и получения социальной поддержки. В сферу обязанностей данного уполномоченного входит сотрудничество с органами власти и участие в их деятельности, что способствует более оперативному и эффективному реагированию на насущные проблемы представителей коренных народов [7].

Учеными также высказывается позиция о необходимости более комплексного подхода к регулированию прав коренных малочисленных народов. Так, Никита Сергеевич Каплин отмечает, что существующие механизмы правового регулирования требуют уточнения в части формирования реестра коренных малочисленных народов, а также устранения правовой неопределенности при определении оснований включения граждан в данный реестр. Подчеркивается важность закрепления соответствующих процедур на законодательном уровне и разработки подзаконных актов, обеспечивающих прозрачность и эффективность реализации прав коренных народов. Особое внимание уделяется рискам, связанным с недостатком проработанности некоторых положений, что может затруднить практическую реализацию гарантий, предусмотренных законодательством [6, с. 71–73].

Вместе с действиями государственных структур общественные объединения играют решающую роль в определении путей развития России. Аналогично Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, региональные общинные структуры оказывают существенное воздействие на процесс принятия решений. Их вовлеченность в слушания, рабочие группы и консультационные механизмы при органах власти обеспечивает обязательное учет мнения коренных народов по вопросам, касающимся их традиционных земель, использования природных ресурсов и культурного развития [4].

Международное сообщество через Генеральную Ассамблею ООН, в частности её Третий комитет, фактически задаёт направление в политике по защите прав коренных народов. Практическая реализация ложится на специализированные структуры ООН — Постоянный форум, Экспертный механизм и Специального докладчика. Эти органы не только наблюдают, но и дают консультации, проводят анализ и предлагают государствам конкретные шаги по выполнению Декларации ООН о правах коренных народов. Такие страны, как Россия, Китай и Монголия, активно работают с этими механизмами, стараясь адаптировать международные нормы под своё законодательство. При этом каждая страна сохраняет собственные подходы к обеспечению прав коренных народов, и это не скрывается. В итоге деятельность ООН выступает своего рода универсальным инструментом: она помогает согласовывать усилия, отслеживать ситуацию и поддерживать государства в этой сфере, увязывая общие мировые стандарты с местными особенностями [8].

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. // СЗ РФ. 2014. № 31. 14 июля.
2. Конституция Монголии 1992 г. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/mon127760R.pdf> (дата обращения: 10.03.2026).
3. Ермаков Д. Н. Правовой статус национальных меньшинств в Китайской Народной Республике // Социально-политические науки. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-natsionalnyh-menshinstv-v-kitayskoj-narodnoj-respublike> (дата обращения: 10.03.2026).
4. Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. URL: <https://raipon.info/association/> (дата обращения: 10.03.2026).
5. Монгол Улсын Засгийн Газар. URL: <https://mongolia.gov.mn/> (access 10.03.2026).
6. Арктика 2019: традиции, инновации, экология, безопасность, проблемы коренных малочисленных народов: материалы международной научно-практической конференции (Красноярск, 17–18 мая 2019 г.) / М-во сельского хозяйства РФ; Красноярский гос. аграрный ун-т; Федер. исследоват. центр «Красноярский научный центр СО РАН»; М-во экологии и рационального природопользования Красноярского края; Союз общин коренных малочисленных народов Красноярского края. Красноярск, 2019.
7. Ежегодный доклад Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в Красноярском крае за 2013 г. URL: <https://www.ombudsmankk.ru/media/doc/kmns2013.pdf> (дата обращения: 10.03.2026).
8. Организация Объединённых Наций. Indigenous Peoples at the United Nations. URL: <https://research.un.org/en/indigenous> (дата обращения: 10.03.2026).

**Цифровая валюта в Российской Федерации и Китайской Народной Республике:
сравнительно-правовой анализ**

© Д. М. Побежимов

ст. преподаватель кафедры государства и права,
Забайкальский госуниверситет
Россия, г. Чита
pobejimovd@mail.ru

В статье рассматривается правовое регулирование и место цифровой валюты в финансовых системах России и Китая. Анализируются особенности оборота и развитие нормативного регулирования цифровых валют. Выявляются отличительные признаки правового регулирования экономического оборота цифровой валюты в исследуемых странах.

Ключевые слова: цифровая валюта, центральный банк, законодательство, электронные данные, платформа, цифровые кошельки.

**Digital currency in the Russian Federation and the People's Republic of China:
a comparative legal analysis**

D. M. Pobezhimov

Senior Lecturer, Department of State and Law,
Transbaikal State University
Russia, Chita
pobejimovd@mail.ru

The article examines the legal regulation and the place of digital currency in the financial systems of Russia and China. It analyzes the features of the circulation and the development of regulatory regulation of digital currencies. The article identifies the distinctive features of the legal regulation of the economic circulation of digital currency in the countries under study.

Keywords: digital currency, central bank, legislation, electronic data, platform, digital wallets.

Около 16 лет назад в интернете начали формироваться новые цифровые сообщества, использующие программное обеспечение для нетрадиционных финансовых операций. Одним из первых и самых известных примеров стал протокол «Bitcoin», предполагающий эмиссию ограниченного количества «монет» — не более 21 миллиона. Участники сети с помощью вычислительного оборудования решают математические задачи, в результате чего создаются новые блоки, пополняющие общую цепочку транзакций. Этот процесс со временем усложняется, и, по прогнозам, эмиссия всех монет завершится примерно к 2140 г. Внутри сообщества анонимные пользователи ведут учёт цифровых активов с помощью электронных кошельков и используют биткойны как средство расчётов, фактически выполняя функцию денежных суррогатов [7, с. 129].

В связи с этим возникает и получает распространение такое понятие, как «криптовалюта». Начиная с 2022 г. данный термин также именуется цифровой валютой. Однако в юридической науке до настоящего времени не выработано единообразного понимания цифровой валюты. Так, Всемирный банк определяет ее как «представление стоимости в цифровой форме, которое, в отличие от электронных денег, выражается в собственной денежной единице, тогда как электронные деньги представляют собой лишь цифровой платежный механизм» [11, 73].

В России, согласно ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», под цифровой валютой понимается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа [3].

В настоящее время в китайском законодательстве отсутствует официально закреплённое понятие «цифровая валюта». Вместе с тем в судебной практике нередко встречаются случаи, когда криптовалюты признаются разновидностью виртуального имущества, а связанные с ними права подлежат защите. Согласно официальной позиции Верховного народного суда КНР, необходимо усилить охрану новых объектов прав, включая цифровые валюты и электронные данные. В соответствии со ст. 127

Гражданского кодекса КНР защита цифровых данных и виртуального имущества осуществляется в порядке, установленном данным законом [1].

В последнее десятилетие в таких крупных экономиках, как российская и китайская, наблюдается устойчивое снижение использования наличных денег. Развитие системы безналичных расчетов привело к тому, что основная масса денежных операций и эмиссии теперь сосредоточена в коммерческих банках. Из-за этого влияние центральных банков на денежное обращение заметно уменьшилось. В сложившихся условиях стали активно появляться разнообразные частные платежные средства, не контролируемые государством. Ярким примером стала попытка компании Facebook в 2019 г. запустить собственную цифровую валюту Libra, ориентированную на глобальную аудиторию. Позднее этот проект сменил название на Diem и в итоге был выкуплен банковским холдингом Silvergate [6, с. 96].

Инициативы по выпуску альтернативных валют вызвали беспокойство у руководства центральных банков. Столь значительный охват аудитории создавал для финансовых властей риск утраты контроля над денежной массой и финансовыми потоками. В связи с этими рисками, начиная с 2020 г. Китай и Россия приступили к созданию собственных цифровых валют, которые позволят контролировать инфляцию и обеспечивать финансовую стабильность национальных валют. Стремясь повысить эффективность управления экономикой, государства все чаще обращаются к инструментам цифровых валют. Перевод денежной массы в цифровой формат позволяет властям не только оптимизировать денежное обращение, но и решать узкие прикладные задачи. Например, значительно упрощается процесс доведения средств до конкретных граждан: от регулярных социальных трансфертов до выплат пострадавшим от техногенных аварий или стихийных бедствий. Встраивание специальных кодов в цифровые деньги дает возможность жестко регламентировать их использование, ограничивая категории трат. Это делает практически невозможным применение таких средств в коррупционных целях. Параллельно фискальные органы получают доступ к детализированной информации о транзакциях, что обеспечивает прозрачность налоговых отчислений и создает препятствия для незаконного оборота средств.

Интерес к этому финансовому институту подтверждается статистикой Банка международных расчетов: более 80% центробанков по всему миру уже завершили разработку регламентов для внедрения государственных цифровых валют. Первый опыт внедрения в 2020 г. продемонстрировали Камбоджа и Багамские острова [8, с. 5]. В России нормативная база была сформирована в 2023 г. с принятием Федерального закона № 259-ФЗ. П. 3 ст. 1 этого документа трактует цифровой рубль как специфический набор электронных данных (кодов и обозначений), который существует и обращается в рамках особой информационной платформы [3].

Китайская Народная Республика запустила эксперименты с цифровым юанем в 2021 г. на площадках Пекина, Шанхая и Чанши. В рамках пилотного проекта для населения были запущены так называемые «цифровые красные конверты». В столице было роздано 200 тыс. таких конвертов на сумму 200 юаней каждый, а в Шанхае — 350 тыс. конвертов достоинством 55 юаней. Оператором выступает Народный банк Китая и уполномоченные им финансовые институты, которые обеспечивают эмиссию и обмен валюты. Легитимность нововведения подкреплена ст. 19 Закона КНР о Народном банке Китая, устанавливающей, что юань наряду с традиционной может иметь и цифровую форму, оставаясь официальным платежным средством. [4].

Далее следует рассмотреть особенности оборота цифровой валюты рассматриваемых стран в экономических отношениях. В России физические и юридические лица заключают с оператором платформы цифрового рубля (Центральный банк России) договоры, определяющие права и обязанности сторон, действующих от своего имени, но за счет оператора либо от его имени и за его счет. Перечень участников платформы цифрового рубля в обязательном порядке размещается на официальном сайте Банка России (ч. 13, ч. 18 ст. 30.7 Закона № 161-ФЗ) [5].

На основании договоров на платформе могут быть открыты счета цифрового рубля операторов по переводу денежных средств, а также счета цифрового рубля физических и юридических лиц. ЦБ РФ не вправе использовать цифровые рубли, учитываемые на счетах пользователей; проценты на остатки средств не начисляются, кредитование и размещение вкладов в цифровых рублях не осуществляются. При совершении операций с цифровыми рублями участники платформы обязаны выполнять требования по обеспечению защиты информации. Доступ к платформе предоставляется клиентам участников платформы через систему дистанционного банковского обслуживания, в частности — мобильные приложения банков, в круглосуточном режиме ежедневно. На платформе цифрового рубля доступны следующие операции: переводы цифровых рублей, пополнение счетов цифрового рубля и вывод средств со счетов цифрового рубля.

В Китайской Народной Республике расчёты с использованием цифрового юаня возможны в аптечных учреждениях, ряде торговых точек и на цифровых платформах. В столице страны, Пекине, данной валютой можно оплачивать проезд в общественном транспорте. Однако, несмотря на определённый уровень внедрения, цифровой юань пока не получил действительно массового и повсеместного распространения в китайской экономике. При этом установлено, что цифровая форма национальной валюты полностью эквивалентна традиционным банкнотам и монетам: она обладает стоимостью, является законным платёжным средством и предусматривает возможность контролируемой анонимности операций. Концепция цифрового юаня как государственного инструмента платежей базируется на двух фундаментальных положениях. Во-первых, это его официальный статус законного платёжного средства на всей территории КНР. Данное обстоятельство принципиально отличает его от криптовалют, которые в Китае находятся под полным запретом: в 2021 г. были прекращены операции по торговле и майнингу, а с 2025 г. вступил в силу запрет на само владение подобными активами. Во-вторых, это его абсолютная эквивалентность находящимся в обращении наличным денежным знакам — банкнотам и монетам [10].

Процедура введения цифрового юаня в оборот имеет свою специфику: Народный банк Китая не занимается его прямой эмиссией в привычном понимании. Вместо этого производится конвертация обычных юаней в цифровые, после чего они направляются в уполномоченные структуры, в роли которых выступают, например, коммерческие банки. Именно эти учреждения обеспечивают дальнейшее распространение цифровой валюты среди конечных пользователей — населения. Технически проведение платежей возможно как в режиме онлайн, так и при отсутствии подключения к сети Интернет. Окончательное подтверждение транзакции происходит после восстановления соединения у обеих сторон: данные о счетах плательщика и получателя синхронизируются с общей сетью, где осуществляется проверка и сверка информации. Операция считается завершённой только при полном совпадении всех данных.

На основании Федерального закона от 23.07.2025 № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусмотрено поэтапное внедрение цифрового рубля в экономику. Первый этап начинается с 1 сентября 2026 г. и предоставляет всем клиентам возможность открывать цифровые кошельки, оплачивать товары и услуги, осуществлять переводы. При этом для торговых компаний с выручкой более 120 млн р. операции с цифровым рублем становятся обязательными [2].

С 1 сентября 2027 г. (второй этап) указанные операции в обязательном порядке распространяются на организации с годовой выручкой свыше 30 млн р. Третий этап стартует с 1 сентября 2028 г., когда доступ к цифровым рублям обеспечивается для всех банков и продавцов с годовой выручкой менее 30 млн р. Принудительный перевод всех субъектов на цифровой рубль не предусматривается; это касается в том числе заработных плат бюджетников и социальных выплат.

С 1 января 2026 г. цифровой юань переведен на модель цифровых депозитных денег, что позволяет использовать эту валюту в международных расчетах. С указанного периода на остатки средств в кошельках цифрового юаня начисляются проценты, аналогичные предусмотренным для обычных вкладов до востребования. В перспективе пользователи смогут открывать электронные кошельки через коммерческие платформы, такие как Alipay и WeChat, а не только в крупных банках. Наиболее существенным является то, что остатки цифрового юаня в кошельках размером не менее 500 тыс. юаней на одного вкладчика подпадают под систему страхования [9].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что, несмотря на единую цель цифровизации национальных валют и усиления финансового контроля, Россия и Китай избрали принципиально различные стратегии. В России сформирована четкая законодательная база для цифрового рубля, который функционирует исключительно как средство платежа (без начисления процентов) и сосуществует с легализованными частными криптовалютами. В Китае, напротив, при отсутствии формального определения «цифровой валюты» в законе, сделан акцент на монополию государственного цифрового юаня, введен запрет частных криптовалют, а национальная цифровая валюта трансформирована в полноценный финансовый инструмент (с начислением процентов и страхованием средств). Изложенное позволяет характеризовать российский подход как создание параллельной платежной инфраструктуры, тогда как китайский подход представляет собой формирование жесткой моноцентричной модели, ориентированной на полное замещение неконтролируемых активов и интеграцию в международные расчеты.

Литература

1. Гражданский кодекс КНР от 01.01.2021 г. URL: <http://wipo.int/wipolex/en/legislation/details/21757> (дата обращения: 25.02.2026).
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_510534/ (дата обращения: 28.02.2026).
3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 28.02.2026).
4. Закон о народном банке КНР от 18 марта 1995 г. URL: <http://asia-business.ru/law/law2/bank/peoplesbank/> (дата обращения: 27.02.2026).
5. О национальной платежной системе: федер. закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (дата обращения: 27.02.2026).
6. Горбунов С. В. Цифровой рубль: базовый курс. Москва, 2024. 136 с.
7. Гончаров А. И., Давудов Д. А. Цифровая валюта в современной России: юридическое содержание и место в обороте // Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 3. С. 128–153.
8. Иванущенко А. В., Плюснина Е. А., Яцык А. А. Цифровизация национальной валюты: мировой и отечественный опыт // Экономика. Право. Инновации. 2021. № 2. С. 4–11.
9. Китай обновляет модель развития цифрового юаня с 2026 г. URL: <http://coinspaidmedia.com/ru/news/china-update-digital-...> (дата обращения: 01.03.2026).
10. Фокин Н.И., Моисейцев В.В., Цифровой юань: практические аспекты. URL: <https://e-scio.ru/wp-content/uploads/2021/06/Моисейцев-В> (дата обращения: 01.03.2026).
11. Цзинвэнь Ван. Цифровой юань — официальная цифровая валюта Китая: юридическая природа и тенденции развития // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 1. С. 72–79.

Морально-этические запреты «Великой ясы»

© Е. Е. Попова

студентка 1-го курса,
Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
katkatkatpopova@gmail.com

В статье анализируется утраченный текст «Великой Ясы» Чингисхана, исследуются её роль в становлении монгольской государственности, влияние на правовые системы и морально-этические запреты. Автор классифицирует нормы гостеприимства, этикета, верований и природопользования, показывая их связь с современным монгольским законодательством. Делается вывод, что, несмотря на отсутствие оригинала, наследие Ясы остаётся фундаментальным для правовой культуры Азии.

Ключевые слова: древнее законодательство Монголии, «Великая Яса», обычай, нормы обычного права, Чингисхан, монгольское государство, монгольское право.

The moral and ethical prohibitions of the «Great Yasa»

E. E. Popova

1st-year student,
Dorzhii Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
katkatkatpopova@gmail.com

The article analyzes the lost text of Genghis Khan's "Great Yasa," examines its role in the formation of Mongol statehood, its influence on legal systems, and its moral and ethical prohibitions. The author classifies the norms of hospitality, etiquette, beliefs, and resource management, showing their connection to modern Mongolian legislation. It is concluded that, despite the absence of the original, the legacy of the Yasa remains fundamental to the legal culture of Asia.

Keywords: ancient Mongolian legislation, "Great Yasa," custom, norms of customary law, Genghis Khan, the Mongol state, Mongolian law.

Исследователи единогласно утверждают, что один из величайших источников старомонгольского права «Великая Яса» не сохранился. Информацию о ее содержании приходилось получать из других, в том числе иностранных источников [2, с. 158–164]. Как отмечает С. Ж. Дугарова: «Великая Яса Чингисхана оставила неизгладимый след в мировой истории. Однако фактическое отсутствие полного текста данного акта определяет методологические трудности в исследовании этого феномена правовой культуры азиатских стран. Следует констатировать, что изучение Ясы сведено к поиску источников, содержащих сведения о содержании и форме правового документа, что объединяет работы многочисленной интернациональной по составу группы исследователей в единое научное направление» [3, с. 14]. При этом авторы сходятся во мнении, что значимость «Великой Ясы» трудно переоценить. Анализ научных публикаций, по этому вопросу позволяет выделить следующие значимые обстоятельства, которым способствовала Великая Яса:

- становление государственности Монголии. «Появление «Великой Ясы» стало правовым оформлением перехода от вожества к ранней империи» [7];

- укрепление власти хана;

- развитие законодательства, направленного на установление дисциплины как в рядах военных, так и среди мирных монголов (детей, женщин, стариков, священнослужителей и др.), обеспечение безопасности, поддержание семейных и нравственных ценностей, развитие самобытной культуры. Кроме того, большое влияние рассматриваемый источник права оказывал и на то, что сейчас принято именовать международными отношениями.

- влияние на источники права других государств. Например, А. Р. Иванов, О. Ч. Цыденова отмечают, что «"Великая Яса" Чингисхана играла роль универсального кодекса, действовавшего на территории многих государств преемников империи Чингисхана» [5, с. 36].

Рассмотрим более подробно запреты, которые устанавливались для регулирования морально-этической составляющей жизни монголов того периода. А. Ю. Грибов дает следующую классификацию запретов, содержащихся в «Великой Ясе»:

– связанные с гостеприимством. Гость для монголов всегда был уважаем, к нему относились с почтением, старались угостить лучшими блюдами. К нему недопустимо было выгнать, не угостить, отнестись грубо. Не допускалось входить в дом (юрту) хозяина без приглашения и в его отсутствие, вносить с собой оружие, землеройные предметы (лопаты и др.); засучивать рукава (что обычно делают на похоронах). Гость должен занимать место, которое ему предложат и не менять его; не разрешалось, чтобы он помогал хозяину угощать других гостей и сам обязан был попробовать то, чем его угощают. Существовали запреты на то, чтобы сидеть, стоять, разговаривать на пороге; приносить пустую посуду (в чашку, пиалу нужно обязательно положить пищу); пить спиртное стоя; оставлять остатки недопитого чая; бросать в блюдо объедки. Подарки предписывалось вручать не сразу, а во время застолья. При этом главный подарок следовало дарить уходя;

– связанные с правилами этикета. Такие правила весьма разнообразны и имелись в большом количестве. В их числе: недопустимость переходить дорогу перед старшими; целоваться при встрече губами (разрешалось лишь касаться друг друга щеками); показывать ладони так, чтобы другой человек видел линии на них; осквернять священные места недобрыми мыслями и действиями, а также ругаться, повышать голос, неуважительно относиться к старшим, обижать родителей, бабушек, дедушек;

– связанные с верованиями. Монголы считали, что всюду обитают духи. Они есть у каждого значимого места (долины, реки, горы, юрты и т.п.). Духов боялись и старались убажить. Отсюда множество запретов. В их числе: нельзя не остановиться у обоо (груда камней, которые определенным образом делали в священных местах) и не преподнести даров («покормить» духов); доставать мясо из котла ножом; ловить и есть рыбу; купаться в реке; бить уздой лошадей; проливать на землю вино и кумыс, молоко. Перед употреблением спиртного следовало «покапать» духам (выливают небольшое количество жидкости на стол или землю либо безымянным пальцем коснуться алкоголя и затем несколько раз стола);

– определяющие отношение к природе, ее явлениям. Не допускалось наносить неоправданный и невосполнимый урон природе (убивать самку животного с детенышами, рубить деревья у источников, без необходимости срывать растения, рубить деревья); пронзать землю острыми предметами, рыть ее (если возникала в этом серьезная необходимость, вначале предписывалось провести священный разрешительный обряд); стирать возле источников воды, лить в них помой, плевать; лить воду в огонь, вонзать в него нож, другие острые предметы, бросать в него мусор; давать огонь в чужой дом, брать его у чужих; наступать в золу (так как было поверье, что в ней души умерших); брызгать молоком в очаг, спать ногами в его сторону (считалось, что такое расположение может испугать духов юрты);

– прочие обычаи, которые касались множества сфер жизни и также появились во взаимосвязи с верованиями монголов и их образом жизни. Среди них можно назвать: недопустимость употреблять спиртное мужчинам младше 40 лет; женщине расчесываться в присутствии мужчины; читать священные тексты с посторонними ради забавы; употреблять пищу и питье вместе с животными. Детям давали два имени — одно то, каким его хотят видеть родители (как правило, связанные с красотой природы, удачами в военном деле и т.д.), другое неблагозвучное. Это делалось для того, чтобы запутать злых духов и они, подумав, что человек и так не удачлив, не доставляли ему бед. С этой же целью детям иногда мазали лицо сажей, мальчиков одевали в девчонковую одежду. В одежде и строительстве, быту старались использовать, так называемый, закругленный верх (на носках обуви, крышах строений и т.п.). Считалось, что таким образом злые духи не смогут закрепиться, а скатившись, словно по горке, улетят [2].

«Отличительным признаком установлений и запретов, закрепленных в «Ясе», стало реальное их распространение на каждого монгола вне зависимости от его положения в военной и гражданской иерархии» [6, с. 44]. Несмотря на то, что перечисленные запреты напрямую не устанавливали предписаний в области права (в нынешнем понимании), тем не менее были тесно с ним связаны и оказали влияние на дальнейшее формирование законодательства. Например, в настоящее время экологическое законодательство в части правового регулирования добычи рыбы практически не развито. Для современных монголов употребление рыбы в пищу не является нормой. Такие вкусовые предпочтения, безусловно, сформировались в результате многовековых запретов на вылов рыбы. Возведенное в ранг закона уважительное отношение к старшим также нашло отражение в законе. Например, ст. 11.7 Уголовного кодекса Монголии [1] предусматривает более суровое наказание за насилие в отношении престарелых. Кража скота выделена в отдельную статью УК Монголии (ст. 17.12) (в отличие, например, от российского уголовного закона) и предусматривает наказание вплоть до 12 лет лишения свободы. При этом отдельная статья «Кража» в УК Монголии устанавливает максимальное наказание

до восьми лет лишения свободы. Таким образом, несмотря даже на то, что текст «Великой Ясы» утрачен, этот свод нормативных и иных правил стал важной вехой в развитии и становлении монгольских государства и права.

Литература

1. Уголовный кодекс Монголии / пер. с монг. Батболд Галбадрах, Амарсанаа Вандан-Иш ; науч. ред. перевода и предисл. М. В. Бавсуна, А. А. Нечепуренко. Омск : Изд-во Омской академии МВД России, 2020. 144 с.
2. Грибов А. Ю. Великая Яса (Джасак) Чингисхана: URL: <https://www.gribov.ru/genghiskhan.html> (дата обращения: 07.02.2026).
3. Дугарова, С. Ж., Дугарова Е. Ж. Историографический обзор источников «Великой Ясы» Чингисхана // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 2. С. 158–164.
4. Дугарова С. Ж. Историография монгольского государства и права: дисс. ... д-ра ист. наук. 2013. 394 с.
5. Иванов А. Р., Цыденова О. Ч. Анализ уголовного права по принципам действия норм «Великой Ясы» Чингисхана // The Scientific Heritage. 2017. № 8(8). С. 36–39.
6. Степанова Е. Е. Ганболд Д. О «Ясе» чингисхана и ее роли в монгольской правовой системе // Искусство правоведения. 2025. № 1. С. 39–45.
7. Шишкова Ю. Ю., Жумабаева К. Д. Влияние Великой Ясы Чингисхана на русское право. URL: <http://conf.omua.ru/content/vliyanie-velikoy-yasy-chingishana-na-russkoe-pravo#comments> (дата обращения: 07.02.2026).

**Воплощение института защиты в административно-процессуальном законодательстве
Республики Беларусь и стран Азии**

© **Е. А. Радоман**

магистр,

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Республика Беларусь, г. Минск

liza.radoman28.05@mail.ru

В статье раскрываются некоторые аспекты воплощения конституционного права каждого человека и гражданина на юридическую помощь в нормах административно-процессуального законодательства Республики Беларусь и стран Центрально-Азиатского региона (Республика Казахстан, Республика Таджикистан, Туркменистан). На основе компаративного анализа нормативных предписаний автором выявлены закономерности и особенности национальных правовых моделей в части обеспечения процессуальных гарантий защиты прав и свобод личности в производстве по делам об административных правонарушениях. Сформулированные теоретические выводы и предложения направлены на совершенствование института защиты и представляют научный интерес для дальнейшего развития административно-правовой доктрины.

Ключевые слова: право на юридическую помощь, административный процесс, право на защиту, институт защиты, субъекты защиты, обязательное участие защитника.

**The implementation of the institution of protection in the administrative procedural legislation
of the Republic of Belarus and Asian countries**

E. A. Radoman

Master's Degree Holder,

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus

Republic of Belarus, Minsk

liza.radoman28.05@mail.ru

The article dwells upon implementation of the constitutional right of every individual and citizen to legal assistance in the administrative procedural legislation of the Republic of Belarus and the countries of the Central Asian region (the Republic of Kazakhstan, the Republic of Tajikistan, and Turkmenistan). Based on a comparative analysis of regulatory provisions, the author identifies patterns and characteristics of national legal models in terms of ensuring procedural guarantees for the protection of individual rights and freedoms in administrative proceedings. Scientific findings formulated in the article are aimed at improving the institution of legal protection and can be useful the further development of administrative law doctrine.

Key words: the right to legal assistance, administrative process, the right to protection, institute of protection, subjects of protection, mandatory participation of the defender.

Провозглашение прав и свобод личности и гарантий их реализации в качестве высшей ценности и цели любого государства и общества признается фундаментальным принципом современного конституционализма, являясь базисным аксиологическим приоритетом. Обеспечение данного императива осуществляется посредством диалектического единства международного и национального правопорядков. Руководствуясь положениями Всеобщей декларации прав человека, каждое суверенное государство предусматривает комплексные институционально-функциональные механизмы защиты прав и свобод личности и формирует собственную систему юридических гарантий, нормативно закрепляя возможные процедуры восстановления нарушенных прав и свобод. Как справедливо подчеркнула А. А. Тюрина, значение идеи защиты в международном праве состоит в том, чтобы «принести права человека домой» [13, с. 37], т. е. создать действенный механизм защиты в национальных правовых системах для последующей эффективной реализации в правоприменительной практике.

Одним из необходимых элементов механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина является право на получение юридической помощи. Сегодня можно констатировать, что в правовой науке и законодательстве используются различные формулировки для обозначения такого сложного явления социальной действительности, как «юридическая помощь»: «право на юридическую помощь», «право на квалифицированную юридическую помощь», «право на правовую помощь», «право на получение юридических услуг», «право на защиту», «право иметь защитника», «право на помощь адвоката» и др. Однако не все они обладают признаками тождественности, что зачастую приводит к

необоснованному смещению семантически близких, но неоднородных правовых категорий. В связи с этим, прежде чем раскрыть сущность института защиты в административном производстве, рационально определить правовую природу и содержание конституционного права на юридическую помощь, выступающего «стартовым» понятием для процессуального воплощения права лица, в отношении которого ведется административный процесс, на защиту.

Так, белорусский законодатель в ст. 62 Конституции Республики Беларусь предоставляет каждому «право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, иных государственных органах, других организациях и в отношениях с должностными лицами и гражданами. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается за счет государственных средств. Противодействие оказанию правовой помощи в Республике Беларусь запрещается» [1]. Расширительное толкование вышеупомянутой статьи позволяет заключить, что реализация лицом права на юридическую помощь включает три формы, представляя собой симбиоз формы-осуществления и формы-защиты, гарантированных государством, действующим в форме-обеспечения прав и свобод в лице уполномоченных им субъектов (государственные органы и организации, суд, прокуратура, адвокатура, нотариат и иные). Данная теоретическая модель четко прослеживается в предложенной Е. С. Любовеико дефиниции, интерпретирующей право на юридическую помощь как конституционно гарантированную каждому «возможность самостоятельно выбирать и получать необходимое, отвечающее государственным стандартам качества, информационно-консультативное и практическое (процедурно-процессуальное представительство) правовое содействие в оптимальном осуществлении и эффективной защите его прав, свобод и законных интересов, которое может оказываться на договорной (возмездной и безвозмездной) основе, либо субъектами публично обязанными к этому» [11, с. 9]. Иными словами, цитируемый автор концентрирует внимание на понимании права на юридическую помощь в субъективном смысле. Учитывая тот факт, что с точки зрения общей теории права любое субъективное право основывается на нормах объективного, право на юридическую помощь необходимо рассматривать в двух аспектах: как естественное неотчуждаемое право каждого человека и гражданина (в субъективном смысле) и как совокупность правовых норм, регламентирующих содержание данного права (в объективном смысле).

В странах Центрально-Азиатского региона право на юридическую помощь также нашло свое отражение на конституционном уровне. Согласно ч. 3 ст. 13 Конституции Республики Казахстан «каждый имеет право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно» [2]. Конституция Республики Таджикистан (ст. 92) закрепляет, что «юридическая помощь гарантируется на всех стадиях следствия и суда. Организация и порядок деятельности адвокатуры и другие формы оказания юридической помощи определяются конституционным законом» [3]. В ст. 63 Конституции Республики Туркменистан равным образом регламентировано, что «каждому человеку государство гарантирует право на получение юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь предоставляется бесплатно» [4]. Заметим, законодатель Республики Казахстан сделал акцент на качестве оказания юридической помощи как на сущностной характеристике данной конституционной гарантии. Включение признака квалифицированности непосредственно в текст Основного Закона свидетельствует о признании государством позитивного обязательства не просто обеспечить доступ к юридической помощи, но и гарантировать участие профессионально подготовленных специалистов в процессе осуществления и защиты нарушенных прав личности. Полагаем, данный опыт может иметь положительное значение и для Республики Беларусь.

Несмотря на разнообразие конституционных формулировок, все вышеназванные предписания, охватывающие право на юридическую помощь в его субъективном и объективном смыслах, детализированы в нормах административно-процессуального законодательства как Республики Беларусь, так и стран Центрально-Азиатского региона. В этой связи необходимо проанализировать специфику и полноту нормативной проекции конституционных положений в плоскость административно-процессуального регулирования, а также выявить тенденции законодательного преломления конституционного права на юридическую помощь в рассматриваемых юрисдикциях, способствуя укреплению правозащитного потенциала Республики Беларусь.

Институциональные начала механизма защиты прав и свобод личности в производстве по делам об административных правонарушениях объективированы в его руководящих принципах.

В Республике Беларусь конституционное право на юридическую помощь развивается в принципе административного процесса, предусмотренном ч. 1 ст. 2.3 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее — ПИКоАП Республики Беларусь) [5], в соответствии с которым на суд,

орган, ведущий административный процесс, возлагается обязанность по обеспечению защиты прав, свобод и законных интересов участников административного процесса, созданию условий для ее осуществления. Вместе с тем закрепленное в ст. 2.8 ПИКоАП Республики Беларусь право физического лица, в отношении которого ведется административный процесс, на защиту выступает в качестве процессуальной формы (гарантии) реализации материального конституционного права каждого человека и гражданина на юридическую помощь, т. е. это совокупность всех процессуальных возможностей лица, которые оно вправе осуществить посредством привлечения защитника или самостоятельно. Исходя из этого думается, что процессуальное право на защиту обладает более широким содержанием наполнением в сравнении с конституционным правом на юридическую помощь, поскольку, помимо профессионального участия, оно предполагает возможность личной защиты принадлежащих прав и свобод. Обеспечительная роль государства проявляется также в том, что во исполнение конституционного императива законодатель в ст. 2.8 ПИКоАП Республики Беларусь обязывает судью, должностное лицо органа, ведущего административный процесс, разъяснить физическому лицу предоставленные ему права и принять меры к тому, чтобы оно имело фактическую возможность использовать не противоречащие законодательству средства и способы защиты. Нарушение права на защиту является основанием для отмены вынесенного в отношении физического лица постановления о наложении административного взыскания.

Ст. 20 Кодекса об административных правонарушениях Республики Казахстан (далее — КоАП Республики Казахстан) [6] обеспечивает право каждого на получение в ходе административного производства квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. В свою очередь, ст. 14 Процессуального кодекса об административных правонарушениях Республики Таджикистан (далее — ПКоАП Республики Таджикистан) [7] закрепляет право каждого на получение правовой помощи в ходе производства по делу об административном правонарушении. Кодекс Туркменистана об административных правонарушениях (далее — КоАП Туркменистана) [8] в ст. 15 устанавливает: в ходе административного производства каждое лицо имеет право на получение профессиональной юридической помощи, а в случаях, предусмотренных законом, профессиональная юридическая помощь оказывается бесплатно. При этом в ПКоАП Республики Таджикистан наблюдается терминологическая асимметрия в соотношении конституционных и административно-процессуальных норм. Доктринальное разграничение дефиниций «правовая помощь» и «юридическая помощь» характеризуется высокой степенью дискуссионности, что обусловлено отсутствием четких критериев их дифференциации в действующем законодательстве. Как отмечается в литературе, понятие «правовая помощь» в первую очередь имеет международно-правовую отраслевую принадлежность и используется для обозначения отношений сотрудничества между странами в правовой сфере [10]. Тем не менее, абстрагируясь от международно-правового контекста, можно рассмотреть данный феномен в другой интерпретации: «правовая помощь» является родовым понятием по отношению к видовому понятию «юридическая помощь». Правовая помощь — комплексная категория, объединяющая все формы социально активного поведения, а также совокупность средств и методов, направленных на обеспечение и защиту субъективных прав, а юридическая помощь — особый вид процессуальной деятельности, регламентированной законодательством и осуществляемой юридическими средствами [12, с. 13–14]. С другой стороны, использование термина «правовая помощь» в административно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан можно трактовать как стремление государства предоставить индивиду максимально широкий спектр поддержки, предполагающий не только профессиональную защиту (юридическую), но и другие формы правового содействия (правовое информирование, правовое консультирование, правовая помощь близкого родственника, законного представителя, представителя и др.). В таком случае можно полагать: нормы кодифицированного законодательства не умаляют высшую юридическую силу Конституции, а предоставляют вариативный набор правовых средств, существенно расширяющий возможности субъекта при осуществлении и защите своих прав, свобод и законных интересов. Однако, на наш взгляд, представляется методологически верным сохранение за категорией «правовая помощь» ее аутентичного содержания, выработанного в рамках международного права (преимущественно в контексте межгосударственного сотрудничества). В то же время для обозначения специализированного вида правового содействия личности в национальном отраслевом правовом поле наиболее корректным считаем использование термина «юридическая помощь». Немаловажным является обстоятельство, что в нормах, регулирующих процессуальное положение защитника, все же употребляется термин «юридическая помощь» (ст. 29 ПКоАП Республики Таджикистан). Считаем, данное обобщение будет способствовать формированию понятийного единообразия конституционных и административно-процессуальных предписаний и обеспечит терминологическую «чистоту» законодательства.

Обеспечение права на защиту, в том числе на юридическую помощь, находится в процессуальной компетенции определенных субъектов. В административно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь, Республики Таджикистан, Туркменистана наблюдается дивергенция в правовой детерминации статуса лиц, обеспечивающих практическую реализацию процессуального права на защиту. Согласно ПИКоАП Республики Беларусь, защиту прав, свобод и законных интересов физического лица, в отношении которого ведется административный процесс, может осуществлять защитник, в роли которого выступает, как правило, адвокат. По ходатайству физического лица в качестве защитника по постановлению органа, ведущего административный процесс, также могут быть допущены законный представитель либо один из близких родственников физического лица (ч. 2 ст. 4.5). Оказание юридической помощи потерпевшему (физическому или юридическому лицу — ч. 1 ст. 4.2 ПИКоАП Республики Беларусь) и физическому лицу — индивидуальному предпринимателю становится функциональной обязанностью представителя. В качестве последнего к участию в процессе может быть привлечен адвокат, законный представитель, близкий родственник, иное лицо в случаях, предусмотренных законодательством (ч. 3 ст. 4.5 ПИКоАП Республики Беларусь). В Республике Казахстан обязанность по защите возлагается на адвокатов и юридических консультантов, наряду с которыми к участию в деле также допускаются супруг (супруга), близкие родственники и законные представители лица, привлекаемого к административной ответственности (ч. 2 ст. 748 КоАП Республики Казахстан). В соответствии с ч. 1 ст. 753 КоАП Республики Казахстан «представителями потерпевшего могут быть лица, правомочные в силу закона представлять при производстве по делу об административном правонарушении законные интересы потерпевшего, а также лица, имеющие статус юридического консультанта». В ч. 2 ст. 29 ПИКоАП Республики Таджикистан предусмотрено, что «в качестве защитника или представителя к участию в производстве по делу об административном правонарушении допускается защитник и иное лицо». При этом не поясняется, кто может быть защитником и (или) иным лицом, что вызывает некоторые сомнения в части квалифицированности оказания юридической помощи. Ст. 491 КоАП Туркменистана, именуемая «Адвокат и представитель», устанавливает, что оказание юридической помощи лицу, в отношении которого ведется административное производство, осуществляется адвокатом, а оказание юридической помощи потерпевшему — представителем; в качестве адвоката или представителя могут участвовать адвокаты или иные лица, имеющие право оказывать юридическую помощь. Кроме того, в Республике Беларусь, Республике Таджикистан, Туркменистане в пределах национальных правовых систем права и обязанности защитника (защитника-адвоката) и представителя в административном процессе тождественны и закреплены в ч. 6–9 ст. 4.5, ч. 5 ст. 29, ч. 4 ст. 491 соответственно. Вместе с тем законодатель Республики Казахстан постатейно разграничивает процессуальные институты защиты (ст. 748–752 КоАП Республики Казахстан) и представительства потерпевшего (ст. 753 КоАП Республики Казахстан), что считаем оправданным, поскольку, если защитник выполняет одновременно правозащитную и представительскую функцию (т. е. в данном случае доминирует «охранительный компонент»), то деятельность представителя направлена преимущественно на реализацию процессуальной дееспособности представляемого (т. е. доминирует «регулятивный компонент») и не всегда сопряжена с применением защитных способов и средств.

Важной составляющей реализации принципа обеспечения права на защиту физического лица, в отношении которого ведется административный процесс, является институт обязательного участия защитника, который в настоящее время в Республике Беларусь не существует. Положения ст. 2.8 ПИКоАП Республики Беларусь отличаются диспозитивным характером регламентации участия защитника. Действующая норма закрепляет лишь правомочие лица на привлечение защитника, не устанавливая при этом корреспондирующей обязанности суда или органа, ведущего административный процесс, обеспечить его участие, исходя из интересов правосудия. Следовательно, фактическая реализация конституционной гарантии на защиту в административно-деликтной сфере трансформируется в исключительную прерогативу и бремя самого заинтересованного лица, что в некоторой степени снижает уровень институциональной защищенности субъекта. В ПИКоАП Республики Беларусь также не упоминается о случаях обязательного участия защитника в административном процессе, что нельзя сказать о странах Центрально-Азиатского региона. Так, в соответствии с нормами административно-процессуального законодательства анализируемых государств участие защитника обязательно, если: заявлено ходатайство лицом, в отношении которого ведется административный процесс; лицо, в отношении которого ведется административный процесс, является несовершеннолетним; лицо, в отношении которого ведется административный процесс, в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту; лицо, в отношении которого ведется административный процесс, не владеет языком, на котором ведется производство

(ст. 749 КоАП Республики Казахстан, ч. 6 ст. 29 ПКоАП Республики Таджикистан, ст. 492 КоАП Туркменистана).

Обязательное участие защитника предполагает право на получение его бесплатной юридической помощи или привлечение лицом защитника на платной основе. Несмотря на то, что ст. 28 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» [9] указывает ограниченное количество случаев, когда такая помощь может оказываться за счет средств коллегий адвокатов, республиканского и (или) местного бюджетов, ПИКоАП Республики Беларусь таких случаев не предусматривает. Согласно ч. 5 ст. 750 КоАП Республики Казахстан: «судья, орган (должностное лицо), уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях, при наличии к тому оснований обязаны освободить лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, от оплаты юридической помощи. В этом случае оплата труда производится за счет бюджетных средств». ПКоАП Республики Таджикистан содержит отдельную статью 29(1), где определены категории лиц, которым гарантируется оплата услуг защитника за счет государства. К ним относятся: лица, не имеющие возможности оплатить услуги защитника, которые являются получателями адресной социальной помощи; несовершеннолетние сироты или несовершеннолетние, родители (лица, их заменяющие) которых являются получателями адресной социальной помощи; лица, которые в силу физических или психических недостатков не могут самостоятельно осуществлять свое право на защиту; ветераны Великой Отечественной войны и приравненные к ним лица, ветераны боевых действий на территории других государств и приравненные к ним лица, а также лица, пострадавшие вследствие катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции, либо принимавшие участие в ликвидации последствий этой катастрофы. Из этого следует, что в Республике Беларусь конституционная гарантия по оказанию юридической помощи напрямую зависит от имущественного благосостояния лица, которое в ней нуждается, что, по нашему мнению, не должно препятствовать реализации его права на защиту и диктует необходимость внедрения в административно-процессуальное поле института защитника по назначению.

Таким образом, применение метода сравнительного правоведения позволило проследить национальные особенности воплощения института защиты в административно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь и стран Центрально-Азиатского региона. Проведенный анализ законодательных предписаний позволяет сделать вывод о необходимости модернизации правового регулирования юридической помощи в производстве по делам об административных правонарушениях, чтобы она могла выступать надежным гарантом осуществления и защиты прав и свобод личности. С целью наиболее полной реализации принципа обеспечения прав, свобод и законных интересов участников административного процесса положительной тенденцией для Республики Беларусь видится имплементация института обязательного участия защитника.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=v19402875&q_id=2528607 (дата обращения: 11.04.2026).
2. Конституция Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 11.04.2026).
3. Конституция Республики Таджикистан. URL: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (дата обращения: 11.04.2026).
4. Конституция Туркменистана. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31337929 (дата обращения: 11.04.2026).
5. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk2100092&q_id=2519792 (дата обращения: 11.04.2026).
6. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31577399#pos=1285;-215 (дата обращения: 11.04.2026).
7. Процессуальный кодекс об административных правонарушениях Республики Таджикистан. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31428231 (дата обращения: 11.04.2026).
8. Кодекс Туркменистана об административных правонарушениях. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31443571 (дата обращения: 11.04.2026).
9. Об адвокатуре и адвокатской деятельности: Закон Республики Беларусь. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=H11100334> (дата обращения: 11.04.2026).
10. Лазутин Л. А. Правовая помощь по уголовным делам как комплексное формирование в международном уголовном и уголовно-процессуальном праве: дис. ... д-ра юр. наук. Екатеринбург, 2008. 434 с.

11. Любобенко Е. С. Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи и механизм его гарантирования: российский и зарубежный опыт: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Москва, 2007. 29 с.
12. Миняйленко Н. Н. Право на юридическую помощь и механизм его обеспечения в современной России (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юр. наук. Санкт-Петербург, 2000. 19 с.
13. Тюрина А. А. Функция защиты в административно-юрисдикционном процессе: дис. ... канд. юр. наук. Москва, 2007. 163 с.

Эволюция правовых моделей Алжира, Египта и Туниса в постколониальный период

© Г. И. Самигуллина

ассистент кафедры теории государства и права,
Уфимский государственный университет

Россия, г. Уфа

samigullinagulnur3@gmail.com

Статья посвящена сравнительно-правовому исследованию эволюции правовых систем Алжира, Египта и Туниса в постколониальную эпоху. В фокусе внимания находится проблема выбора пути правового развития после обретения независимости, а также преодоления правового дуализма. Проанализированы египетская модель конституционной исламизации, алжирский опыт консервативной кодификации семейного права на фоне социалистических деклараций и тунисский секуляризм. Сделан вывод о роли государства (этатизма) в трансформации статуса исламского и обычного права.

Ключевые слова: рецепция права, исламизация, шариат, адат, правовой дуализм, сравнительное правоведение, семейное право.

The evolution of the legal models of Algeria, Egypt, and Tunisia in the post-colonial period

G. I. Samigullina

Assistant at the Department of Theory of State and Law,
Ufa State University

Russia, Ufa

samigullinagulnur3@gmail.com

The article is devoted to a comparative legal study of the evolution of the legal systems of Algeria, Egypt, and Tunisia in the post-colonial era. The focus is on the problem of choosing a path for legal development after independence, as well as overcoming legal dualism. The article analyzes the Egyptian model of constitutional Islamization, the Algerian experience of conservative codification of family law against the backdrop of socialist declarations, and Tunisian secularism. The article concludes that the role of the state (etatism) is crucial in transforming the status of Islamic and customary law.

Keywords: reception of law, Islamization, Sharia, adat, legal dualism, comparative law, and family law.

Обретение независимости странами Арабского Востока и Северной Африки во второй половине XX в. поставило перед национальными элитами сложнейшую задачу демонтажа колониального наследия и построения суверенных правовых систем. Проблема деколонизации в правовой сфере заключалась в преодолении навязанного метрополиями уклада, при котором происходило вытеснение традиционного права в узкую сферу личного статуса, тогда как публичное, уголовное и коммерческое право регламентировались европейскими кодексами [1, с. 114]. Это породило глубокий правовой дуализм — параллельное существование светской и религиозной юрисдикций, а также конкуренцию между шариатом и местным обычным правом (адатом), которое колониальные власти нередко поддерживали для искусственного разделения населения (как, например, в случае с берберскими декретами) [2, с. 132–133].

В постколониальный период (1960–1990 гг.) перед государствами встал выбор: пойти по пути рецепции права, углубляя заимствование европейских правовых конструкций, или обратиться к исламизации, возрождая фикх как основу национального законодательства [3, с. 110]. В зависимости от характера взаимодействия национально-освободительных движений с традиционными племенными институтами и исламским духовенством, Алжир, Египет и Тунис продемонстрировали три различные правовые модели модернизации.

Египетская правовая система стала классическим примером попытки институционального синтеза исламского и европейского права. Фундамент этой модели был заложен Гражданским кодексом 1948 г., главным разработчиком которого выступил выдающийся правовед Абд ар-Раззак ас-Санхури [4, с. 96]. Ас-Санхури применил методологию «сравнительного нео-таклида», экстрагируя общие принципы из различных толков классического фикха и облекая их в форму современного позитивного законодательства французского типа. Эта кодификация позволила Египту создать светский по форме, но укорененный в исламской традиции документ, оказавший колоссальное влияние на весь регион.

После революции 1952 г. правительство Г. А. Насера взяло курс на построение «арабского социализма», что привело к существенной трансформации судебной системы. Насер ликвидировал автономию судебной власти, стремясь подчинить ее политическим задачам режима. Были созданы исключительные суды («Суд революции», «Народные трибуналы»), не обремененные процессуальными гарантиями, а в 1969 г. произошла масштабная чистка судейского корпуса [5, с. 10].

Ситуация кардинально изменилась с приходом к власти А. Садата, провозгласившего политику «открытых дверей» (инфитах) и восстановления верховенства закона. В 1979 г. был учрежден Высший конституционный суд (ВКС), призванный гарантировать права собственности и контролировать соответствие законов Конституции. В 1980 г., в попытке легитимизировать власть в глазах растущего исламистского движения, в ст. 2 Конституции была внесена ключевая поправка: принципы шариата провозглашались «главным» (а не одним из главных) источником законодательства [6, с. 63]. Это спровоцировало волну судебных исков, требующих отмены светских законов. Однако ВКС занял прагматичную позицию: суд постановил, что норма не имеет обратной силы, а при оценке новых законов судьи опирались не на строгие догмы традиционного фикха.

Важным инструментом адаптации исламского наследия к реалиям современного государства в Египте стал институт конституционной юстиции. Высший конституционный суд, обладая полномочиями по абстрактному и конкретному нормоконтролю, фактически присвоил себе право официального толкования шариата, превратившись в арбитра в спорах между светским законодательством и религиозной традицией. Такая модель «конституционной исламизации» позволила государству сохранить контроль над процессом правотворчества, не отдавая его ни судьям традиционных шариатских судов, ни исламистским движениям, которые требовали немедленной замены всех позитивных законов нормами фикха. Египетский опыт продемонстрировал, что создание специализированного конституционного суда, стоящего на страже формального верховенства конституции, может служить эффективным механизмом сдерживания радикальных сценариев правовой трансформации.

Правовое развитие Алжира определялось тяжелейшим наследием 132-летней французской колонизации, в ходе которой традиционные формы собственности (хабус, общинные земли) и институты самоуправления были разрушены, а адат (в частности, в Кабилии) искусственно противопоставлялся шариату [7, с. 47–48]. Получив независимость в 1962 г., Алжир взял курс на «алжиризацию» права, стремясь демонтировать колониальный правовой порядок (такой как «Кодекс Морана»). Первые Конституции (1963 и 1976 гг.) закрепили концепцию «революционной законности», где приоритет отдавался социалистическому строительству, а ислам объявлялся государственной религией [8, с. 161].

Однако в сфере частного права Алжир столкнулся с глубоким институциональным кризисом. Фракционная борьба в руководстве Фронта национального освобождения (ФНО) между сторонниками социалистической модернизации и исламо-консерваторами, опиравшимися на патриархальные племенные структуры, привела к параличу в вопросах семейного права. Множество проектов кодификации были отвергнуты, и вплоть до 1980-х гг. в судах продолжал применяться фрагментированный правовой дуализм [9, с. 193].

Лишь в 1984 г. был принят Кодекс о семье [10], который стал консервативным компромиссом власти с традиционалистами. Вопреки ожиданиям женского движения, активно участвовавшего в антиколониальной войне, Кодекс строго следовал нормам маликитского мазхаба шариата. Он закрепил институт брачного опекуна (уали) как обязательное условие действительности брака, легализовал полигамию и сохранил за мужем право на односторонний развод (талак), оставив женщине лишь ограниченное право на развод через выкуп (хула). Таким образом, алжирский путь продемонстрировал противоречивый симбиоз передового этатистского публичного права и архаичного религиозного регулирования частной сферы.

Тунисская правовая модель постколониального периода стала наиболее радикальным примером секуляризации на Арабском Востоке. Лидер национально-освободительного движения Хабиб Бургиба, опираясь на лояльную городскую элиту (партия Нео-Дустур) и добившись политической автономии от консервативных родоплеменных группировок, инициировал форсированную трансформацию общества. Важнейшим инструментом этой трансформации стал Кодекс личного статуса, принятый 13 августа 1956 г. [11], всего через несколько месяцев после провозглашения независимости. Документ совершил беспрецедентный разрыв с ортодоксальным исламским правом. Кодекс впервые в арабском мире юридически запретил полигамию, установив за нее уголовную ответственность. Было упразднено право мужа на одностороннее внесудебное расторжение брака — развод стал исключительно судебной процедурой, доступной обоим супругам на равных основаниях. Кроме того, был ликвидирован институт брачного принуждения, и обязательным условием вступления в брак стало личное согласие женщины. Реформы Бургибы затронули и институциональный дизайн: в 1956 г. были

ликвидированы шариатские суды, а судебная система была полностью унифицирована (ст. 1) [12]. В 1957 г. государство упразднило религиозные фонды (хабус), лишив консервативное духовенство экономической базы. Обосновывая эти изменения, законодатель прибегал к прогрессивному иджтихаду, заявляя, что реформы возвращают подлинный дух раннего ислама, очищая его от позднейших патриархальных наслоений. Считаем, что влияние тунисского Кодекса на регион было огромным: он задал высокую планку в сфере защиты прав женщин и стал ориентиром для последующих реформистских движений во всем мусульманском мире.

Сравнительно-правовой анализ выявляет несколько фундаментальных общих черт в эволюции правовых моделей государств Магриба в 1960–1990 гг. Во-первых, это ярко выраженный этатизм. Во всех трех странах инициатором правовых трансформаций выступало государство, действующее «сверху». Во-вторых, везде сохранялся (в разной степени) правовой дуализм: если отрасли публично-го, гражданского и коммерческого права активно воспринимали европейские (прежде всего, французские) доктрины, то сфера семейных и наследственных отношений оставалась прочно привязанной к исламской правовой традиции. Право обычаев (адат), хотя исторически и играло важную роль, в постколониальный период последовательно искоренялось национальными правительствами в рамках централизации государств [13, с. 619].

Ключевые различия кроются в глубине и методах секуляризации права личного статуса, что напрямую зависело от расстановки внутривнутриполитических сил. В Тунисе независимость государства от племенных альянсов позволила элитам полностью кодифицировать и секуляризировать семейное право, утвердив модель нуклеарной семьи и гендерного равенства. Египет избрал стратегию «конституционной исламизации», где секулярные, по сути, правовые институты (такие как Высший конституционный суд) монополизировали право толкования шариата, гармонизируя его с потребностями рыночной экономики и современного социума. Алжирская модель, напротив, продемонстрировала парадоксальный синтез радикальной социалистической риторики в публичной сфере с глубоким правовым консерватизмом в сфере частноправовых отношений. Уступки исламо-консервативным силам и опора государства на сельские элиты привели к консервации патриархальной семьи как основы алжирского общества. К 1990 г. в Алжире, Египте и Тунисе окончательно сложились три самобытные модели правового развития. Пройдя через эпоху постколониального транзита, эти государства продемонстрировали, что рецепция западного права неизбежно вступает в сложный диалог с исламской догматикой. Эволюция правовых систем Магриба показала, что процесс кодификации и национализации права не означает автоматического перехода к западному секуляризму. Напротив, он породил уникальные формы правового дуализма, в которых исламизация, прогрессивный иджтихад и европейское позитивное право переплелись в сложных комбинациях, отражающих политическую и социальную структуру каждого конкретного государства.

Литература

1. Hallaq W. B. *An Introduction to Islamic Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 200 p.
2. Charrad M. M. *States and Women's Rights: The Making of Postcolonial Tunisia, Algeria, and Morocco*. Berkeley: University of California Press, 2001. 341 p.
3. Сюкияйнен Л. Р. *Исламское право и диалог культур в современном мире*. Москва: Изд-во ВШЭ, 2021. 685 с.
4. Lombardi C. B. *State Law as Islamic Law in Modern Egypt: The Incorporation of the Sharī'a into Egyptian Constitutional Law*. Leiden: Brill, 2006. 305 p.
5. Moustafa T. *Rule of Law Quick Scan: Egypt. Prospects and Challenges*. The Hague: HiiL, 2012. 55 p.
6. Конституции государств Азии: в 3 томах / под ред. Т. Я. Хабриевой. Т. 1. Западная Азия. Москва: Изд-во Ин-та законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма, 2010. 544 с.
7. Moustafa T. *The Struggle for Constitutional Power: Law, Politics, and Economic Development in Egypt*. Madison: University of Wisconsin Press, 2007. 328 p.
8. Ланда Р. Г. *История Алжира. XX век*. Москва: Изд-во ИВ РАН, 1999. 308 с.
9. Mounira M. Charrad. *Op. cit.* P. 193.
10. Семейный Кодекс АНДР 1984 г. (ред. 2007 г.) // Resource Equity: сайт. URL: <https://learningpartnership.org/sites/default/files/resources/pdfs/Algeria-Family-Code-2007-Arabic.pdf>
11. Кодекс личного статуса ТР 1956 г. // UNHCR: сайт. URL: <https://www.refworld.org/legal/>
12. Закон ТР от 1957 г. «О судебной системе» // Journal Officiel de la Republique Tinisienne. 1956. № 74. Pp. 1461–1463.
13. Сюкияйнен Л. Р. *Исламское право и диалог культур в современном мире*. Москва: Изд-во ВШЭ, 2021. С. 619.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ В СТРАНАХ АЗИИ

INTERNATIONAL LAW AND CONSTITUTIONAL LEGAL INSTITUTIONS IN ASIAN COUNTRIES

УДК 342.1/34

Сравнительная характеристика конституционных прав предпринимателей в России и Китае

© Е. А. Бауэр

студент 3-го курса,
Красноярский государственный аграрный университет
Россия, г. Красноярск
k4terinabauer@yandex.ru

© И. Б. Трофимова

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
Красноярский государственный аграрный университет
Россия, г. Красноярск
inesdmitrieva837@gmail.com

В статье осуществляется сравнительно-правовой анализ конституционно-правовой защиты прав предпринимателей в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Рассматриваются конституционные основы предпринимательской деятельности, судебная практика их реализации. Особенное внимание уделяется раскрытию схожих черт и различий в подходах двух стран, а также оценке эффективности правового регулирования.

Ключевые слова: конституционно-правовая защита, предпринимательская деятельность, сравнительное правоведение, Россия, Китай, Конституционный Суд РФ, принцип законности, правовая определенность, свобода предпринимательства, судебная практика.

A comparative analysis of the constitutional rights of entrepreneurs in Russia and China

E. A. Bauer

3rd-year student,
Krasnoyarsk State Agrarian University
Russia, Krasnoyarsk
k4terinabauer@yandex.ru

I. B. Trofimova

Senior Lecturer at the Department of Theory
and History of State and Law,
Krasnoyarsk State Agrarian University
Russia, Krasnoyarsk
inesdmitrieva837@gmail.com

The article provides a comparative legal analysis of the constitutional and legal protection of the rights of entrepreneurs in the Russian Federation and the People's Republic of China. The constitutional foundations of entrepreneurial activity and judicial practice of their implementation are considered. Special attention is paid to revealing the similarities and differences in the approaches of the two countries, as well as evaluating the effectiveness of legal regulation.

Keywords: constitutional and legal protection, entrepreneurial activity, comparative jurisprudence, Russia, China, Constitutional Court of the Russian Federation, principle of legality, legal certainty, freedom of entrepreneurship, judicial practice.

Коммерческая деятельность имеет важное значение в совершенствовании и формировании рыночной экономики, устойчивого гражданского общества. Консолидация права на осуществление предпринимательской деятельности в Конституции РФ стало отражением фундаментальных социально-политических преобразований, связанных с переходом к рыночным отношениям [1]. Выбор Китайской Народной Республики в качестве объекта сравнения определен не только из-за комбинации социалистической идеологии с рыночными механизмами хозяйствования, но и тем, что китайское законодательство демонстрирует иную модель конституционного закрепления. Сопоставление российской и китайской систем дает возможность обнаружить как общие правила развития института защиты прав предпринимателей, так и самобытные национальные особенности правового регулирования [6].

Право на свободное использование способностей и имущества для предпринимательской или иной не запрещенной законом экономической деятельности [1], закрепленное ч. 1 ст. 34 Конституции РФ, образует юридическую основу предпринимательской деятельности. Конституционный Суд в Постановлении от 9 апреля 2020 г. № 16П разъяснил предопределенность выбора сферы деятельности и формы ее осуществления — индивидуально либо совместно при обеспечении гарантий конкурентной среды [2]; нарушение данного принципа проявлено в Определении от 4 июня 2007 г. № 320ОП, где налоговые органы оценивали экономическую целесообразность расходов налогоплательщика, фактически вмешиваясь в свободу усмотрения [3]. Механизм оценки расходов включает: идентификацию затрат, сопоставление затрат и ожидаемых выгод, принятие налогового решения; при применении критерия эффективности функция предпринимательского усмотрения замещается государственным контролем, что противоречит праву, гарантированному ч. 1 ст. 34; по этой причине оценка обоснованности расходов не должна осуществляться посредством критерия эффективности.

Право иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им единолично или совместно с иными лицами, закрепленное ч. 2 ст. 35 Конституции РФ, формирует имущественную базу предпринимательской деятельности [1]. Правовая позиция в Определении от 3 июля 2018 г. № 1675О подтверждает право федерального законодателя вводить ограничения на приобретение земель сельскохозяйственного назначения иностранными лицами в целях защиты суверенных прав на природные ресурсы [3]. Несовершенство реализации проявляется в спорах об изъятии земель для публичных нужд: Конституционный Суд указывает на условие предварительного и равноценного возмещения; практика демонстрирует процедурные сложности — доказывание рыночной стоимости, затяжные сроки оценки и возмещения; по этой причине предусмотренные ст. 35 механизмы защиты собственности оказываются труднодоступными для оперативной защиты имущественных прав.

Свобода труда, зафиксированная в ч.1 ст.37 Конституции РФ, признает предпринимательство формой реализации трудовых способностей гражданина [1]. Конституционная охрана предпринимательства базируется на ст. 8 Конституции РФ: единство экономического пространства; свобода перемещения товаров, услуг, финансов; стимулирование конкуренции [1]. В Определении Конституционного Суда от 13 марта 2018 г. № 580-О признано допустимым временное ограничение на регистрацию юридических лиц недобросовестными лицами как ограничение, обеспечивающее охрану интересов кредиторов и стабильность оборота [2]. В Постановлении от 16 июля 2018 г. № 32-П выявлен пробел в нормативном регулировании, нарушающий принцип свободы перемещения товаров; Суд указал на требование справедливости и соразмерности ограничений свободы договора и предпринимательства; при несоблюдении указанных требований ограничения формируют барьеры для хозяйственной деятельности. Постановление стало реакцией на законодательные положения, не обеспечивавшие баланс частных и публичных интересов в торговле.

Функция ст.53 Конституции РФ выражается в гарантировании права на возмещение ущерба государством, причиненного противоправными действиями или бездействием органов власти или их должностных лиц [1]. Проблематика реализации права раскрыта на примере дела, итогом которого стало Постановление Конституционного Суда РФ от 12 ноября 2025 г. № 41-П. В деле изменение налогового законодательства (отмена льготы по НДС) во время действия договора между компаниями «Ситроникс АйТи» и ВТБ породило правовую неопределенность: отсутствовал механизм ценообразования с учетом нового налога в текущих договорных отношениях. Конституционный Суд выявил конституционно значимый пробел: отсутствие механизма перераспределения бремени новых налогов в отношении действующих договоров; установлено, что автоматическое возложение налога на покупателя нарушает баланс интересов и создает риск несправедливого обогащения поставщика. Предписанный Судом временный механизм ограничил предъявляемые поставщиком требования половиной суммы налога и запретил корректировку цен по договорам с гражданами; отсутствие четких законо-

дательных процедур приводит к обращению предпринимателей к длительным судебным разбирательствам [2; 3].

Реализация конституционных прав сопряжена с множеством концептуальных и организационных проблем: неурегулированность терминологического аппарата; недостаточная регламентация процедур и функций правозащитных институтов; затрудненность применения компенсаторных механизмов в деятельности конституционных судов [6].

Конституционно-правовая защита предпринимательства в КНР сформировалась как многоуровневая система, претерпевшая эволюцию от преимущественно политико-идеологических деклараций к комплексному законодательному регулированию [4]. Конституция КНР закрепляет основополагающие принципы защиты предпринимательской деятельности; при этом государству отведена ключевая роль в обеспечении всестороннего развития, охватывающего экономический, научно-технический, технологический и административный сектора. Ст. 14 Конституции КНР содержит конституционные приоритеты, включающие повышение производительности труда, развитие квалификации трудящихся, внедрение достижений науки в хозяйственную практику, совершенствование экономических форм управления [4]. Указанная конституционная приоритизация определяет правовой режим, направленный на стимулирование модернизации экономических институтов, и обуславливает необходимость системной оценки эффективности законодательства при его реализации.

Конституция КНР закрепляет: непубличные экономические секторы, в том числе индивидуально владемые и частные предприятия – значимый элемент социалистической рыночной экономики, они пользуются госзащитой и поощрением. Установление социалистической рыночной экономики обуславливает развитие экономического законодательства и совершенствование макрорегулирования. Иностранное инвестирование и сотрудничество с Китаем гарантировано конституцией, что формирует правовую основу безопасности экономической деятельности частного и иностранного бизнеса [4].

Вступление в силу 20 мая 2025 г. Закона КНР о поддержке частного предпринимательства означало развитие правового регулирования предпринимательской деятельности: нормативный акт, первый в истории КНР профильный закон, конкретизирует права и обязанности частного бизнеса, устраняет правовой вакуум, обеспечивая государственную поддержку; законодательное обеспечение, представленное девятью главами и 78 статьями, охватывает интересы более 57 миллионов частных предприятий и свыше 120 миллионов индивидуальных предпринимателей, что повышает правовую определенность и институциональную защиту предпринимательской деятельности.

Реализация этих законодательных гарантий на практике подтверждена активной судебной защитой прав предпринимателей. Так в 2024 г. Пекинский суд впервые признал авторское право на изображение, созданное с помощью искусственного интеллекта, что стало важным прецедентом.

Ст. 3 Закона о частном предпринимательстве закрепляет статус частного капитала как определяющего элемента социалистической рыночной экономики. Это подтверждается статистическими данными: вклада частного сектора, превышающего 50% внешней торговли и налоговых поступлений, 60% в составе ВВП, 70% от всех инноваций, 80% новых рабочих мест. Закрепление статуса частного капитала законодательством представляется нормативно обоснованным и практически обусловленным.

Норма, закрепляющая равные рыночные возможности и права развития частного капитала и предприятий иных форм собственности, выражает принцип равенства, заложенный в ст. 33 Конституции КНР; обеспечивается равный доступ к ключевым факторам производства и общественным ресурсам [4]. Функционирование механизма реализации закреплено в унификации процедур доступа к ресурсам и устранении существующих институциональных барьеров, что обеспечивает расширение возможностей развития частных субъектов через создание необходимых правовых условий.

Сохранение в правовой системе КНР институтов, не гарантирующих права предпринимателей, создает предпосылки для их систематического нарушения: несмотря на прогрессивные конституционные положения и принятие специального закона о поддержке частного предпринимательства, отдельные правовые нормы и институты сохраняют правовую неопределенность; механизм действия реализуется через криминализацию хозяйственной активности, применение уголовно-правовых квалификаций и процедурное давление, что поэтапно приводит к ограничению инициативы субъектов хозяйствования и повышению риска уголовного преследования; по этой причине требуется системное сопоставление конституционных гарантий и фактических уголовно-правовых институтов для выявления нормативных коллизий [5].

Принцип законности в уголовно-правовом измерении, закрепленный в ст. 3 Конституции КНР и воспроизведенный в ст. 3 УК КНР, формулирует дефиниционный критерий: при наличии четкого законодательного определения деяние квалифицируется как преступление и подлежит наказанию; при отсутствии такого определения деяние не квалифицируется как преступление и не подлежит наказа-

нию [4]. Условие правовой определенности обеспечивает предсказуемость квалификации; механизм реализации включает нормативную детерминацию состава преступления, процессуальную проверку фактических признаков и судебную интерпретацию, что поэтапно снижает риск произвольного уголовного преследования субъектов хозяйствования; по этой причине оценка практики применения уголовного права к предпринимательской деятельности требует сопоставления формулировок законов, действий правоохранительных органов и судебной практики для выявления дефицитов правовой определенности [5].

П. 4 ст. 225 УК КНР, предусматривающий ответственность за «иную незаконную хозяйственную деятельность, серьезно дестабилизирующую рынок» сформулирован абстрактно. Правоприменение реализуется через разъяснения Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры КНР, криминализирующих конкретные виды деятельности (незаконные валютные сделки, издательская деятельность, деятельность в сфере электросвязи, незаконная торговля, производство и реализация вредного корма и питьевой воды для животных, завышение цены с целью получения выгоды) Это приводит к противоречиям с конституционным требованием определенности правовой нормы и снижает предсказуемость правовых последствий для экономических субъектов [5].

В судебной практике зафиксирована квалификация посредничества в поиске суррогатных матерей как незаконного предпринимательства по п. 4 ст. 225 УК КНР: при отсутствии прямого законодательного запрета реализация правоприменения использовала абстрактность формулировки п. 4 в качестве основания криминализации указанного посредничества; соответствующая правовая конструкция реализуется через интерпретацию неопределенной нормы, в результате чего деяние, прямо не запрещенное законом, получает уголовно-правовую квалификацию; следствием становится подрыв принципа «нет преступления без закона», обуславливающий невозможность экономического агента заранее предвидеть виды деятельности, влекущие уголовную ответственность; модель правоприменения с высокой степенью дискреции снижает стабильность гражданского оборота и доверие участников рынка, что обуславливает необходимость нормативной конкретизации.

Помимо неопределенности в сфере предпринимательской деятельности, китайская правовая система демонстрирует жесткий подход к коррупционным преступлениям, что подтверждается масштабной судебной практикой последних лет. Так в мае 2024 г. приведен в исполнение смертный приговор бывшему генеральному директору China Huarong International Бай Тяньхуэю, осужденному за взятки на сумму 1,1 млрд юаней. Согласно Уголовному кодексу КНР, смертная казнь может быть замещена пожизненным заключением, но в случае «раскаяния» осужденного. Антикоррупционная политика официально рассматривается как инструмент обеспечения верховенства закона и неотвратимости наказания независимо от занимаемого положения.

Конституционно-правовая защита предпринимательства в России и Китае характеризуется сочетанием общих черт и принципиальных различий: при этом эффективность правового регулирования в каждой стране обусловлена особенностями правовой системы, судебной практики и практической реализацией конституционных гарантий [6]; механизм воздействия включает формирование нормативных основ, применение судебной практики и институциональное исполнение гарантий; вследствие этого возникают системные различия в уровне защиты предпринимательства, учет которых обеспечивает корректную оценку результативности регулирования.

Конституционное закрепление основ предпринимательской деятельности в обеих странах выражается в признании права частной собственности, свободы экономической деятельности, принципа равенства перед законом и недопустимости произвольного вмешательства в хозяйственные отношения: в России (ст. 8, 34, 35 Конституции РФ) и в Китае (ст. 11, 15, 18 Конституции КНР) конституции провозглашают рыночную экономику и устанавливают обязательства государства по защите прав предпринимателей [1;4]; далее конституционные положения развиваются через отраслевое законодательство и конкретизируются в актах высших судебных органов, реализуясь через нормативную регламентацию, институциональную практику и судебную конкретизацию.

Различия выражаются в структуре правовой защиты и степени определенности нормативных предписаний. В России – высокая степень судебной конкретизации: Конституционный Суд восполняет пробелы и прямо ограничивает вмешательство государства (постановление от 12 ноября 2025 г. № 41-П) [2]. ограничения на государственное вмешательство в предпринимательское усмотрение формулируются прямо. Проблемы остаются в сфере оценки имущества при изъятии. В Китае, несмотря на прогрессивные конституционные нормы и принятый в 2025 г. Закон о поддержке частного предпринимательства, сохраняется риск неопределенности из-за отсутствия четких дефиниций в нормах, например, в ст. 225 УК КНР (п. 4), что ведет к избирательному правоприменению [5].

Таким образом, Россия и Китай, являясь равноправными стратегическими партнерами, закрепляют в своих конституциях основы предпринимательской деятельности. В Китае частное предпринимательство имеет такую же важную роль, как и в России. Принятый в 2025 г. Закон о поддержке частного предпринимательства закрепил статус частного капитала как определяющего элемента социальной рыночной экономики. Россия и Китай, развивая свои правовые системы с учетом национальных особенностей, демонстрируют общую направленность на создание благоприятной правовой среды для бизнеса, что подтверждает высокий уровень партнерских отношений между двумя странами.

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Информация «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2020 гг.)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 17.12.2020).
3. Информация Конституционного Суда РФ «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2020 гг.)» подготовлена секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации (одобрено решением Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 г.).
4. Конституция Китайской Народной Республики: [принята 4 дек. 1982 г. ; с изм. и доп. от 1988, 1993, 1999, 2004, 2018 гг.]. Пекин : Изд-во литературы на иностранных языках, 2018.
5. Чжичан Сюи. О незаконном предпринимательстве по уголовному кодексу КНР // Всероссийский криминологический журнал. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nezakonnom-predprinimatelstve-po-ugolovnomu-kodeksu-knr> (дата обращения: 26.03.2026).
6. Слукин С. В., Романов А. Н. Конституционная защита прав предпринимателей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-zaschita-prav-predprinimateley> (дата обращения: 26.03.2026).

Доктрина верховенства закона в романо-германской правовой системе и в КНР

© Л. В. Боровинских

студент 3-го курса,
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург
lborovinskikh@yandex.ru

В настоящей статье рассматривается принцип верховенства закона 法治 (фа чжи) в китайской правовой доктрине через призму сравнительного анализа со сложившимися концепциями верховенства права и правового государства в европейской правовой традиции. Приводится современное понимание перечисленных принципов, а также исторические примеры их развития. Дается анализ содержания Закона КНР «О пропаганде и просвещении в области верховенства закона» в качестве примера продвижения верховенства права в современном китайском обществе.

Ключевые слова: верховенство права, верховенство закона, китайская правовая доктрина, правовое государство, идеи Си Цзиньпина.

The doctrine of the rule of law in the Romano-Germanic legal system and in the PRC

L.V. Borovinskikh

3rd-year student,
Saint Petersburg State University
Russia, Saint Petersburg
lborovinskikh@yandex.ru

This article examines the principle of the rule of law 法治 (fazhi) within Chinese legal doctrine through a comparative analysis with established concepts of the rule of law and the Rechtsstaat in the European legal tradition. The author provides a modern interpretation of these principles along with historical examples of their evolution. Furthermore, the article analyzes the provisions of Law of the People's Republic of China on Publicity and Education on the Rule of Law as an example of promoting the rule of law within contemporary Chinese society.

Keywords: rule of law, fazhi, Chinese legal doctrine, Rechtsstaat, Xi Jinping Thought.

В настоящее время в Китае идет становление правового государства, что соотносится с идеями Си Цзиньпина о построении «социализма с китайской спецификой»[10]. Центральный комитет КПК отмечал, что важной гарантией осуществления китайской модернизации является принцип верховенства закона 法治 (фа чжи)[3]. Здесь прослеживается взаимосвязь с двумя принципами, разработанными в Европе — это «Rechtsstaat», разработанный Робертом фон Молем в работе «Наука полиции по началам юридического государства»[9], и «Rule of law», выдвинутый английским юристом Альбертом Дэйси[6].

Упомянутые западные концепции, хотя и являются предметом исследования множества работ, содержание их понимается разнообразно[12, с. 118], поэтому чтобы провести сравнительный анализ с существующей доктриной в Китае, необходимо, в первую очередь, обратиться к пониманию верховенства права и правового государства. Известный правовед В.Е. Чиркин в своей работе выделил следующие черты верховенства права[13, с. 10]: основы общественного, государственного строя и правового положения личности закрепляются в праве; право от имени государственной власти и, соответственно, от имени власти народа регулирует все основные отношения в обществе; другие меры властного регулирования также устанавливаются правом; все физические и юридические лица, объединения, сообщества, органы государства и само государство связано правом. Эта характеристика продолжает и развивает идею Альберта Дэйси о равенстве всех перед законом и судом, которую он изложил в конце XIX в. в работе «Введение в изучение конституционного права»[6, с. 220].

Вместе с тем, говорить о верховенстве права только с точки зрения английской парадигмы правосознания представляется некорректным. Так, на международном уровне была принята Декларация ООН 2012 г. по вопросу о верховенстве права[1], во многих Конституциях стран романо-германской правовой семьи также закреплён этот принцип.

Параллельно с «Rule of law» в Германии развивался принцип «Rechtsstaat», то есть принцип правового государства. Основоположителем концепции правового государства можно считать И. Канта,

который рассматривал право, как средство для воплощения Разума [5, с. 215]. Более приближенная к конституционному пониманию правового государства теория была предложена уже упомянутым Робертом фон Модем. Функции такого государства, по его мнению, заключались в том, чтобы предоставить гражданам права и свободы для их развития, предпринимать все меры для охраны жизни и здоровья людей, а также выполнять социальную функцию, обеспечивать достойный уровень жизни [9, с. 157]. Доктрина правового государства в настоящее время предполагает сдерживание произвола и злоупотребления властью для защиты прав граждан. Для достижения этих целей выделяют основополагающие принципы правового государства: принцип соразмерности; принцип правомерных ожиданий; принцип правовой определенности; принцип должного управления; принцип применения закона по аналогии и несколько других [7, с. 262].

Основываясь на изложенных концепциях, следует обратиться к истокам китайского понимания верховенства права. Историческими предпосылками возникновения этого принципа служит проводимая Дэн Сяопином реформа открытости, а также вступление в ВТО Китая в 2001 г. [14, с. 11]. Обстановка в стране складывалась таким образом, что нормы, фактически регулирующие торговые и экономические отношения, тем не менее, не были подкреплены ни законами, ни предписаниями Коммунистической партии [8, с. 17]. Постоянная смена поколений руководителей порождала усиление бюрократии, которая не давала закону занять главенствующее место. В конце 90-х — начале 2000-х установка «управления на основе закона» практически не упоминалась, кроме закрепления в Конституции КНР положения о построении «социалистического правового государства» [8, с. 18]. На фоне такой правовой неопределенности формировалась концепция верховенства закона.

Впервые о верховенстве права в Китае начали говорить в октябре 2014 г. на 4-м пленуме 18 созыва ЦК КПК[4]. Тогда был выдвинут тезис о строительстве «социалистического верховенства закона». Термин 法治 (фа чжи), который переводится как «правление закона», имеет то же буквальное значение, что и английское понятие «Rule of law», поэтому использование слова «закон» является больше традицией перевода, чем фактической разницей в применимом принципе. Коммюнике также утвердил важность укрепления соблюдения Конституции, управления на основе закона, усиление надзора за исполнением Конституции. В дальнейшем эта установка стала основой для активной борьбы с коррупционерами.

Си Цзиньпин в своем выступлении на семинаре Политбюро говорил о необходимости эффективной реализации верховенства закона[11, с. 442–450]. Там же он говорил о важнейших элементах верховенства закона в Китае. Если выделить главные тезисы, то их можно сформулировать следующим образом. Во-первых, необходимо понимать, что сохранение китайской самобытности — это первостепенная задача в построении социализма и претворении в жизнь принципа верховенства закона. Поэтому необходимо с осторожностью применять принципы, традиционные для западных стран. Во-вторых, для того чтобы закрепить роль права в государстве, нужно развивать правовую систему. Сейчас в КНР действует около 300 законодательных актов; активная законодательная работа начала вестись после избрания нынешнего председателя КНР. В-третьих, акцентируется внимание на том, что важно продолжать реформирование в области верховенства закона. Это значит, что важно обеспечить доверие народа к судебной системе, путем ее совершенствования. Этого можно добиться, считает председатель Си, путем усиления взаимного контроля над всеми органами правоприменительной и судебной деятельности: органами общественной безопасности, органами прокуратуры, суда, судебно-административными органами.

В настоящее время Китай сосредоточен на активном продвижении идей о верховенстве права во всех сферах жизни. В 2025 г. была издана книга Си Цзиньпина «Руководство по изучению взглядов Си Цзиньпина на верховенство права», доступная для всех граждан Китая для просветительских целей. Всего в своей работе председатель Си выделяет 12 принципов, на которых строится правовое государство. В этом издании добавляется ранее не упоминавшийся принцип единства управления государством на основе закона и управления партией на основе устава[15].

В продолжение реформ верховенства права был принят Закон КНР «О пропаганде и просвещении в области верховенства закона»[2], который в первую очередь устанавливает обязанности органов государственной власти по продвижению идей верховенства права среди населения, а также среди самих органов власти. Закон содержит 65 статей и состоит из 7 глав. Глава 1 посвящена общим положениям, разъясняющим содержание пропаганды принципа верховенства права. Примечательно, что государство поощряет соблюдение этого принципа в ст. 12, где для физических и юридических лиц предусмотрено получение вознаграждения, установленного государством. Глава 5 посвящена надзору за исполнением закона, а глава 6 предусматривает дисциплинарную ответственность нарушителей. Некоторые статьи также призывают порицать и обучать правонарушителя, что, в первую

очередь, говорит о нетипичном характере самого закона, главной целью которого является закрепить понимание необходимости и фундаментальной важности верховенства права в обществе.

Основная идея в соблюдении права и прекращении произвола сохраняется в указанных теориях как на Западе, так и на Востоке. Тем не менее, Китай, не являясь сторонником глобализации в вопросах правовой системы, добавляет китайскую специфику в верховенство права, проявляющуюся как в самом понимании этой концепции, так и в ее реализации и продвижении.

Литература

1. Декларация совещания на высоком уровне Генеральной Ассамблеи по вопросу о верховенстве права на национальном и международном уровнях: принята резолюцией 67/1 Генеральной Ассамблеи от 24 сент. 2012 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ruleoflaw2012.shtml (дата обращения: 17.02.2026).
2. Law of the People's Republic of China on Publicity and Education on the Rule of Law (中华人民共和国法治宣传教育法) [Закон КНР «О пропаганде и просвещении в области верховенства закона»: принят Постоянным комитетом ВСНП 23 февр. 2025 г.].
3. Коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 20-го созыва: принято 3-м пленумом ЦК КПК 20-го созыва 18 июля 2024 г. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/202407/t20240721_11457413.html (дата обращения: 10.02.2026).
4. Коммюнике 4-го пленума ЦК КПК 18-го созыва: принято 4-м пленумом ЦК КПК 18-го созыва 23 окт. 2014 г. URL: <https://ebook.theorychina.org.cn/ebook/upload/storage/files/2022/01/28/bb093c25db2cbfb30fd0b9a2f39de97878596/mobile/index.html> (дата обращения: 17.02.2026).
5. Гаджиев Г. А. Российская судебная доктрина верховенства права: двадцать лет спустя // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире: сборник статей / отв. ред. В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. Москва: ЛУМ, 2013. С. 213–238.
6. Дайси А. В. Основы государственного права Англии: введение в изучение английской конституции: пер. с англ. / под ред. П. Г. Виноградова. Москва: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1907. 658 с. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/44939/1/%d0%9e%d1%81%d0%bd%d0%be%d0%b2%d1%8b%20%d0%b3%d0%be%d1%81%d1%83%d0%b4%d0%b0%d1%80%d1%81%d1%82%d0%b2%d0%b5%d0%bd%d0%bd%d0%be%d0%b3%d0%be%20%d0%bf%d1%80%d0%b0%d0%b2%d0%b0%20%d0%90%d0%bd%d0%b3%d0%bb%d0%b8%d0%b8.pdf> (дата обращения: 08.02.2026).
7. Дедов Д. И. Доктрины верховенства права и правового государства как методология философии права // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире: сборник статей / отв. ред. В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. Москва: ЛУМ, 2013. С. 260–272.
8. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2014–2015 / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока РАН. Москва: Форум, 2016. 368 с.
9. Моль Р. фон. Наука полиции по началам юридического государства / пер. Р. Сементковского. Санкт-Петербург: Изд-во В. И. Головина, 1871. Вып. 1 356 с. URL: https://zakon.ru/blog/2014/01/21/klassika_publichnogoadministrativnogo_prava_chast_5_robert_fon_mol_nauka_policii_po_nachalam_yuridic (дата обращения: 07.04.2026).
10. Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства: доклад на XX Всекит. съезде Коммунист. партии Китая. 16 окт. 2022 г. URL: <https://csruso.ru/wp-content/uploads/2022/11/.pdf> (дата обращения: 12.02.2026).
11. Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 2022. Т. 4. С. 442–450.
12. Современные концепции верховенства права и правового государства: сравнительно-правовое исследование: монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер. Москва: Изд-во Ин-та законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва: Норма; ИНФРА-М, 2024. 416 с.
13. Чиркин В. Е. Верховенство права: современные варианты терминологии // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 5–15.
14. Wang Dan. The Practice of Rule of Law in China's Systematic Reform // Управленческое консультирование. 2023. № 4. С. 10–18.
15. 蒋传光. 新时代法治中国建设的历史性成就及其意义 [Цзян Чуаньгуан. Исторические достижения и значение построения правового Китая в новую эпоху] // 河北法学 (Hebei Law Science). 2026. № 1.

Проблемы имплементации норм международного права в национальных правовых системах России и Китая: конституционные ограничения и пути их преодоления

© М. С. Галицына

магистрант 2-го года обучения,
Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
MariaGalitsyna03@yandex.ru

В рамках исследования осуществлён сравнительно-правовой анализ механизмов имплементации норм международного права в национальных правовых системах Российской Федерации и Китайской Народной Республики, учитывающий конституционные ограничения и актуальные правовые реалии. Отдельное внимание уделено современным тенденциям и перспективам развития альтернативных механизмов разрешения международных споров в обеих странах.

Ключевые слова: международное право, имплементация норм права, Конституция, право Китая.

The challenges of implementing norms of international law in the national legal systems of Russia and China: constitutional limitations and ways to overcome them

M. S. Galitsyna

2nd-year master's student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
MariaGalitsyna03@yandex.ru

The study provides a comparative legal analysis of the mechanisms for implementing international law norms in the national legal systems of the Russian Federation and the People's Republic of China, taking into account constitutional restrictions and current legal realities. Special attention is given to current trends and prospects for the development of alternative mechanisms for resolving international disputes in both countries.

Keywords: international law, implementation of legal norms, Constitution, Chinese law.

Проблема имплементации норм международного права в национальные правовые системы Российской Федерации (далее — Россия, РФ) и Китайской Народной Республики (далее — Китай, КНР) представляет собой сложный конституционно-правовой феномен, где сочетаются исторически сложившиеся доктринальные установки, суверенные интересы государства и актуальные потребности международного взаимодействия. В данной работе предпринята попытка провести сравнительно-правовой анализ конституционных ограничений и институционально-догматических путей их преодоления с учётом правовой реальности по состоянию на 2026 г.

1. Конституционные основы имплементации в Российской Федерации.

Согласно формальной модели, ч. 4 ст. 15 Конституции РФ 1993 г. [1] закрепляет, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью её правовой системы; в случае расхождения правил, установленных международным договором, применяются правила международного договора. На первый взгляд это отражает единство системы международного и национального права с учётом их специфики, т. е. умеренно-монистический подход.

Однако, поправки 2020 г. существенно скорректировали механизм имплементации: так ст. 79 Конституции РФ [2] допускает неисполнение решений межгосударственных органов, принятых на основании международных договоров, если они противоречат Конституции РФ; а ч. 5.1–5.3 ст. 125 Конституции РФ [3] вводит обязательный предварительный, (а в ряде случаев последующий), конституционный контроль международных договоров и актов международных органов. Конституционный Суд РФ (далее — КС РФ) получил право признавать такие акты неподлежащими исполнению на территории РФ.

Через серию постановлений (2015, 2020–2025) КС РФ нормативно утвердил примат Конституции над любыми международными обязательствами, включая решения Европейского Суда по Правам Человека, Международного Уголовного Суда и международных арбитражей.

Фактически международные нормы применяются напрямую только если не противоречат Конституции и при наличии внутригосударственного «мостика» (федерального закона, подзаконного акта или судебного прецедента), т.е. формально-монистическая модель сменилась конституционно-фильтрующим дуализмом. Ратифицированные договоры стоят в иерархии после Конституции и Федеральных Конституционных Законов, но их действие может приостановить КС РФ.

Таким образом, Конституция РФ 2020 г закрепила приоритет национального права над международным.

2. Конституционные основы имплементации в Китайской Народной Республике.

Также как и в России, в Китае имеется формальная правовая модель: нормативное закрепление принципа приоритета международного права и его прямой применимости отсутствует в тексте Конституции КНР 1982 г. с учётом поправок 2018 г., упоминания международного сотрудничества сосредоточены в преамбуле и ст. 67, 81, 89, регулирующих полномочия Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и Госсовета по заключению и ратификации договоров.

Международное право не действует напрямую на территории Китая, оно требует специальной процедуры трансформации в нормы национального законодательства, т.е. имплементация международных норм в Китае носит трансформационно-дуалистический характер.

Механизм имплементации международного права в Китае также имеет свои ограничения: так, чтобы нормы международного договора заработали внутри страны, эти нормы должны быть отражены в национальном законодательстве, (через принятие национальных законов, административных регламентов или судебных решений). Принцип абсолютного конституционного суверенитета и доктрина «социалистической правовой системы с китайской спецификой» исключают автоматический приоритет международных норм.

Не стоит забывать, что проверка соответствия международных договоров Конституции КНР осуществляется не судами, а специализированными политико-правовыми органами — Постоянным комитетом ВСНП и Центральной комиссией по всестороннему управлению страной на основе закона; судебная система, в т.ч. Верховный народный суд, такими полномочиями не обладает.

Данные выводы подтверждают Закон КНР о внешних сношениях 2023 г. [4] и Закон о законодательстве в ред. 2023 г. [5], где закреплено, что выполнение международных обязательств осуществляется «в соответствии с национальным законодательством и основными интересами государства».

Так, прямое применение международных норм в судах Китая ограничено; правоприменительная практика опирается на внутренние нормативные акты, воплощающие договорные обязательства, и на руководящие случаи (指导性案例) ВСНП и Верховного народного суда в сфере внешнеправовых вопросов [8].

В отличие от России, имплементация международных норм в Китае носит селективный и административно-координируемый характер. Селективность означает, что КНР избирательно подходит к принятию международных обязательств. Государство тщательно проводит предварительную оценку международных норм, которые соответствуют его интересам. Административная координация означает, что процесс имплементации управляется и контролируется государственными органами исполнительной власти. В основе принятия ключевых решений лежит централизованное планирование, обеспечивающее упорядоченность и системность управленческого процесса. Таким образом, в Китае также превалирует национальное право над международным. Но стоит отметить, что способы имплементации в наших странах разнятся.

Проанализируем конституционные ограничения внедрения международных норм в рассматриваемых странах. Общей тенденцией для России и Китая является отвержение автоматического примата международного права. В правовых системах обеих стран Конституция является высшим источником легитимности и инструментом защиты правового суверенитета. Однако Российская Федерация выбрала путь конституционной формализации ограничений и делегирования контрольных полномочий специализированному судебному органу, а Китайская Народная Республика, напротив, избегает жёсткой фиксации приоритетов в Конституции, обеспечивая адаптивность системы за счёт: политико-правовой координации, и административно-судебной трансформации [9]. Способы преодоления конституционных ограничений в обеих странах не подразумевают их отмены, а строятся на принципе их сохранения — институционализации управляемого диалога между национальным и международным правом.

Так, в России: КС РФ и высшие суды развивают доктрину, согласно которой международные нормы применяются в той мере, в какой они не противоречат Конституции и могут быть согласованы с ней через интерпретацию. Также разрабатываются законодательные «мостики»; принятие Феде-

ральных Законов, прямо инкорпорирующих положения договоров (например, в сфере экологии, трудовых стандартов, цифрового права), что снижает риск признания договоров неконституционными. Создаются межведомственные рабочие группы при Министерстве иностранных дел и Минюсте РФ для мониторинга имплементации и подготовки проектов трансформационных актов. Стоит отметить, что расширение полномочий Конституционного Суда РФ в сфере превентивного контроля позволяет осуществлять правовую экспертизу проектов международных договоров на стадии переговоров и вносить необходимые изменения до их ратификации.

Китай же активно развивает «внешнеправовое регулирование» (涉外法治) [6], которое включает системное принятие законов, специально адаптирующих международные стандарты к китайским условиям (например, в сфере трансграничных данных, инвестиций, арбитража). ВСНП и Верховный народный суд публикуют разъяснения и типовые решения, унифицирующие применение международно-правовых норм. Детализация процедур имплементации происходит также на уровне министерств, особенно в уязвимых сферах, таких как торговля, безопасность, стандарты, через призму национального права.

Немаловажную роль Россия и Китай занимают в разработке международных правил в рамках ШОС, БРИКС+, что позволяет формировать стандарты, изначально совместимые с национальными правовыми системами рассматриваемых стран. Региональная гармонизация в рамках международных организаций является промежуточным уровнем, снижающим разрыв между глобальными нормами и национальными Конституциями [7].

В качестве общих механизмов имплементации международных норм в России и Китае можно выделить: создание реестров обязательств, которые позволяют систематизировать информацию о принятых международных обязательствах, закрепить ответственность ведомств и устанавливать сроки трансформации; повышение компетентности судей, дипломатов и законодателей в вопросах сравнительного правоприменения и согласования международных и национальных норм, а также формулируемые государством оговорки и декларации при ратификации международных договоров, как один из базовых инструментов селективной имплементации.

К современным тенденциям можно отнести развитие обеими странами альтернативных механизмов разрешения споров, таких как арбитраж, медиация, региональные суды, что снижает зависимость от наднациональной юрисдикции. В свою очередь, цифровизация правового регулирования, (например, Искусственный Интеллект, кибербезопасность), открывает новые перспективы для имплементации, где национальные конституции пока не содержат прямых отсылок к международным нормам, что стимулирует развитие доктрины «динамической совместимости».

В России укрепляется практика конституционного суверенитета как доктринального и судебного принципа; имплементация становится более селективной, но институционально предсказуемой, а в Китае процветает концепция 涉外法治 (внешнеправовое регулирование), как стратегическое направление правовой модернизации, сочетающее открытость к международному праву с жёстким контролем трансформации.

Имплементация международного права в России и Китае прошла путь от формального признания к управляемой трансформации, где конституционные ограничения выступают не как барьеры, а как фильтры правовой безопасности. Преодоление этих ограничений достигается не через отказ от суверенитета, а через: конституционно-совместимое толкование, ведомственные и судебные механизмы, превентивное участие в международном нормотворчестве, региональную гармонизацию как «промежуточную ступень»

В перспективе обе системы движутся к модели кооперативного дуализма, в котором международное право не отменяет национальный конституционный порядок, а адаптируется к нему через прозрачные, предсказуемые и контролируемые процедуры имплементации.

Литература

1. Конституция Китайской Народной Республики: [принята 4 декабря 1982 г., в ред. 2018 г.] // China Law Center: сайт. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian (дата обращения: 17.04.2026).
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями от 01 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 17.04.2026).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона „О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней“, п. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона „О международных

договорах Российской Федерации“, ч. 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и п. 2 ч. 4 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.04.2026).

4. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

5. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

6. Денисов И. Правовое обеспечение внешней политики КНР: укрепление международного статуса и защита национальных интересов // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69, № 1. С. 17–29. EDN: EXCQHH

7. Медушевский А. Н. Глобальный конституционализм: интеграция или фрагментация международных отношений в условиях экономического кризиса? // Вопросы теоретической экономики. 2020. Т. 4, № 3. С. 96–115.

8. Павлов И. Н. Особенности применения международного частного права в Китайской Народной Республике // Аграрное и земельное право. 2024. № 10(238). С. 379–381.

9. Чэнь Чжицюань. Сравнительное исследование теоретико-правовых оснований конституций Китая и России // Вопросы российского и международного права. 2026. Т. 16, № 2А. С. 287–294.

**Правовая эволюция института государственной социальной помощи в России:
от устава общественного призрения к цифровому социальному казначейству**

© **В. Б. Дондокова**

студентка 3-го курса колледжа,
Бурятский госуниверситета имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
songolovav@gmail.com

В статье исследуется генезис правового регулирования государственной социальной помощи в России с момента первых систематизированных актов до новейших изменений, связанных с внедрением ЕГИССО и образованием Социального фонда России. Автор прослеживает трансформацию ключевых юридических конструкций: от дискреционной «монаршей милости» к конституционно гарантированному субъективному праву и далее к проактивному предоставлению мер поддержки. Особое внимание уделено анализу Устава общественного призрения 1857 г., советским конституционным положениям и современным федеральным законам. Делается вывод о сохранении в действующем праве элементов исторически обусловленного патернализма.

Ключевые слова: социальная помощь, общественное призрение, право социального обеспечения, Устав общественного призрения, Конституция, ЕГИССО, Социальный фонд России, адресная помощь, правовое регулирование.

**The legal evolution of the institution of state social assistance in Russia:
from the charter of public charity to the digital social treasury**

V. B. Dondokova

3rd-year student of the College,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
songolovav@gmail.com

The article examines the genesis of legal regulation of state social assistance in Russia from the first systematized acts to the latest changes associated with the introduction of the Unified State Social Security Information System (EGISSO) and the establishment of the Social Fund of Russia. The author traces the transformation of key legal constructions: from discretionary «royal grace» to constitutionally guaranteed subjective right, and further to the proactive provision of support measures. Special attention is paid to the analysis of the Statute of Public Charity of 1857, Soviet constitutional provisions, and modern federal laws. The conclusion is drawn that elements of historically conditioned paternalism persist in the current law.

Keywords: social assistance, public charity, social security law, Statute of Public Charity, Constitution, EGISSO, Social Fund of Russia, targeted assistance, legal regulation.

Правовое регулирование государственной социальной помощи представляет собой сложный, многослойный нормативный комплекс, отражающий не только текущие экономические возможности государства, но и глубокие историко-правовые традиции. Анализ исключительно действующих федеральных законов (от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» [7] или от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [8]) не позволяет в полной мере уяснить логику законодателя, особенно в части сохраняющихся процедурных барьеров и высокой степени административного усмотрения при назначении выплат.

Цель настоящей работы — проследить правовую эволюцию института социальной помощи в России, акцентируя внимание не столько на социально-экономических предпосылках, сколько на юридической технике и смене типов правового регулирования. Для достижения этой цели последовательно анализируются: имперское законодательство о призрении (с акцентом на Устав 1857 г. и законы 1912 г.), советские конституционные нормы и акты о социальном обеспечении, а также новейшее законодательство РФ в контексте цифровой трансформации.

До начала XVIII в. регулирование помощи неимущим носило фрагментарный церковно-административный характер и не создавало субъективного права на получение содержания. Систематизация норм о призрении была осуществлена лишь в Уставе о общественном призрении 1857 г. [1]. Устав закреплял публично-правовую обязанность местных властей содержать подведомственные благотворительные заведения, однако не предоставлял гражданину права требования призрения в

административном или судебном порядке. Помощь оставалась в сфере свободного усмотрения (дискреции) администрации.

Значимым шагом стало принятие Законов о страховании рабочих 23 июня 1912 г. [2]. Данными актами впервые вводились элементы обязательного социального страхования, однако правовая природа этих отношений еще не подразумевала универсальной государственной гарантии, а круг застрахованных был крайне узок (фабрично-заводские рабочие). Таким образом, имперский период характеризовался переходом от административно-полицейского регулирования к первым формам страхования, но без конституционного закрепления субъективного права на социальную помощь.

Принципиальный разрыв с имперским правопорядком произошел с принятием Декрета СНК РСФСР от 31 октября 1918 г. «Положение о социальном обеспечении трудящихся» [3]. Впервые в отечественной истории обеспечение по нетрудоспособности, старости и болезни было провозглашено государственной гарантией, а не актом благотворительности.

Важнейшим этапом стало конституционное закрепление права на социальное обеспечение. Ст. 120 Конституции СССР 1936 г. [4] провозгласила право граждан на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности. Конституция РСФСР 1978 г. (ст. 41) [5] расширила перечень оснований. При этом советское право базировалось на строгой корреляции между трудовым вкладом и размером обеспечения. Институт «государственной социальной помощи» в современном понимании (как помощи малоимущим вне связи с трудовым стажем) в советском праве практически отсутствовал; помощь оказывалась в форме натуральных льгот и привилегий.

С переходом к рыночной экономике ключевое значение приобрели ст. 7 Конституции РФ 1993 г. [6], определяющая Россию как социальное государство, и ст. 39, гарантирующая каждому социальное обеспечение. В отличие от советских конституций, данная норма не связывает право на обеспечение с обязательным трудом, что открыло дорогу для введения института государственной социальной помощи малоимущим. Институциональные изменения в системе социального обеспечения, включая предпосылки создания единого Социального фонда, подробно рассматриваются в современной научной литературе [11].

Основополагающим актом стал Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» [7], который ввел адресный принцип, основанный на сравнении среднедушевого дохода с величиной прожиточного минимума. Параллельно развивалось законодательство о социальном обслуживании, кульминацией которого стало принятие Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ [8], закрепившего переход к индивидуальной программе предоставления социальных услуг.

Значимой вехой в институциональном оформлении отрасли стало создание Единой государственной информационной системы социального обеспечения (ЕГИССО) в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2015 № 388-ФЗ [9]. ЕГИССО служит технологической основой для внедрения принципа «социального казначейства», предполагающего проактивное (беззаявительное) назначение выплат. Логическим завершением трансформации стало принятие Федерального закона от 14.07.2022 № 236-ФЗ [10], объединившего Пенсионный фонд и Фонд социального страхования в Социальный фонд России (СФР).

Проведенный анализ позволяет констатировать, что российское законодательство прошло путь от полицейско-дискреционной модели к модели гарантированных социальных прав. Однако даже в условиях цифровой проактивности сохраняются элементы исторически обусловленного патернализма. Во-первых, в отличие от ряда европейских правопорядков (например, Германии с ее Социальным кодексом), в России отсутствует единый кодифицированный акт, регулирующий все виды социального обеспечения. Это порождает коллизии и правовую неопределенность. Во-вторых, привязка большинства видов помощи к величине прожиточного минимума и критериям нуждаемости, определяемым подзаконными актами, сохраняет высокую степень административного усмотрения. Гражданин фактически зависит от решений межведомственных комиссий и корректности данных в ЕГИССО. В-третьих, несмотря на внедрение беззаявительного порядка, сохраняются «цифровые барьеры» для социально уязвимых категорий.

Правовое регулирование государственной социальной помощи в России представляет собой динамичную систему, впитавшую как достижения советского периода (всеобщность), так и новейшие инструменты (адресность, проактивное назначение). Вместе с тем историко-правовой анализ выявляет устойчивую институциональную черту — сохранение административного усмотрения и зависимости гражданина от государственного аппарата. Представляется, что российский опыт цифровой трансформации социальной сферы — создание Единой государственной информационной системы социального обеспечения (ЕГИССО) и учреждение Социального фонда России — может служить предметом для сравнительно-правовых исследований в контексте изучения моделей социальной поддержки

в странах Азии. В частности, в Китайской Народной Республике и Монголии в последние годы также активно внедряются цифровые платформы в сфере государственного управления и социального обеспечения, что открывает возможности для сопоставления эффективности различных подходов. Изучение российского историко-правового опыта в данной области может быть полезным для выявления общих закономерностей и национальных особенностей развития института социальной помощи в азиатском регионе. Дальнейшее совершенствование законодательства должно быть направлено не только на техническую модернизацию ЕГИССО, но и на минимизацию дискреционных полномочий путем принятия единого Социального кодекса и закрепления исчерпывающего перечня оснований для отказа в предоставлении мер поддержки.

Литература

1. Устав о общественном призрении // Свод законов Российской империи. Т. XIII. Санкт-Петербург, 1857 (Документ утратил силу).
2. Законы об обеспечении рабочих на случай болезни и о страховании их от несчастных случаев от 23 июня 1912 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 32 (Документ утратил силу).
3. Декрет СНК РСФСР от 31.10.1918 «Положение о социальном обеспечении трудящихся» // СУ РСФСР. 1918. № 89. Ст. 906 (Документ утратил силу).
4. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283 (Документ утратил силу).
5. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: принята ВС РСФСР 12.04.1978 // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407 (Документ утратил силу).
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 1993. № 237. 25 дек.
7. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 23.06.2024) «О государственной социальной помощи» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 29. Ст. 3699.
8. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 01.07.2024) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (ч. 1). Ст. 7007.
9. Федеральный закон от 29.12.2015 № 388-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части учета и совершенствования предоставления мер социальной поддержки исходя из обязанности соблюдения принципа адресности и применения критериев нуждаемости» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. 1). Ст. 8.
10. Федеральный закон от 14.07.2022 № 236-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29. Ст. 5203.
11. Гичибекова Р.М. Институциональная трансформация системы социального обеспечения РФ: анализ предпосылок, проблем и перспектив формирования единого Социального фонда // Региональные проблемы преобразования экономики. 2024. № 10. С. 45–53.

**«Социалистическое правовое государство» (依法治国) как конституционная основа Китая:
вызовы имплементации международных стандартов прав человека**

© Д. Ю. Кабанова
студентка 4-го курса,
Уральский государственный юридический
университет имени В. Ф. Яковлева
Россия, г. Екатеринбург
kdu965@gmail.com

Статья исследует конституционный принцип «социалистическое правовое государство» (依法治国) как основу политики КНР в сфере прав человека. Анализируются теоретические и практические аспекты внедрения международных стандартов в китайскую правовую систему, с особым акцентом на конфликты между универсальными принципами международного права и концепцией прав человека, адаптированной к китайским реалиям. Автор приходит к выводу, что основные трудности в имплементации проистекают из фундаментального противоречия между универсализмом международного права и имманентным приоритетом государственного суверенитета. Это подтверждается официальными документами 2025 г., которые смещают фокус с прав человека на «социальную справедливость» и «китайскую модернизацию».

Ключевые слова: Китай, конституционное право, правовое государство, права человека, имплементация, международные стандарты.

**“Socialist rule of law” (依法治国) as the constitutional foundation of China:
challenges in implementing international human rights standards**

D. Yu. Kabanova
4th-year student,
V. F. Yakovlev Ural State Law University
Russia, Yekaterinburg
kdu965@gmail.com

This article investigates the constitutional principle of «socialist rule of law state» (Yīfǎ Zhìguó) as the foundation of China's human rights policy. It examines the theoretical and practical aspects of integrating international standards into the Chinese legal system, with particular attention to the conflicts between universal international legal principles and the concept of human rights adapted to Chinese realities. The author concludes that the primary challenges in implementation stem from a fundamental contradiction between the universalism of international law and the inherent priority of state sovereignty. This is substantiated by official 2025 documents that shift the focus from human rights to «social justice» and «Chinese modernization.»

Keywords: China, constitutional law, rule of law, human rights, implementation, international standards.

Реформа Конституции Китайской Народной Республики (КНР) 2018 г., закрепившая ведущую роль Коммунистической партии Китая (КПК) как ключевой характеристики «социализма с китайской спецификой», обострила вопрос о балансе между национальным суверенитетом и универсальными стандартами в области прав человека. Принцип 依法治国 (управление на основе закона), занимающий центральное место в конституционной системе КНР, трактуется официально как построение «социалистического правового государства». Включение данного принципа в Конституцию в 1999 г., дополнение положения об уважении прав человека в 2004 г. (ст. 33), а также последующие конституционные изменения сформировали нормативную базу, внешне соответствующую международным требованиям [1]. Тем не менее, как справедливо отмечает П.В. Трошинский, за формальным закреплением верховенства права стоит сложная система взаимоотношений партийного руководства и правовых механизмов, что существенно ограничивает исполнение международных обязательств [10]. Анализ отчетов КНР договорным органам ООН и заключительных замечаний Комитета по правам человека демонстрирует сохраняющийся разрыв между декларируемым признанием международных стандартов и их фактической реализацией [4].

Для понимания текущего состояния применения общепризнанных стандартов прав человека в КНР необходимо обратиться к истории формирования конституционного принципа 依法治国, поскольку именно его толкование определяет границы правовой системы. Однако рассмотрение этого

принципа в отрыве от более широкого историко-культурного контекста, повлиявшего на формирование китайского правосознания, было бы неполным. К. Н. Третьяков указывает, что на протяжении всей истории Китая право рассматривалось как инструмент управления населением и определения социального статуса индивида. Это проявляется в значительном влиянии политической власти — императора в прошлом, КПК в настоящем — на правовую систему [9]. Этимология юридических терминов в древнекитайском языке (法 (fǎ), 律 (lǜ), 刑 (xíng)) также подчеркивает значение принуждения и наказания. Для древнего китайца право (法) ассоциировалось прежде всего с жестким управлением, установлением статуса и места человека в социальной иерархии [9].

Конфуций в «Беседах и суждениях» отмечал: «Если управлять народом посредством законов и поддерживать порядок через наказания, то, хотя он и будет стремиться избегать их, у него не будет чувства стыда; если же править народом посредством добродетели и поддерживать порядок с помощью церемоний, то у него появится стыд, и он исправится». Данное высказывание предполагает, что закон является формальным источником права, а его функция — управление народом, выступая как инструмент («治民之具»), а не самоцель. Право неразрывно связано с носителем власти и имеет принудительный характер, тесно переплетаясь с наказанием. Схожие взгляды можно обнаружить у легистов (Шан Ян), которые рассматривали право как инструмент власти и управления, лишенный самостоятельного значения.

В XX в., с образованием КНР, эта тесная связь права и политики обрела новое измерение: если ранее источником норм выступал император, то теперь им стала КПК, чья политическая воля стала материальным источником права. Ярким примером доминирования политики над правом стали первые годы существования КНР, когда с 1949 по 1954 г. роль Конституции выполняла «Общая программа Народно-политического консультативного Совета Китая» — документ сугубо политического характера.

Анализируя конституционную эволюцию, стоит отметить, что Конституция КНР 1982 г., принятая в период реформ Дэн Сяопина, напрямую не упоминала принцип правового государства. Первое конституционное закрепление понятия 依法治国 произошло только в 1999 г., когда была принята поправка, добавившая в текст Конституции положение о том, что «КНР управляется на основе закона и строит социалистическое правовое государство» (ст. 5). Р. Кейт считает эту поправку важным символическим шагом, означавшим отказ от идеологического подхода «правления людей» (renzhi) в пользу «правления закона» (fazhi), однако фактическое содержание этого перехода оставалось предметом дискуссий [14].

Конституционная реформа 2004 г. внесла принципиально значимое дополнение: ст. 33 была дополнена нормой «государство уважает и обеспечивает права человека» [1]. В.К. Шайдуллина подчеркивает, что это изменение стало результатом многолетних дискуссий о месте прав человека в конституционной системе Китая и отразило стремление руководства страны к гармонизации национального законодательства с международными стандартами [11]. Однако, как показывает последующая практика, включение данной нормы носило преимущественно декларативный характер и не сопровождалось созданием действенных механизмов судебной защиты. Наиболее существенные изменения произошли в 2018 г., когда Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) одобрило поправки, отменившие ограничение срока полномочий председателя КНР и, что более значимо для данного исследования, закрепившие руководящую роль КПК как конституционный принцип [1]. А.Н. Карнеев указывает, что поправки 2018 г. окончательно установили иерархию источников права, где политические решения партийных органов имеют приоритет над формальными законами [6].

В официальной доктрине принцип 依法治国 интерпретируется как неразрывное единство трех элементов: партийного руководства, народной демократии и верховенства закона. Решение ЦК КПК «О всестороннем продвижении управления государством на основе закона» (2014 г.) определяет социалистическое правовое государство как систему, в которой «партия руководит разработкой законов, обеспечивает их исполнение и сама действует в рамках закона» [2]. Авторы коллективной монографии под редакцией А.Д. Воскресенского справедливо отмечают внутреннее противоречие данной конструкции: провозглашая верховенство закона, она одновременно выводит руководящую роль партии за рамки правового регулирования, делая ее неприкосновенной [7].

Важно подчеркнуть, что тесное переплетение политического и правового начал порождает в КНР феномен «политических конституционных изменений» (政策性修宪). Как отмечает К.Н. Третьяков, эти изменения могут трактоваться в широком и узком смысле [9]. В широком смысле — это оперативное изменение конституционных положений политического характера в соответствии с изменяющейся государственной политикой, где текущий политический курс является руководящим принци-

пом. В узком смысле — это прямая конституционализация политических положений [9]. Следовательно, в самом общем виде политические изменения конституции представляют собой трансформацию политической воли КПК в государственную волю, закрепленную в основном законе страны.

Формальными (внешними) признаками политического характера изменений Конституции КНР являются: во-первых, они происходят после очередного Всекитайского съезда КПК (поправки 1988, 1993, 1999, 2004 гг. — после XIII, XIV, XV, XVI съездов соответственно); во-вторых, инициатива исходит от ЦК КПК, который может предлагать конкретные проекты поправок. Сложная и многоступенчатая процедура внесения предложений, обсуждения, согласования и опубликования проектов изменений Конституции КНР не регламентирована писаными нормами, что приводит к формированию конституционных обычаев — неписаных правил поведения, укоренившихся в политико-правовой практике.

Материальными (содержательными) признаками политического характера конституционных изменений являются: во-первых, тесная связь изменений Конституции с корректировками Устава КПК; во-вторых, идентичность или близкое совпадение содержания изменений Конституции с основным докладом ЦК КПК; в-третьих, политический курс меняется преимущественно в идеологической и экономической сферах.

Англоязычные исследователи, в частности С. Биддалф, характеризуют такую систему как *rule by law* (управление посредством закона) в противовес *rule of law* (верховенству права) [12]. В первом случае закон выступает инструментом государственной политики, который может быть изменен или приостановлен для обеспечения стабильности и безопасности; во втором — закон является высшим ограничителем для всех ветвей власти, включая политическое руководство. Конституционная доктрина КНР, закрепляющая принцип 依法治國, тяготеет именно к первой модели. Это фундаментальное противоречие имеет принципиальное значение для имплементации международных стандартов прав человека, поскольку именно партийные директивы, а не формальные законы, определяют пределы допустимого вмешательства в права индивида.

Если конституционный принцип 依法治國 задает общую рамку, а историко-культурная традиция объясняет устойчивость модели *rule by law*, то механизмы трансформации международных обязательств во внутригосударственное право определяют реальную степень интеграции международных стандартов. В данном разделе мы рассмотрим, как КНР формально принимает на себя обязательства и каким образом они адаптируются к национальной правовой системе. КНР является участником большинства ключевых международных договоров в области прав человека. В 1997 г. страна подписала, а в 2001 г. ратифицировала Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП). В 1998 г. был подписан, а в 2001 г. ратифицирован Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП). Однако, как подчеркивает М.С. Саликов, оба пакта были ратифицированы с многочисленными оговорками и заявлениями, существенно ограничивающими их действие на территории КНР [8].

Особого внимания заслуживают оговорки КНР к МПГПП. Китай заявил о непризнании юрисдикции Комитета по правам человека в отношении рассмотрения индивидуальных жалоб (ст. 41), а также оговорил право применять положения пакта в соответствии с национальным законодательством и «социалистическими ценностями». Как отмечает П. Келлер, такая оговорка фактически означает, что имплементация пакта осуществляется не путем приведения национального законодательства в соответствие с международными стандартами, а путем избирательной адаптации международных норм к уже существующей правовой системе [15].

Переходя к анализу механизмов трансформации, следует обратиться к исследованию Ю. Лян, посвященному доктрине «социалистического правового государства с китайской спецификой» [17]. Автор показывает, что КНР использует стратегию «локализации» (*bentuhua*), которая предполагает адаптацию универсальных международных стандартов через призму национальных концепций «прав человека с китайской спецификой» (*juyou Zhongguo tese de renquan*) [17]. Эта стратегия реализуется по нескольким направлениям.

Во-первых, международные договоры не обладают прямым действием на территории КНР и не могут быть непосредственно применены судами. Как установлено в исследовании С. Ленг, ссылки на международные договоры в судебных решениях крайне редки и носят, как правило, декларативный характер [16]. Во-вторых, имплементация осуществляется через принятие новых национальных законов, которые формулируются с использованием понятийного аппарата, не совпадающего с международно-правовым. В-третьих, в случае коллизии между международным договором и национальным законом приоритет отдается последнему, если иное прямо не установлено.

Таким образом, формальное участие КНР в международных договорах по правам человека сочетается с механизмами, позволяющими государству контролировать степень их влияния на национальное законодательство. Ключевым звеном в этом механизме является судебная система, к анализу структурных ограничений которой мы обратимся в следующем разделе.

Даже в случае формальной имплементации международных стандартов в национальное законодательство решающее значение имеет возможность индивида защитить свои права в суде. В данном разделе мы анализируем структурные особенности судебной системы КНР, которые выступают в качестве институциональных барьеров на пути реализации прав человека. Ключевая проблема имплементации международных стандартов прав человека в КНР связана с отсутствием эффективного механизма судебной защиты. Как отмечает Дж. Чан в исследовании, посвященном конституционным правам и судебному контролю в Китае, Конституция КНР не предусматривает возможности конституционного судебного контроля (judicial review) — суды не вправе проверять соответствие законов и подзаконных актов Конституции [13]. Это означает, что даже в случае противоречия между национальным законом и конституционными положениями о правах человека (включая ст. 33) суды не могут отказать от применения закона на том основании, что он нарушает конституционные гарантии [13].

Верховный народный суд КНР (ВНС) периодически издает разъяснения и руководящие указания, которые призваны обеспечить единообразие судебной практики. Однако, как показывают материалы, собранные А.Н. Карнеевым, в разъяснениях ВНС по вопросам прав человека доминирует концепция «социальной стабильности» (shehui wending), которая используется для ограничения прав граждан в случаях, когда их осуществление может быть расценено как угроза публичному порядку [6]. Судебная защита прав человека, таким образом, оказывается обусловленной не столько содержанием конституционных норм, сколько политической целесообразностью.

Следующим структурным ограничением выступает иерархия источников права, закрепленная конституционными поправками 2018 г. Как было показано в первом разделе, руководящая роль КПК получила конституционное закрепление, что означает приоритет партийных директив перед формальными законами [1]. В судебной практике это проявляется в том, что дела, затрагивающие политически чувствительные вопросы (свобода слова, собраний, религиозных убеждений), либо не принимаются к рассмотрению, либо разрешаются на основании неформальных указаний партийных органов, а не норм закона.

Отсутствие независимой судебной системы, способной проверять конституционность законов и защищать индивида от произвола государственных органов, делает провозглашенные в Конституции права человека в значительной степени декларативными. Этот институциональный дефицит приобретает особую остроту в контексте взаимодействия КНР с договорными органами ООН, к анализу которого мы обратимся далее. Помимо институциональных ограничений, существенным барьером для имплементации международных стандартов выступает идеологическая конструкция, противопоставляющая универсализм международного права «социалистическим ценностям с китайской спецификой». В данном разделе мы рассмотрим, как эта конструкция формирует официальную позицию КНР в диалоге с международным сообществом, а также проанализируем эволюцию официальной риторики в свете последних политических ориентиров.

Как отмечает Р. Уэзерли, официальная позиция КНР исходит из того, что не существует универсальной модели прав человека, а их содержание определяется национальными особенностями и уровнем экономического развития [18]. В коллективной монографии под редакцией А.Д. Воскресенского подчеркивается, что китайская концепция прав человека строится на приоритете коллективных прав (права на развитие, социально-экономических прав) над индивидуальными гражданскими и политическими правами [7]. Такой подход, с одной стороны, позволяет КНР демонстрировать прогресс в сфере борьбы с бедностью и повышения уровня жизни, с другой — легитимирует ограничения в сфере свободы слова, собраний и политического участия.

Важно отметить, что конституционные поправки 1999 г. и 2004 г., закрепившие принципы законности и уважения прав человека, рассматриваются некоторыми исследователями не просто как очередные политические изменения, но как так называемые «системные изменения конституции» (制度性修宪) [9]. Под системными изменениями конституции понимаются изменения, осуществляемые в целях обеспечения демократии и конституционализма (конституционного правления, верховенства конституции), направленные на улучшение существующего конституционного строя в государстве [9]. Эти изменения не зависят от изменений политического курса и его идеологической платформы: они призваны решить не текущие вопросы управления делами государства, а закрепить фундаментальные, основные положения в области государственного строительства. Поправка 1999 г. к

ст. 5 Конституции о принципе законности государственного управления и строительстве социалистического правового государства, а также поправка 2004 г. к ст. 33 об уважении и гарантиях прав человека направлены на установление фундаментальных принципов конституционного строя любого государства — законности и обеспечения прав и свобод человека — и поэтому могут быть отнесены не к «сиюминутным» политическим положениям, а к изменениям конституции, носящим «долговечный», системный характер [1][9].

Однако в последние годы, и особенно после конституционной реформы 2018 г., произошел значительный сдвиг в официальной идеологической риторике. Если в 1990-е и 2000-е годы акцент делался на постепенной интеграции концепции прав человека в конституционную систему (что нашло отражение в поправке 2004 г.), то современный этап характеризуется формированием автономной идеологической конструкции, призванной заменить универсалистский язык прав человека национальными категориями.

Центральным элементом этой конструкции стала концепция «китайской модернизации» (中国式现代化), которая позиционируется как альтернатива западной модели развития. В рамках этой концепции правовое развитие рассматривается не через призму индивидуальных прав и свобод, а через категории «социальной стабильности» (社会稳定), «социальной справедливости» (社会公平正义) и «народного благосостояния» (民生福祉). Как следует из официальных документов, правовая система призвана «обеспечивать и способствовать социальной справедливости» (保障和促进社会公平正义) в контексте реализации стратегии национального развития.

Показательным в этом отношении является состоявшееся в ноябре 2025 г. Центральное совещание по всестороннему управлению государством на основе закона. В официальном сообщении, опубликованном на сайте правительства КНР, высшее руководство страны подтвердило, что дальнейшее развитие правовой системы будет осуществляться в рамках «органического единства партийного руководства, народовластия и управления государством на основе закона» (坚持党的领导、人民当家作主、依法治国有机统一) [5]. При этом ключевыми ориентирами названы «строительство более совершенной социалистической правовой системы с китайской спецификой» (建设更加完善的中国特色社会主义法治体系) и «строительство социалистического правового государства более высокого уровня» (建设更高水平的社会主义法治国家) [5].

Особого внимания заслуживает сдвиг в терминологии. Вместо акцента на «права человека» (как в поправке 2004 г. к ст. 33 Конституции) в документах 2025 г. делается упор на категории «социальной справедливости» и «обеспечения народного благосостояния» в контексте «китайской модернизации» [5]. Одновременно подчеркивается необходимость «укрепления системы и потенциала в области иностранного права» (加强涉外法治体系和能力建设), что в современном контексте интерпретируется как инструмент защиты государственного суверенитета от внешнего правового давления, а не как механизм гармонизации с международными стандартами прав человека [5].

«Белые книги» Госсовета КНР «Прогресс в области прав человека в Китае», ежегодно издаваемые с 1991 г., последовательно отражают эту эволюцию. В последних выпусках акцент делается на достижениях в сфере здравоохранения, образования и социального обеспечения, тогда как вопросы гражданских и политических прав либо игнорируются, либо рассматриваются исключительно в контексте «законного ограничения в интересах национальной безопасности» [3]. При этом сам термин «права человека» все чаще употребляется в связке с определением «с китайской спецификой» (中国特色人权), что подчеркивает его производный характер по отношению к государственному суверенитету и национальным интересам. Анализ периодических докладов КНР и заключительных замечаний договорных органов ООН выявляет устойчивый разрыв между отчетностью и реальным положением дел. Комитет по правам человека в своих заключительных замечаниях по третьему периодическому докладу Китая (2018 г.) выразил обеспокоенность в связи с: 1) отсутствием эффективного механизма имплементации МПГПП в национальном законодательстве; 2) сохранением практики задержания лиц без предъявления обвинений; 3) ограничениями свободы слова, собраний и ассоциаций; 4) условиями содержания под стражей [4].

Как подчеркивает Р. Кейт, характерной чертой взаимодействия КНР с договорными органами является избирательное отношение к рекомендациям [14]. Рекомендации, касающиеся экономических и социальных прав, как правило, принимаются к сведению и частично реализуются; рекомендации же, затрагивающие гражданские и политические права, либо отвергаются как вмешательство во внутренние дела, либо игнорируются [14]. С учетом новой риторики «китайской модернизации» и акцента на «иностранном праве» как инструменте защиты суверенитета, можно прогнозировать дальнейшее ужесточение этой позиции.

Наиболее остро противоречие между международными стандартами и национальной политикой КНР проявляется в регионах с особым статусом — Синьцзян-Уйгурском автономном районе и Тибетском автономном районе. Как показывает исследование С. Биддалф, политика обеспечения «социальной стабильности» (weiwen) в этих регионах включает меры, которые международными экспертами квалифицируются как нарушения прав человека: массовое задержание без предъявления обвинений, ограничения свободы вероисповедания, культурная ассимиляция [12]. Официальная позиция КНР, изложенная в серии «белых книг» и заявлениях МИД, отрицает наличие системных нарушений прав человека в этих регионах, настаивая на том, что все меры призваны бороться с терроризмом и экстремизмом и реализуются в строгом соответствии с законом. В контексте новой идеологической парадигмы эти меры получают дополнительное обоснование через категории «социальной справедливости» и «обеспечения стабильности в интересах модернизации».

Таким образом, идеологический контекст имплементации международных стандартов прав человека в КНР претерпел существенную эволюцию: от избирательной адаптации универсальных норм в 1990–2000-е гг. до формирования автономной концепции «социалистической законности», встроенной в более широкую рамку «китайской модернизации». Эта эволюция, получившая новое подтверждение в официальных документах 2025 г., указывает на то, что универсалистский язык прав человека уступает место национальным категориям, производным от принципа партийного руководства и задач социально-экономического развития.

Проведенный анализ может создать впечатление о полной стагнации в сфере имплементации международных стандартов прав человека в КНР. Однако, несмотря на выявленные противоречия и структурные ограничения, было бы ошибочно утверждать, что принцип 依法治國 полностью лишен потенциала для прогресса в данной области. Более того, как отмечает К.Н. Третьяков, развитие китайского общества в рамках процесса последовательного проведения политики реформ и открытости привело к определенной демократизации современного китайского общества, приведению государственного механизма и правовой системы КНР в определенное соответствие с западными канонами [9]. В последние годы наряду с изменениями конституции политического характера наметилась тенденция вносить в нее так называемые системные изменения, направленные не на отражение текущего курса партии власти, а на закрепление в основном законе страны базовых принципов конституционного строя государства (законности и уважения прав и свобод) [9]. Следование этой тенденции может в дальнейшем способствовать большей демократизации китайского общества.

В сфере экономических и социальных прав КНР демонстрирует значительный прогресс. Уровень бедности, измеряемый по национальным стандартам, был существенно снижен; обеспечен всеобщий доступ к базовому медицинскому обслуживанию и образованию. М.С. Саликов указывает, что в этой сфере имплементация международных стандартов происходит наиболее успешно, поскольку они не вступают в противоречие с приоритетами государственной политики [8]. Ю. Лян в своем исследовании отмечает, что концепция «социалистического правового государства» может рассматриваться как платформа для постепенной гармонизации с международным правом [17]. Развитие законодательства в области охраны окружающей среды, защиты прав потребителей, трудовых прав свидетельствует о том, что в определенных пределах КНР готова воспринимать международные стандарты.

Однако оценка перспектив конвергенции была бы неполной без учета последних официальных заявлений, определяющих вектор развития правовой системы на ближайшую перспективу. В ноябре 2025 г. состоялось Центральное совещание по всестороннему управлению государством на основе закона, на котором были сформулированы ключевые ориентиры дальнейшего развития. Как следует из официального сообщения, высшее руководство КНР подтвердило, что правовое развитие будет осуществляться в рамках «органического единства партийного руководства, народовластия и управления государством на основе закона» (坚持党的领导、人民当家作主、依法治国有机统一) [5]. При этом акцент смещается на «строительство более совершенной социалистической правовой системы с китайской спецификой» (建设更加完善的中国特色社会主义法治体系) и «строительство социалистического правового государства более высокого уровня» (建设更高水平的社会主义法治国家) [5].

Особого внимания заслуживает сдвиг в официальной риторике: вместо акцента на «права человека» (как в поправке 2004 г. к ст. 33 Конституции) в документах 2025 г. делается упор на категории «социальной справедливости» (社会公平正义) и «обеспечения народного благосостояния» (增进民生福祉) в контексте «китайской модернизации» (中国式现代化) [5]. Одновременно подчеркивается необходимость «укрепления системы и потенциала в области иностранного права» (加强涉外法治体系和能力建设), что в современном контексте интерпретируется как инструмент за-

щиты государственного суверенитета от внешнего правового давления, а не как механизм гармонизации с международными стандартами прав человека [5].

С учетом этих новых ориентиров перспективы имплементации международных стандартов прав человека в КНР представляются противоречивыми. С одной стороны, само понятие «правового государства более высокого уровня» предполагает дальнейшее совершенствование законодательства, повышение качества правоприменения и расширение доступа к правосудию. В определенных сферах — экономической, экологической, социальной — возможно продолжение избирательной адаптации международных норм, особенно там, где это соответствует национальным интересам развития.

С другой стороны, официально заявленный курс на углубление «китайской специфики» и построение автономной правовой системы, способной противостоять внешнему влиянию, указывает на то, что универсальные стандарты прав человека будут восприниматься лишь в той мере, в какой они не вступают в противоречие с принципом партийного руководства. Как справедливо отмечает Дж. Чан, поправки 2018 г. окончательно закрепили иерархическую систему, в которой руководящая роль КПК является высшей конституционной ценностью, а права человека — производной от нее [13]. Конституция КНР не содержит норм, позволяющих индивиду защищать свои права в случае их нарушения государственными органами, действующими на основании партийных директив. Отсутствие конституционного суда и механизма конституционной жалобы делает провозглашенные в ст. 33 права человека декларативными [13].

Как подчеркивает П. Келлер, система «социалистического правового государства» построена таким образом, что судебная защита прав человека доступна лишь постольку, поскольку она не противоречит политическим интересам партийно-государственного аппарата [15]. Пока принцип 依法治國 функционирует как инструмент легитимации государственной власти (rule by law), а не как механизм ограничения государственного произвола (rule of law), имплементация международных стандартов будет носить фрагментарный и политически обусловленный характер, ограниченный преимущественно сферой экономических и социальных прав [12][15].

Таким образом, перспективы конвергенции национальной правовой системы КНР с международными стандартами прав человека определяются двумя разнонаправленными тенденциями. Первая — продолжение «системных изменений» в духе поправок 1999 г. и 2004 г., которые могут расширять сферу судебной защиты в экономической и социальной областях [9]. Вторая — углубление «китайской специфики» и построение автономной правовой системы, где партийное руководство остается высшим конституционным принципом, а универсальные стандарты прав человека подчиняются задачам обеспечения социальной стабильности и национальной безопасности. Результатом взаимодействия этих тенденций, вероятно, станет сохранение существующего разрыва между декларативным признанием международных обязательств и ограниченными возможностями их судебной реализации.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Конституционный принцип 依法治國 (социалистическое правовое государство) прошел сложную эволюцию от правовой модернизации конца XX в. до закрепления руководящей роли КПК в качестве высшей конституционной ценности в 2018 г. [1][6]. Формальное включение в Конституцию положения об уважении прав человека не сопровождалось созданием эффективных механизмов их судебной защиты [11][13]. При этом важно учитывать историко-культурный контекст: традиционное для Китая восприятие права как инструмента власти, а не самостоятельной ценности, создает благоприятную среду для функционирования модели rule by law, в которой закон подчинен политической целесообразности [9][12].

Имплементация международных стандартов прав человека в КНР осуществляется по модели избирательной «локализации», при которой международные договоры не обладают прямым действием, а их положения адаптируются к национальной правовой системе через концепцию «прав человека с китайской спецификой» [16][17]. Ратификация МПГПП и МПЭСКП сопровождалась многочисленными оговорками, существенно ограничивающими их действие, а заключительные замечания договорных органов ООН систематически игнорируются в части, касающейся гражданских и политических прав [4][8][15]. Системные вызовы имплементации определяются фундаментальным противоречием между универсализмом международного права и приоритетом государственного суверенитета, закрепленным в конституционной доктрине [7][18]. В то же время, как показывает анализ конституционных изменений, в КНР наметилась тенденция к внесению наряду с изменениями политического характера так называемых системных изменений, направленных на закрепление базовых принципов законности и уважения прав человека [9]. Однако оценка современных тенденций, отраженных в официальных документах Центрального совещания по всестороннему управлению государством на основе закона (ноябрь 2025 г.), свидетельствует о смещении акцентов в сторону «социальной спра-

ведливости» и «китайской модернизации» при одновременном укреплении «иностранных права» как инструмента защиты суверенитета [5]. Это указывает на то, что дальнейшее развитие правовой системы КНР будет идти по пути углубления «китайской специфики» и построения автономной правовой системы, минимально подверженной влиянию международных стандартов в сфере гражданских и политических прав.

Пока принцип 依法治國 функционирует преимущественно как инструмент легитимации государственной власти (rule by law), а не как механизм ограничения государственного произвола (rule of law), имплементация международных стандартов будет носить фрагментарный и политически обусловленный характер, ограниченный преимущественно сферой экономических и социальных прав [12][15]. В то же время потребности экономического развития и международного сотрудничества, а также продолжающаяся практика внесения системных изменений в конституцию могут стимулировать постепенное расширение сферы судебной защиты прав, прежде всего в области экономических, социальных и экологических прав, где пересечение национальных и международных интересов наиболее очевидно [9][17].

Литература

1. Конституция Китайской Народной Республики: принята 4 дек. 1982 г.: с поправками 1988, 1993, 1999, 2004, 2018 гг. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2018. 85 с.
2. Решение ЦК КПК о всестороннем продвижении управления государством на основе закона: принято на 4-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва 23 окт. 2014 г. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014. 58 с.
3. Госсовет КНР. Прогресс в области прав человека в Китае (2023): белая книга. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2024. 112 с.
4. Комитет ООН по правам человека. Заключительные замечания по третьему периодическому докладу Китая: ССР/С/СН/СО/3. Женева: ООН, 2018. 24 с.
5. Официальный интернет-портал правительства КНР. URL: <http://www.gov.cn> (дата обращения: 15.03.2026).
6. Карнеев А. Н. «Социалистическое правовое государство» как политико-юридическая доктрина современного Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 2. С. 27–39.
7. Китайская модель развития: государство, право, общество: коллективная монография / под ред. А. Д. Воскресенского. Москва: Изд-во МГИМО-Университет, 2022. 408 с.
8. Саликов М. С. Имплементация международных договоров по правам человека в национальное законодательство Китая // Российский юридический журнал. 2019. № 3. С. 112–120.
9. Третьяков К. Н. Некоторые особенности изменения конституции КНР // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3. С. 40–46.
10. Трощинский П. В. Правовая система Китая: современное состояние и перспективы развития. Москва: Изд-во Ин-та Дальнего Востока РАН, 2020. 312 с.
11. Шайдуллина В. К. Конституционные основы прав человека в КНР: эволюция и современное толкование // Право и политика. 2018. № 4. С. 45–58.
12. Biddulph S. The Stability Imperative: Human Rights and Law in China. Vancouver: UBC Press, 2015. 332 p.
13. Chan J. Constitutional Rights and Judicial Review in China: The Unfulfilled Promise. *Hong Kong Law Journal*. 2021; 51(2): 521–548.
14. Keith R. C. China's Struggle for the Rule of Law. London: Palgrave Macmillan, 2018. 296 p.
15. Keller P. China's Human Rights Regime: International Standards and Domestic Adaptation. *Human Rights Quarterly*. 2017; 39(3): 612–641.
16. Leng S. Translating International Human Rights Law into Domestic Context: China's Approach. *Journal of Chinese Political Science*. 2020; 25(3): 455–474.
17. Liang Y. The Socialist Rule of Law with Chinese Characteristics: Between International Law and Domestic Sovereignty. *Asian Journal of Comparative Law*. 2020; 15(1): 88–110.
18. Weatherley R. Human Rights in China: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2019. 168 p.

**Сравнительно-правовой анализ коллизионных норм и принципов их применения
в Российской Федерации и Китайской Народной Республике**

© А. И. Матвеева

студентка 3-го курса,
Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
nastyamat6@gmail.com

© А. И. Матвеева

студентка 3-го курса,
Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
anutamat6@gmail.com

В статье рассматриваются нормативные правовые акты в Российской Федерации и Китайской Народной Республике, регулирующие коллизионные нормы и принципы их применения в сравниваемых странах. Проанализированы оговорка о публичном порядке, обратная отсылка, срок действия соглашения о выборе права, а также принципы применения коллизионных норм. Выявлены сходства и различия в правовом регулировании коллизионных норм и принципов их применения в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Целью работы является изучение нормативных актов, определение сходств и различий коллизионных норм и принципов их применения в сравниваемых странах. В работе применены общенаучные и специальные методы исследования, такие как анализ, синтез, сравнительно-правовой, формально-юридический методы.

Ключевые слова: коллизионные нормы, принципы, обратная отсылка, критерии сравнения, выбор права, срок действия.

**Comparative legal analysis of conflict-of-laws rules and the principles of their application
in the Russian Federation and the People's Republic of China**

A. I. Matveeva

3rd-year student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
nastyamat6@gmail.com

A. I. Matveeva

3rd-year student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
anutamat6@gmail.com

The article examines the regulatory legal acts in the Russian Federation and the People's Republic of China that regulate conflict of laws and the principles of their application in the compared countries. The article analyzes the public policy clause, retroactivity, the validity period of the choice of law agreement, and the principles of application of conflict of laws. The article identifies similarities and differences in the legal regulation of conflict of laws and the principles of their application in the Russian Federation and the People's Republic of China. The purpose of the article is to study the regulatory legal acts and identify similarities and differences in the conflict of laws and the principles of their application in the compared countries. The work uses general scientific and special research methods, such as analysis, synthesis, comparative legal, and formal legal methods.

Keywords: conflict of laws rules, principles, retroactivity, comparison criteria, choice of law, validity period.

Коллизионные нормы и их применение как в Российской Федерации (далее — РФ, Россия), так и в Китайской Народной Республике (далее — КНР, Китай) играют ключевую роль в регулировании частноправовых отношений с иностранным элементом. Данные нормы определяют, применение права какой страны подлежит к конкретному правоотношению. Несмотря на наличие схожих принципов и подходов к коллизионным нормам в РФ и КНР, существуют значительные различия в их применении и интерпретации.

Для начала необходимо определить круг источников, которые регулируют коллизионные нормы и их применение в сравниваемых странах. В России коллизионные нормы регулируются разделом 6 части III Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), главой 26 Кодекса торгового мореплавания, а также международными договорами, ратифицированными Российской Федерацией. А в Китае данные нормы регулируются Гражданским кодексом Китайской Народной Республики 2020 г., Законом КНР «О применении права к гражданским отношениям с иностранным элементом» 2010 г.

Одним из критериев для сравнения коллизионных норм и их применения в РФ и КНР является оговорка о публичном порядке. Оговорка о публичном порядке — это правило, согласно которому нормы иностранного права, на которые указывает коллизионная норма, не подлежат применению в случае, если их применение привело бы к противоречиям основ правового порядка данного государства. И в России, и в Китае ограничивается применение иностранных норм в случае противоречия публичному порядку. В Российской Федерации это закреплено в ст. 1193 ГК РФ, в ней указаны конкретные критерии, когда применяется оговорка о публичном порядке, такие как исключительность случаев, последствия применения иностранного права, явный характер противоречия и другие. А в Китайской Народной Республике норма об оговорке о публичном порядке имеет общий характер без уточнений. Таким образом, в РФ более детально разработаны нормы об оговорке о публичном порядке, в отличие от китайского законодательства, где закреплены только общие положения.

Следующим критерием для сравнения коллизионных норм и их применения в РФ и КНР является обратная отсылка этих норм. Обратная отсылка — это ситуация, когда суд одного государства коллизионную норму отсылает к праву другого государства, а право этого государства содержит обратную отсылку к праву первого государства. В России и Китае регулирование этого вопроса отличается. В РФ положение об обратной отсылке содержится в ст. 1190 ГК РФ. По общему правилу, «если коллизионная норма отсылает к праву иностранного государства, то применяются материальные нормы, а не коллизионные, исключение составляют принятие обратной отсылки иностранного права в случаях отсылки к нормам российского права, которые определяют правовое положение физического лица, такое применение зависит от воли правоприменительного органа» [1]. А в КНР обратная отсылка не применяется и нет исключений, эта норма содержится в ст. 9 Закона КНР «О применении права к гражданским отношениям с иностранным элементом». Однако на практике встречались случаи принятия обратной отсылки, например, в деле *Chancery plc (Великобритания) v. Sukissed Marine Co Ltd (Греция)* суд применил право Кипра, так как китайская коллизионная норма отсылала к праву страны флага. Но после принятия Верховным народным судом КНР разъяснений в 2012 г. и 2023 г. происходит перераспределение ответственности за установление содержания иностранного права в пользу судебных органов, теперь они обязаны использовать различные методы для получения информации об иностранном праве. Таким образом, в отличие от законодательства РФ, право КНР последовательно исключает обратную отсылку и закрепляет принцип, что иностранное право не включает коллизионные нормы государства, к которому оно отсылает.

Также можно сравнить срок действия соглашения о выборе права в России и Китае. Ключевое различие между российским и китайским законодательством заключается в сроках действия соглашений о выборе права. В РФ такое соглашение имеет обратную силу и применяется к договору независимо от того, когда он был заключен. А в КНР установлены жёсткие ограничения: «соглашение должно быть заключено до окончания судебных прений» [2].

Важную роль играют принципы применения коллизионных норм. В России и Китае данные принципы имеют как общие черты, так и существенные различия, которые связаны с особенностями правовых систем, традиций и законодательного регулирования.

Вначале отметим схожие принципы применения коллизионных норм в РФ и КНР. В обеих правовых системах установлен принцип верховенства международного договора над внутренним законодательством, за исключением случаев, когда сам договор устанавливает иное. В частности, российское право предусматривает, что специальные положения международного договора имеют преимущественную силу перед общими положениями иного международного договора, независимо от количества участников и дат принятия. Также в обеих странах предусмотрен принцип императивных норм, которые регулируют правовые отношения независимо от того, какое право применяется. В РФ такие нормы именуются нормами непосредственного действия (ст. 1192 ГК РФ), тогда как в КНР они обозначены как императивные нормы, прямо закреплённые в законодательстве (ст. 4 Закона КНР «О применении права к гражданским отношениям с иностранным элементом»), к ним относятся нормы, касающиеся безопасности пищевых продуктов или здоровья населения, валютного контроля и финансовой безопасности, прав и интересов работников, экологической безопасности и так далее.

Одним из принципов является принцип автономии воли. Данный принцип заключается в том, что и в России, и в Китае стороны могут сами выбирать право, которое будет регулировать их отношения. Однако в каждой из стран есть свои нюансы. В РФ, согласно п. 2 ст. 1210 ГК РФ, соглашение о выборе права может быть выражено прямо или косвенно — из условий контракта или обстоятельств дела, а также допускается подразумеваемая форма соглашения, если прямо выраженное отсутствует. В КНР выбор права должен быть выражен явно, согласно ст. 3 Законом КНР «О применении права к гражданским отношениям с иностранным элементом»: «стороны вправе в явной форме выбрать право, которое будет применяться к транснациональным гражданским правоотношениям, а если стороны не выбрали применимое право, суд определяет его на основе других коллизионных норм» [3]. Если китайское законодательство прямо не предусматривает, что стороны могут выбрать применимое право, а они самостоятельно делают такой выбор, то Верховный народный суд признаёт такой выбор недействительным, это закреплено в Разъяснении Верховного народного суда.

Ещё одним принципом является принцип наиболее тесной связи. В российском законодательстве этот принцип закреплён в статьях 1186, 1188 и 1211 ГК РФ, согласно этим нормам, если невозможно определить применимое право в соответствии с международными договорами, обычаями и законодательством РФ, применяется право страны, с которой гражданско-правовое отношение, осложнённое иностранным элементом, наиболее тесно связано. Также в случаях, когда в стране действует несколько правовых систем и определение применения права невозможно, то применяется право, наиболее тесно связанное с отношением. В КНР принцип наиболее тесной связи регулируется Законом КНР «О применении права к гражданским отношениям с иностранным элементом». Если в этом законе и других законах отсутствуют положения о праве, применимом к гражданско-правовым отношениям с иностранным элементом, то используется право, которое наиболее тесно связано с такими правоотношениями. Также если при выборе права какой-либо страны в различных её регионах применяется разное право, то применяется право того региона, которое имеет наиболее тесную связь с отношением. Этот принцип в КНР также используется при регулировании вопросов личного статуса бипатридов и ценных бумаг. Таким образом, в РФ применение принципа наиболее тесной связи — это резервная привязка при пробелах в коллизионных нормах и инструмент корректировки конкретных коллизионных норм, а в КНР — основной способ выбора права при отсутствии выбора сторон или специального регулирования.

Также в сравниваемых странах применяется такой принцип, как квалификация юридических понятий, но его регулирование в данных странах отличается. В РФ толкование юридических понятий для целей определения применимой коллизионной нормы осуществляется в соответствии с российским правом, даже если эта коллизионная норма впоследствии указывает на иностранное право, если иное не предусмотрено законом. А в КНР при квалификации понятий, применяемых в правоотношениях с иностранным элементом, используется закон суда (*lex fori*), это означает, что суд должен идентифицировать такие правоотношения с помощью категорий права страны суда, а затем использовать коллизионную норму, к которой содержатся эти категории.

Проведя сравнительно-правовой анализ коллизионных норм и их применения в РФ и КНР, можно сделать вывод, что схожих черт значительно меньше, чем существенных различий. Схожим является действие принципа верховенства международного договора над внутренним законодательством, а также принципа императивности норм, и в РФ, и в КНР они действуют одинаково. Различием является, во-первых, регулирование оговорки о публичном порядке: в РФ в законе указаны конкретные критерии применения оговорки о публичном порядке, а в КНР есть только общие положения. Во-вторых, в РФ допускается обратная отсылка коллизионных норм, а в КНР она не применяется. В-третьих, различается срок действия соглашения о выборе права: в РФ такое соглашение имеет обратную силу, а в КНР такое соглашение должно быть заключено до окончания судебных прений. Также в этих сравниваемых странах многие принципы применяются по-разному. Например, к таким принципам относится принцип автономии воли, принцип наиболее тесной связи и принцип квалификации юридических понятий. Таким образом, можно прийти к выводу, что несмотря на наличие схожих принципов и подходов к коллизионным нормам в РФ и КНР существуют значительные различия в их применении и интерпретации. Обе страны продолжают развивать свои системы международного частного права, что требует постоянного анализа и адаптации к меняющимся условиям глобальной экономики, права и международных отношений.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 3) от 26 ноября 2001 г. №146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49.

2. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики. URL: <https://chinaperevod.com/law/razdel-1-obshchie-polozheniya?ysclid=mo15wnpusm88876109> (дата обращения: 15.04.2026).
3. Закон Китайской Народной Республики «О применении права к гражданским отношениям с иностранным элементом». URL: https://cnlegal.ru/civil_law/china_international_private_law_2010/?ysclid=mo1659ctht503177283 (дата обращения: 15.04.2026).

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АЗИИ

CIVIL LAW PROBLEMS OF COMPARATIVE LAW IN ASIAN COUNTRIES

УДК 347.9/34

**Сравнительно-правовой анализ судебных доказательств и доказывания
в гражданском процессе в Российской Федерации и Китайской Народной Республике**

© А. И. Матвеева

студентка 3-го курса,
Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
nastyamat6@gmail.com

© А. И. Матвеева

студентка 3-го курса,
Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
anutamat6@gmail.com

В статье рассматриваются нормативные правовые акты в Российской Федерации и Китайской Народной Республике, регулирующие судебные доказательства и доказывание в гражданском процессе сравниваемых стран. Проанализированы понятие, виды доказательств, критерии оценки доказательств, бремя доказывания, роль суда в собирании доказательств. Выявлены сходства и различия в правовом регулировании данных институтов в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Сделан вывод о том, в какой стране институт судебных доказательств и доказывания в гражданском процессе регулируется более детально. Целью работы является изучение нормативных актов, определение сходств и различий судебных доказательств и доказывания в сравниваемых странах. В работе применены общенаучные и специальные методы исследования, такие как анализ, синтез, сравнительно-правовой, формально-юридический методы.

Ключевые слова: судебные доказательства, доказывание, суд, показания, оценка доказательств, бремя доказывания, законодательство.

Comparative legal analysis of judicial evidence and proof in civil proceedings in the Russian Federation and the People's Republic of China

A. I. Matveeva

3rd-year student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
nastyamat6@gmail.com

A. I. Matveeva

3rd-year student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
anutamat6@gmail.com

The article examines the regulatory legal acts in the Russian Federation and the People's Republic of China that regulate judicial evidence and proof in the civil proceedings of the compared countries. The concept, types of evidence, criteria for evaluating evidence, the burden of proof, and the role of the court in collecting evidence are analyzed. The similarities and differences in the legal regulation of these institutions in the Russian Federation and the People's

Republic of China are identified. The article concludes which country has a more detailed regulation of judicial evidence and proof in civil proceedings. The purpose of the work is to study regulatory acts and determine the similarities and differences in judicial evidence and proof in the compared countries. The work uses general scientific and special research methods, such as analysis, synthesis, comparative legal, and formal legal methods.

Keywords: judicial evidence, proof, court, testimony, evaluation of evidence, burden of proof, legislation.

Судебные доказательства играют ключевую роль в гражданском процессе как в Российской Федерации (далее — РФ, Россия), так и в Китайской Народной Республике (далее — КНР, Китай). Они являются основой для формирования выводов суда, обеспечивают справедливость вынесенного решения, а также помогают обеспечить объективность и устранить сомнения в рассматриваемом деле. Однако судебные доказательства в гражданском процессе РФ и КНР имеют сходства и различия, это зависит от правовой культуры и процессуальных традиций каждой страны.

В России данный институт регулируется главой 6 Гражданского процессуального кодекса «Доказательства и доказывание», а в Китае главой 6 Гражданского процессуального кодекса «Доказательства». В первую очередь необходимо сравнить понятие и виды доказательств в РФ и в КНР. В России, согласно ст. 55 Гражданского процессуального кодекса: «доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела» [2]. В Гражданском процессуальном кодексе Китайской Народной Республики (далее — ГПК КНР) не закреплено понятие доказательств.

В вышеупомянутой статье Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) содержатся следующие виды доказательств: объяснения сторон и третьих лиц, письменные и вещественные доказательства, показаний свидетелей, заключения экспертов, аудио- и видеозаписи [2]. Виды доказательств в гражданском процессе в КНР закреплены в ст. 63 ГПК КНР, к ним относятся: вещественные доказательства, письменные доказательства, показания свидетелей, заключения экспертов, видео- и аудиоматериалы, объяснения сторон, протоколы осмотров на месте [3].

Таким образом, сравнивая понятие и виды доказательств в гражданском процессе в РФ и КНР, можно сделать вывод, что в России в законодательстве закреплено понятие доказательств, что помогает определить, какие именно сведения относятся к доказательствам, а в законодательстве Китая этого нет, из-за чего могут возникать трудности при определении относимости тех или иных сведений в качестве доказательств. Что касается видов доказательств, в целом в обеих странах они схожи, только в КНР дополнительно выделяют протоколы осмотров на месте, а в РФ такой вид доказательств не закреплён.

Стоит обратить внимание на такой вид доказательств, как свидетельские показания, их роль в двух сравниваемых странах отличается. В России свидетельские показания суд оценивает наряду с другими видами доказательств, но при этом учитывается их последовательность, логичность, наличие или отсутствие противоречий с показаниями других свидетелей и иными доказательствами. В Китае письменные и вещественные доказательства являются наиболее важными источниками доказательств, нежели свидетельские показания, однако если свидетельские показания предоставляются не как основные, а как дополнительные доказательства, то суд принимает и учитывает их.

Что касается лиц, которые могут быть освобождены от дачи свидетельских показаний, то здесь тоже есть существенные различия. В законодательстве КНР, в отличие от РФ, в гражданском процессе не предусмотрены свидетельские иммунитеты. В России не подлежат допросу в качестве свидетелей следующие лица: священнослужители религиозных организаций, арбитр (третейский судья), представители по гражданскому или административному делу, защитники по уголовному делу, судьи, присяжные или арбитражные заседатели. Также, согласно ст. 51 Конституции РФ, вправе отказаться от дачи свидетельских показаний гражданин против самого себя, против своего супруга или супруги, дети против родителей, родители против детей, дедушки, бабушки против внуков и наоборот, братья, сёстры друг против друга, депутаты законодательных органов, Уполномоченный по правам человека в РФ и так далее [1]. А в Китае все лица, которым известны обстоятельства по делу, обязаны явиться в суд и дать показания, исключение составляют лица, не способные адекватно выражать свою волю, они не могут давать свидетельские показания, это указано в ст. 70 ГПК КНР.

Таким образом, в отличие от РФ, где свидетельские показания исследуются наравне с другими видами доказательств, в гражданском процессе КНР письменные и вещественные доказательства являются более приоритетным видом доказательств по сравнению со свидетельскими показаниями, а также в китайском законодательстве не содержится перечня лиц, которые не подлежат допросу в ка-

честве свидетелей и могут отказаться от дачи свидетельских показаний по причине родственных отношений, особых полномочий или профессиональной тайны.

Необходимо обратить внимание и на критерии оценки доказательств. Согласно ст. 67 ГПК РФ, к ним относятся: относимость, допустимость, достоверность и достаточность [2]. В соответствии с ГПК КНР и Разъяснениями Верховного народного суда КНР, критерии оценки доказательств в гражданском процессе Китайской Народной Республики схожи с РФ, только дополнительно добавляется подлинность, она применяется при оценке электронных данных (сообщения в мессенджерах, информация с онлайн-платформ, электронные письма и так далее) [4]. В целях улучшения исследования доказательств, в России тоже можно ввести такой критерий оценки доказательств, как подлинность, который применяется при оценке электронных данных.

Ещё одним критерием для сравнения судебных доказательств в гражданском процессе в России и Китае является бремя доказывания. В соответствии со ст. 56 ГПК РФ: «каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом» [2]. В ГПК КНР закреплена аналогичная норма — бремя доказывания лежит на той стороне, которая основывает свои требования и возражения за счёт этих оснований, за исключением экологических, трудовых, патентных споров, споров о причинении вреда и так далее. Таким образом, нормы, касающиеся бремени доказывания, в РФ и КНР схожи.

Также необходимо отметить роль суда в собирании доказательств в гражданском процессе в России и Китае. В РФ доказательства представляют стороны и другие лица, участвующие в деле, а также, согласно ст. 57 ГПК РФ: «суд по ходатайству лиц, участвующих в деле, оказывает им содействие в собирании и истребовании доказательств в случае, если представление необходимых доказательств для этих лиц затруднительно» [2]. Что касается КНР, в ст. 64 ГПК КНР закреплено следующее положение: «Народный суд собирает доказательства в случае, если сторона и её представитель по объективным причинам не может самостоятельно собрать доказательства или если Народный суд сочтёт, что эти доказательства необходимы при рассмотрении дела» [3]. Таким образом, можно прийти к выводу, что и в России, и в Китае суд содействует в собирании и истребовании доказательств, что направлено на обеспечение справедливого правосудия. Однако есть и различие — в КНР суд может содействовать в собирании и истребовании доказательств не только по ходатайству сторон, но и по своему усмотрению, если посчитает это необходимым, а в РФ — только по ходатайству сторон либо может предложить предоставить дополнительные доказательства, так суд создаёт условия для всестороннего и полного исследования доказательств, но не заменяет стороны в их обязанности по предоставлению доказательств. Также это свидетельствует о том, что в России действует принцип состязательности сторон, а в Китае этот принцип сочетается с активной ролью суда.

Проведя сравнительно-правовой анализ судебных доказательств и доказывания в гражданском процессе в РФ и КНР, можно сделать вывод, что есть много схожего, но есть и существенные различия. К схожим чертам относятся виды доказательств, бремя доказывания, а также критерии оценки доказательств. Различием является, во-первых, отсутствие понятия доказательств в китайском законодательстве, в то время как в РФ оно закреплено в Гражданском процессуальном кодексе. Во-вторых, это роль суда в собирании и истребовании доказательств: в России суд может делать это только по ходатайству сторон, а в Китае ещё и по своему усмотрению, если это необходимо. Также существенно отличается правовое регулирование такого вида доказательств, как свидетельские показания — в РФ они исследуются наряду с другими видами доказательств, а также в законодательстве закреплён перечень лиц, которые освобождены или могут отказаться от дачи свидетельских показаний, а в КНР свидетельские показания являются менее приоритетными доказательствами, так как в первую очередь учитываются письменные и вещественные доказательства, а также в китайском законодательстве не установлен перечень лиц, которые освобождаются или могут не давать свидетельские показания.

Таким образом, можно прийти к выводу, что правовое регулирование судебных доказательств и доказывания в гражданском процессе в РФ является более детально разработанным, в нём закреплены все основные понятия и положения, касающиеся этого института. А в законодательстве КНР, в сравнении с РФ, есть существенные недоработки, такие как, например, отсутствие понятия доказательств, не закреплены в отдельной норме критерии оценки доказательств, что вызывает затруднения у правоприменителей, а также отсутствует перечень лиц, которые освобождены или могут отказаться от дачи свидетельских показаний, что может привести к разглашению личной, служебной, коммерческой и иной тайны. Преимуществом правового регулирования судебных доказательств и доказывания в России является состязательность, а в Китае этот принцип ограничивается тем, что суд по своей инициативе участвует в собирании и истребовании доказательств. Однако в КНР можно отметить такой критерий оценки доказательств, как подлинность, который применяется при оценке электрон-

ных данных, его введение в РФ помогло бы улучшить эффективность исследования доказательств в гражданском процессе.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 14 марта 2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. №138-ФЗ (в ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46.
3. Гражданский процессуальный кодекс Китайской Народной Республики. URL: <http://legal-way.ru/iss09.php> (дата обращения: 13.04.2026).
4. Разъяснение Верховного народного суда Китайской Народной Республики. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/6468> (дата обращения: 14.04.2026).

О соотношении Гражданского кодекса КНР и закона КНР «О защите персональной информации»

© А. В. Ынтаев

магистрант 2-го года обучения,
Юго-Западный университет политики и права
Китай, г. Чунцин
yntaev@mail.ru

В статье анализируется соотношение Гражданского кодекса КНР и Закона КНР «О защите персональной информации» как двух ключевых актов в системе защиты персональных данных в Китае. Основное внимание уделяется их правовой природе, системной взаимосвязи и правилам применения. Рассматриваются различные подходы, выдвигаемые в доктрине китайского права. Делается вывод о многоуровневой модели регулирования, обеспечивающей согласованность и эффективность защиты персональной информации.

Ключевые слова: Гражданский кодекс КНР, Закон о защите персональной информации, соотношение законов, частное право, публичное право.

On the relationship between the Civil Code of the People's Republic of China and the Law of the People's Republic of China «On the Protection of Personal Information»

A. V. Yntaev

2nd-year master's student,
Southwestern University of Politics and Law
China, Chongqing
yntaev@mail.ru

The article examines the relationship between the Civil Code of PRC and the Personal Information Protection Law as two core legal instruments governing personal data protection in China. It focuses on their legal nature, systematic interaction and rules of application. Various doctrinal approaches are analyzed. The study concludes that a multi-layered regulatory model ensures coherence and effectiveness in personal information protection.

Keywords: Civil Code of PRC, Personal Information Protection Law, relationship between laws, private law, public law.

Защита персональных данных в Китае характеризуется наличием в правовой системе двух ключевых нормативных «центров». Гражданский кодекс КНР (далее — Гражданский кодекс) в Общих положениях и разделе о личных неимущественных правах закрепляет принципы и положения о защите персональной информации (перевод с китайского 个人信息, «информация» и «данные» используются как взаимозаменяемые), тогда как Закон КНР «О защите персональной информации» (中华人民共和国个人信息保护法) (далее — Закон) формирует относительно целостную систему, охватывающую права, обязанности, надзор и ответственность в данной сфере. Это приводит к тому, что оба закона могут применяться одновременно в рамках одной и той же ситуации.

В доктрине сложилось множество подходов вокруг юридической природы, положения в системе и порядка применения этих актов. На практике также возникает неопределенность и затруднения относительно их применения и сочетания.

Гражданский кодекс определяется как основополагающий закон гражданского права или «базовый закон частного права», регулирующий личные неимущественные и имущественные отношения между равными субъектами [4, с. 25; 1, с. 112; 3, с. 14]. Он формирует нормативный фундамент системы прав (интересов) в сфере защиты персональной информации.

С точки зрения конкретной роли Гражданского кодекса в регулировании данной сферы можно выделить три аспекта. Во-первых, Гражданский кодекс через Общие положения и раздел о личных неимущественных правах формирует гражданско-правовую основу системы прав (интересов) в сфере персональной информации. В частности, отмечается, что нормы Общих положений имеют характер общих норм и могут применяться при отсутствии специальных, выполняя функцию «базового нормативного резерва» [3, с. 28; 4, с. 34]. Во-вторых, система защиты, предусмотренная Гражданским кодексом ориентирована на восстановление уже нарушенных прав, в отличие от Закона. Как отмечает Чэн Сяо, соответствующие нормы в основном сосредоточены в разделе о личных неимущественных правах и развиваются через институт гражданско-правовой ответственности, защита Закона, в свою очередь, строится как система с превентивной направленностью [1, с. 112].

В-третьих, Гражданский кодекс не является частноправовым актом в чистом виде. Как указывает Ши Цзяю, в кодексе содержится значительное число норм, связанных с обязанностями государственных органов и административным регулированием, что отражает современную тенденцию переплетения публичного и частного права [3, с.18]. Этот аспект имеет принципиальное значение для определения правовой природы кодекса. Даже признавая его базовым актом частного права, нельзя рассматривать его как замкнутую систему, полностью изолированную от публично-правовых элементов. Это базовый преимущественно частноправовой закон, который обеспечивает открытую нормативную систему и содержит общие для сферы защиты персональной информации положения.

Достаточно единодушно характеризуется Закон как акт смешанного, комплексного и отраслевого характера, включающий частноправовые и публично-правовые по своей природе нормы, охватывающий обязанности государства по защите, надзор, ответственность и механизм защиты, в том числе гражданско-правовой, представляя собой типичный пример закона, основанного на «координации публичного и частного начала» [3, с. 15; 2, с. 61; 4 с. 25]. Относительно соотношения публичного и частноправового элементов по оценке Шицзяю закон преимущественно содержит частноправовые нормы (примерно две трети) [3, с. 15]. Данный вывод частично объясняет почему в доктрине активно обсуждается «частноправовое измерение» Закона. В свою очередь, Чжэн Сяоцзянь указывает на то, что, даже признавая наличие в законе значительного числа частноправовых норм, нельзя отождествлять его со «специальным законом гражданского права». Это связано с тем, что он регулирует также деятельность государственных органов по обработке персональной информации и включает обширный массив норм административно-правового характера, в том числе норм об административной ответственности, что в совокупности придает ему характер комплексной правовой конструкции, выходящей за рамки одной отрасли [5, с. 58].

Таким образом, оба закона содержат элементы публичного и частного права, однако характер и степень их переплетения различаются.

Что касается системной взаимосвязи законов, в доктрине можно выделить как минимум четыре подхода. Следует отметить, что они не являются взаимоисключающими.

Первый подход предполагает, что между частноправовыми нормами двух законов складывается соотношение общего и специального закона. Если Закон содержит специальную норму, применяется она, если отсутствует, то применяется Гражданский кодекс. При этом Ши Цзяю специально подчеркивает, что различие между общим и специальным законом не означает иерархического подчинения и не предполагает статуса «вспомогательного» закона; это лишь инструмент разрешения коллизий. Искусственное разделение или противопоставление двух актов подрывает согласованность правовой системы и в конечном счете вредит защите персональной информации [3, с. 32].

Позиция Ван Лимина, в целом, совпадает с данным подходом, однако акцент смещается на роль рамочного закона и интерпретационную роль Гражданского кодекса. Он прямо указывает, что Закон является комплексным актом, а его частноправовые нормы соотносятся с нормами кодекса как специальные с общими. При этом именно Гражданский кодекс определяет правовую природу персональной информации и ее место в системе гражданских прав (интересов), закрепляет ценностную основу в виде достоинства личности и тем самым служит фундаментом для толкования и применения Закона «О персональной информации» [4, с. 26–27].

В рамках подхода «отраслевой комплексный закон» Закон понимается как конкретизация и развитие положений Гражданского кодекса, тогда как сам кодекс устанавливает базовые принципы, ценностные ориентиры и основу гражданско-правовой защиты в данной сфере. Преимуществом данного подхода является его практичность, он позволяет сформулировать четкое правило применения: есть норма в Законе — применяется она, если нет, то применяется кодекс. Одновременно этот подход подразумевает системность и толкование в рамках системы, не допускающее разрыва между двумя законами и предотвращающее ориентацию только на Закон или только на Гражданский кодекс.

Ван Лимин использует понятие «отраслевого закона» (в значении сферы, а не отрасли права) для характеристики персональной информации: он включает как частноправовые, так и публично-правовые нормы. По его приблизительным подсчетам около 53 норм Закона по своей природе являются гражданско-правовыми и должны толковаться и применяться в рамках системы Гражданского кодекса [4, с. 25]. В сущности, такой подход ограничивает применение правила «общий-специальный закон» только частноправовыми нормами Закона «О персональной информации», одновременно признавая, что он содержит значительный массив публично-правовых норм и не может рассматриваться как традиционный специальный акт гражданского права.

Более жесткую позицию занимает Чжэн Сяоцзянь. По его мнению, Закон не является специальным по отношению к Гражданскому кодексу, а представляет собой комплексную правовую конст-

рукцию, выходящую за рамки деления на отрасли и регулирующую как деятельность государственных органов, так и поведение частных субъектов. При этом Чжэн не отрицает саму логику приоритета специальных норм. Он также признает, что Закон содержит множество частноправовых норм, которые по отношению к общим положениям Гражданского кодекса могут рассматриваться как специальные. В случаях противоречия между частноправовыми нормами Закона и Гражданского кодекса приоритет должен отдаваться именно специальным нормам. В иных случаях коллизии подлежат разрешению индивидуально, без универсального подхода.

Ценность данного подхода для системного анализа взаимосвязи данных актов заключается в том, что он разделяет дискуссию на два уровня. Во-первых, является ли Закон специальным по отношению к Гражданскому кодексу (ответ — нет). Во-вторых, как соотносятся частноправовые нормы Закона с нормами кодекса (ответ — возможен приоритет специальных норм, но без автоматического применения этого принципа ко всем случаям).

Третьим подходом является модель параллельного применения. До принятия Основ гражданского законодательства КНР (中华人民共和国民法总则) в гражданском праве не существовало норм о защите персональной информации. С принятием Гражданского кодекса, в котором в разделе о личных неимущественных правах одновременно закреплены нормы о неприкосновенности частной жизни и защите персональной информации возникла модель перекрестного применения, что привело к институциональным несоответствиям и неопределенности правоприменения [6, с. 1170]. В связи с этим Чжоу предлагает придерживаться модели параллельного применения, то есть выстраивать соотношение Закона и Гражданского кодекса таким образом, чтобы разные механизмы выполняли собственные функции, формируя в совокупности многоуровневую систему регулирования на основе взаимодействия публичного и частного права [6, с. 1171, с. 1187]. Если полностью подчинить защиту персональной информации, то из-за сложности доказывания элементов гражданско-правовой ответственности таких как вред, вина и причинная связь, значительное число дел может остаться без эффективной защиты. Поэтому на институциональном уровне необходимо в большей степени задействовать публично-правовые механизмы, а также строить регулирование вокруг соблюдения нормативных требований и предотвращения нарушений [6, с. 1185].

Этот подход не находится в прямом противоречии с моделью «общий закон — специальный закон». Здесь также не отрицается роль Гражданского кодекса в сфере персональной информации, но подчеркивает, что границы и логика применения публично-правовых или частноправовых механизмов не должны размываться через неконтролируемое перекрестное применение.

Чэн Сяо для разрешения вопроса о соотношении Гражданского кодекса и Закона «О персональной информации» предлагает методологию типологического анализа. Поскольку оба закона совпадают по целям, но различаются по предмету регулирования и способам защиты, их соотношение нельзя свести к принципу «общий — специальный закон», ни к модели «параллельных базовых актов». Необходимо рассматривать различные типы ситуаций по отдельности, чтобы обеспечить корректное применение норм в судебной и административной практике [1, с. 114].

Дин Сяодун развивает эту линию, предлагая «институциональный (модульный)» подход. Он исходит из того, что ключевое различие между защитой неприкосновенности частной жизни и защитой персональной информации заключается в типе регулируемых отношений. Первый тип связан с межличностными отношениями и их нарушениями, второй тип с отношениями по обработке персональной информации, имеющими характер «человек — система (обработчик информации)» [2, с. 73]. Он предлагает рассматривать нормы о защите персональной информации в Гражданском кодексе и Закон как элементы единого институционального модуля и выбирать применимую норму с учетом целей, роли органов власти и сочетания правовых механизмов.

Китайская модель защиты персональной информации порождает специфическую проблему исключений из сферы действия Закона «О защите персональной информации» (ст. 72 Закона) и продолжающегося действия Гражданского кодекса. В отличие от ряда зарубежных правовых порядков, где регулирование защиты персональных данных не встроено в систему гражданского права, в КНР даже при исключении действия специального закона сохраняется потенциальная применимость норм Гражданского кодекса. Это обусловлено тем, что в кодексе не содержится подобный механизм исключения действия. В результате возникает противоречие. Если исключение действия Закона не влечет ограничение применения Гражданского кодекса, то такое исключение теряет свое значение, поскольку нормы фактически дублируются в кодексе.

Данный подход позволяет снять вышеобозначенное противоречие. Ключевым критерием следует считать не формальную сферу действия закона, а характер регулируемых отношений. Гражданский кодекс направлен на регулирование отношений между равными субъектами, в то время как Закон ре-

гулирует отношения по обработке персональной информации, возникающих в условиях информационного неравенства сторон, включая деятельность государственных органов. Из этого следует, что исключение действия Закона не создает правового вакуума и не требует искусственного исключения действия Гражданского кодекса, а означает что когда соответствующие отношения квалифицируются не как отношения по обработке персональной информации в смысле Закона, а как иные (прежде всего гражданско-правовые), то они подлежат регулированию исключительно нормами Гражданского кодекса. Примером такой ситуации служат ситуации обработки персональной информации в рамках личных или семейных дел физическими лицами. Сохранение нормативных требований по получению согласия соответствующего лица привело бы к абсурдной противоправности в повседневных делах.

Таким образом, проблема дублирования норм и проблемы «исключений» снимается за счет перехода от формально-иерархического к типологическому подходу, так как законы не находятся в состоянии нормативной конкуренции, а распределяют между собой в зависимости от их правовой природы. Проанализировав вышеуказанные подходы, можно сделать вывод, что их основное различие состоит в степени приоритета Закона и роли гражданского права в системе защиты прав на персональную информацию. В связи с этим можно сформулировать комбинированный подход, сочетающий элементы вышеобозначенных подходов. Во-первых, на уровне частноправовых норм допустимо использовать модель «общий — специальный закон». Во-вторых, с точки зрения всей системы Закон не может быть сведен к специальному акту гражданского права, его комплексный характер продиктован наличием публично-правовых элементов, создающих особенности сферы обработки персональной информации. В-третьих, решение о применении норм должно строиться с учетом типа регулируемого отношения, когда в межличностных и равноправных отношениях действует логика гражданского права, а в отношениях по обработке персональной информации логика специального регулирования. Такая многослойность позволяет как избежать разрыва между двумя ключевыми актами, так и чрезмерного слияния, обеспечивая согласованность системы законодательства о защите персональной информации.

Литература

1. 程啸. 论《民法典》与《个人信息保护法》的关系 [О соотношении Гражданского кодекса и Закона о защите персональной информации] // 社会科学文摘. 2022. 第11期. С. 112–114.
2. 丁晓东. 隐私权保护与个人信息保护关系的法理 — 兼论《民法典》与《个人信息保护法》的适用 [Правовая теория соотношения защиты права на частную жизнь и защиты персональной информации — к вопросу о применении Гражданского кодекса и Закона о защите персональной информации] // 法商研究. 2023. 第40卷第6期. С. 61–74. DOI:10.16390/j.cnki.issn1672-0393.2023.06.012.
3. 石佳友. 个人信息保护的私法维度—兼论《民法典》与《个人信息保护法》的关系 [Частноправовое измерение защиты персональной информации — к вопросу о соотношении Гражданского кодекса и Закона о защите персональной информации] // 比较法研究. 2021. 第5期. С. 14–32.
4. 王利明. 论《个人信息保护法》与《民法典》的适用关系 [О соотношении применения Закона о защите персональной информации и Гражданского кодекса] // 湖湘法学评论. 2021. 第1卷第1期. С. 25–35.
5. 郑晓剑. 论《个人信息保护法》与《民法典》之关系定位及规范协调 [О позиционировании соотношения Закона о защите персональной информации и Гражданского кодекса и координации норм] // 苏州大学学报(法学版). 2021. 第8卷第4期. С. 55–63. DOI:10.19563/j.cnki.sdfx.2021.04.005.
6. 周汉华. 平行还是交叉：个人信息保护与隐私权的关系 [Параллель или пересечение: соотношение защиты персональной информации и права на частную жизнь] // 中外法学. 2021. 第33卷第5期. С. 1167–1187.

Изъятие земельных участков в России и странах Азии© **Б. Б. Янжинов**

магистрант 2-го года обучения,
Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
byanzhinov@mail.ru

В статье рассматривается законодательство Российской Федерации и правовых систем стран Азии, регулирующего институт изъятия земельных участков. Разбирается специфика регулирования института в азиатских правовых системах в сравнении с правовой системой России. Методы исследования: анализ, синтез, сравнительно-правовой, догматический.

Ключевые слова: правовая система, земельный участок, изъятие.

The seizure of land plots in Russia and Asian countries**B. B. Yanzhinov**

Master's student in the 2nd year of study
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
byanzhinov@mail.ru

This article examines the legislation of the Russian Federation and Asian legal systems regulating land expropriation. The specifics of regulation in Asian legal systems are examined in comparison with the Russian legal system. Research methods include analysis, synthesis, comparative legal analysis, and dogmatic analysis.

Keywords: legal system, land, expropriation.

По замечанию И.А. Покровского «недвижимость есть не только частное, но и национальное достояние» [4, с. 192]. Указанное положение является основанием для существования ограничений субъективного права собственности лиц на недвижимость и возникновения вопроса о балансе публичных и частных интересов в земельных правоотношениях. Наиболее ярко противостояние интересов проявляется в институте изъятия земельных участков. При этом регулирование указанного института разнится в зависимости от политики права в каждой правовой системе. Таким образом, **целью** настоящего исследования является сравнение правового регулирования института изъятия земельных участков в правовых системах России и стран Азии. **Объект** исследования — институт изъятия земельных участков в России и странах Азии. **Предмет** исследования — законодательство России и стран Азии об институте изъятия земельных участков.

Для дальнейшего раскрытия предмета исследования необходимо определить содержание института изъятия земельных участков в России. Исходя из глав VII, VII.1 Земельного кодекса РФ (далее — ЗК РФ) можно выделить следующие основные группы юридических фактов этого института: основания изъятия земельных участков, процедуры изъятия, защита интересов правообладателей [2]. Таким образом, основой сравнительного исследования будут выступать вышеуказанные группы юридических фактов.

Под изъятием земельных участков понимается принудительное прекращение права частной собственности на земельный участок [3, с. 96]. Основные виды изъятия (основания изъятия) перечислены в главе VII ЗК РФ: 1) для государственных и муниципальных нужд; 2) в связи с неиспользованием земельного участка по целевому назначению либо нарушением земельного законодательства; 3) реквизиция; 4) конфискация. Наибольшее количество научных публикаций связано именно с изъятием земельных участков для государственных и муниципальных нужд, как не связанного с противоправным поведением правообладателя и чрезвычайными ситуациями.

В соответствии с ч. 3 ст. 35 Конституции РФ принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения [1]. Известно, что в законодательстве России отсутствует определение государственных и муниципальных нужд, что, по мнению исследователей, считается весомым правовым пробелом, позволяющим властным субъектам большую дискретность при осуществлении своих полномочий. В отсутствие легального понятия суды самостоятельно толкуют нормы права, так, в Определении ВС РФ от 27 октября 2015 г. N 309-КГ15-5924 указывается, что «под государственными или муници-

пальными нуждами, в частности, могут пониматься потребности публично-правового образования, удовлетворение которых направлено на достижение интересов общества (общественно-полезных целей), но является невозможным без изъятия имущества, принадлежащего частному субъекту» [15].

Похожие понятия можно найти в доктрине, так, по мнению Тоточенко Д.А., под государственными и муниципальными нуждами следует понимать потребности РФ, субъекта РФ или муниципалитета в имуществе частных субъектов для обеспечения общественных интересов, удовлетворить которые невозможно без принудительного изъятия этого имущества в соответствии с действующим законодательством при соблюдении баланса частных и публичных интересов [8, с. 2]. Действительно ли законодательное закрепление указанного понятия в способности решить проблему баланса частных и публичных интересов? Общественные интересы — это крайне растяжимое понятие, и при необходимости ими можно обосновать интересы, напрямую не связанные с благом общества. Таким образом, вопрос является спорным, как видится, приоритетным направлением исследований является проработка условий изъятия, процедурных особенностей изъятия и компенсации правообладателям.

Примечательно, что, как правило, в правовых системах стран Азии изъятие земельных участков не связывается с государственными и муниципальными интересами. Так, в ч. 3 ст. 23 Конституции Южной Кореи указано: «Конфискация, использование или ограничение частной собственности в целях общественной необходимости, а также полагающаяся при этом компенсация регулируется законодательством». По ст. 29 Конституции Японии: «Частная собственность может быть использована в общественных интересах за справедливую компенсацию». Терминология же государственных интересов в изъятии земельных участков характерна для некоторых постсоциалистических стран, например, для Вьетнама и Монголии [10, с. 1].

По мнению некоторых исследователей, использование в отечественном законодательстве понятия государственных и муниципальных интересов представляет собой идеологическую, психологическую ошибку, символизирующую наследие советского прошлого, которое ассоциируется у людей не с общенародным благом, а с «частным» интересом государства [6, с. 3]. Указанное замечание стоит принять во внимание, поскольку истинным назначением рассматриваемого института должно быть достижение общественно полезной цели и, в конечном счете, повышение благосостояния общества.

В России искомая общественно полезная цель обеспечивается закреплением оснований и условий изъятия земельных участков. Основополагающими являются ст. 49 ЗК РФ, содержащая открытый перечень оснований для изъятия земельных участков, и ст. 56.3 ЗК РФ, содержащая условия для изъятия земельных участков. Под основаниями изъятия земельных участков понимаются «закрепленные в федеральном законе случаи, в которых имущественные права собственников, землевладельцев, землепользователей и арендаторов земельных участков могут быть прекращены в принудительном порядке в целях удовлетворения определенных государственных или муниципальных интересов» [7, с. 21]. К этому определению можно добавить указанный в ст. 49 ЗК РФ признак исключительности (т.е. невозможности удовлетворения интересов иным способом). В ст. 49 ЗК РФ к таким основаниям относятся: 1) исполнение международных договоров; 2) строительство объектов федерального, регионального, местного значения из перечня; 3) иные основания, предусмотренные федеральными законами.

При этом существует неопределенность во втором основании изъятия по вопросу об открытом или закрытом характере перечня объектов государственного или местного значения. П. 2 ст. 49 ЗК РФ не содержит указаний на возможность дополнения перечня объектов, т.е. предполагается, что указанный перечень носит закрытый характер. Например, в перечне объектов отсутствуют здания для обеспечения деятельности государственных и муниципальных органов. Между тем, в Кассационном определении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2022 N 48-КАД22-11-К7 указана позиция о необходимости системного толкования указанной нормы во взаимосвязи с ФЗ N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. Из чего следует, что «поскольку здание для размещения администрации муниципального района необходимо для обеспечения деятельности органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения муниципального района, оно относится к объектам местного значения» [14].

К иным основаниям изъятия земельных участков можно отнести принятие решения о комплексном развитии территории (ч. 7 ст. 65 ГрК), порядок такого изъятия установлен ст. 56.12 ЗК РФ. Если кратко, то при комплексном развитии территорий порядок изъятия земельных участков является упрощенным (отсутствие требования соответствия градостроительным документам, сокращенные сроки ответа правообладателей и т.д.). Также основание изъятия может быть предусмотрено специально созданным для этого НПА, например, Федеральный закон «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу конфедераций FIFA 2017 г. и о внесении изменений в от-

дельные законодательные акты Российской Федерации» от 7 июня 2013 г., по которому земельные участки изымались в целях строительства инфраструктурных объектов — футбольных полей и т.д. [3].

Под условиями изъятия земельных участков понимается соответствие изъятия земельных участков определенным в ст. 56.3 ЗК РФ документам, обосновывающих их изъятие. Так, в соответствии с п.1 указанной статьи строительство объектов федерального, регионального, местного значения должно соответствовать документам территориального планирования и документации по планировке территории.

Далее рассмотрим основания изъятия земельных участков в некоторых странах Азии. Как известно, в правовой системе Южной Кореи отсутствует Земельный кодекс, вместо этого там принимаются единичные законы по отдельным институтам земельного права. Так, изъятие земельных участков для публичных нужд регулируется Актом о приобретении и компенсации за землю для проектов публичных работ (Act on Acquisition of and Compensation for Land for Public Works Projects, далее — Акт) от 04.02.2002 г [11]. В ст. 4 указанного закона содержится открытый перечень оснований для изъятия земельных участков, при этом, в отличие от ст. 49 ЗК РФ, сам перечень носит более расширенный характер, так, отдельно выделяются: объекты социальной инфраструктуры (парки, школы, музеи, учреждения здравоохранения и т.д.), промышленные объекты, а также военные объекты. Другие основания изъятия могут быть предусмотрены отдельными актами.

В Японии изъятие земельных участков также регулируется отдельным Законом об изъятии земли (Expropriation of Land Act) от 9 июня 1951 г [13]. Но в отличие от Южной Кореи в ст. 3 этого закона указан закрытый перечень оснований изъятия земельных участков для публичных нужд. В перечень включено 35 оснований, большинство из которых связаны с объектами общественного назначения (мосты, дороги, различные виды коммуникаций), при этом отдельно выделены образовательные учреждения, торговые центры, организации здравоохранения, жилые дома (при количестве помещений больше 50), здания государственных учреждений и т.д. Таким образом, японский правовой порядок демонстрирует другой подход к регулированию оснований изъятия земельных участков, поскольку закрытый перечень оснований (в каких бы то ни было правоотношениях) придает определенность и стабильность положения правообладателей. Между тем, по мнению некоторых исследователей, закрытый перечень оснований может легко превратиться в формальность, при которой не будет осуществляться должная проверка критерия общественной значимости изъятия объекта. Поветкина Е.Л. отмечает, что лучшим критерием проверки наличия оснований для изъятия имущества является общее благо (т.е. действительное удовлетворение интересов неопределенного круга лиц) чем любой закрытый перечень случаев изъятия, поскольку он позволяет осуществлять не формальную, а содержательную проверку правомерности изъятия [6, с. 3]. Вопрос о правильности того или иного подхода может быть предметом дальнейших исследований, но стоит отметить, что закрытый перечень оснований — это исключение из общего правила об открытых основаниях изъятия, который обеспечивает гибкость градостроительной политики государства. Подлежащими рассмотрению также являются вопросы процедуры изъятия, а также защиты интересов правообладателей.

Защита интересов правообладателей в Южной Корее осуществляется в том числе посредством обязательности этапа переговоров. Ч. 3 Акта регламентирован переговорный (консультационный) порядок изъятия и перечень обязательных действий оператора: публикация плана компенсации правообладателям, включающий суммы выплат, время и порядок начислений; уведомление каждого правообладателя. Срок ознакомления с планом компенсации составляет 14 дней, в течение которых правообладатели могут предъявлять свои возражения по стоимости и другим вопросам, после чего заключается соглашение об изъятии земельных участков. Если же согласовать интересы в переговорном процессе не удалось оператор обращается с ходатайством об одобрении проекта к Министру земли, инфраструктуры и транспорта Кореи. Тут можно увидеть некоторые параллели со ст. 56.4 ЗК РФ, в соответствии с которой определенными законодательством организациями подаются ходатайства в соответствующие органы об изъятии участков. Но в Южной Корее уже на этом этапе в процедуре появляется судебный орган — Центральный земельный суд, так как Министр земли направляет проект оператора губернатору соответствующей провинции, мэру города и указанному Центральному земельному суду. Центральный земельный суд в течение 30 дней с момента получения проекта обязан дать свое заключение по вопросам о целесообразности проекта работ, наличия в проекте общественных интересов и т.д. (ст. 30 Акта). По завершении указанного срока Министр вправе принять решение об одобрении проекта работ.

Далее оператор обращается в Центральный земельный суд для получения судебного решения об изъятии земельного участка. Но и в этом случае закон рекомендует создать согласительную комиссию при суде для мирного урегулирования спора (ст. 33 Акта). Вынесенное судебное решение явля-

ется основанием для изъятия земельного участка и выплаты компенсации в размере, определенном в решении. Таким образом, в общих чертах, процедура изъятия земельных участков схожа с российским регулированием, за исключением некоторых сроков регулирования.

В Японии порядок изъятия отличается большим вниманием к регулированию договорного процесса, так, раздел 1 главы 2 Закона об экспроприации земель предусматривает создание медиативной комиссии по ходатайству какой-либо стороны (экспроприатора или правообладателя). В состав указанной комиссии входят 5 человек, при этом один из них должен быть членом Комитета по экспроприации.

Если же стороны готовы заключить соглашение, но не достигли согласия по выкупной цене земельного участка, то возможно создание арбитражной комиссии об определении выкупной цены участка, состоящей из 3 человек из Комитета по экспроприации (раздел 2 главы 2 Закона об экспроприации). В рамках деятельности арбитражной комиссии члены комиссии вправе проводить обследование земельного участка, изучать другие факты, по итогам чего составляется финальный отчет. Таким образом, как видится, добровольный порядок изъятия земельных участков в Японии позволяет правообладателям использовать разные возможности для защиты своих прав и интересов. Такое регулирование, в целом, отражает азиатский (конфуцианский) подход к регулированию споров без обращения в судебные либо административные органы.

Принудительный порядок изъятия в Японии реализуется посредством обращения в Комитет по экспроприации. Но перед этим необходимо получить одобрение проекта работ от Министра земельных ресурсов, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии, который должен дать ответ в течение 3-х месяцев с момента получения заявления (ст. 17 Закона об экспроприации). Проект может быть одобрен если: 1) цель изъятия — общественный интерес; 2) экспроприатор обладает соответствующими проекту возможностями; 3) основание изъятия содержится в закрытом перечне оснований (ст. 20 Закона об экспроприации). При этом по запросу правообладателя Министр земельных ресурсов, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии обязан провести публичные слушания по вопросам проекта. Если все критерии проекта соблюдены, Министр направляет уведомлению мэру соответствующего муниципального образования и губернатору префектуры для согласования проекта. После чего издается публичное уведомление об одобрении проекта (ст. 34.5 Закона об экспроприации).

В течение 1 года после уведомления об одобрении проекта экспроприатор обязан обратиться в Комитет по экспроприации для изъятия земельного участка. Комитет проводит собственное разбирательство и выносит решение, в котором определяется окончательная цена выкупа и срок освобождения земельного участка. Таким образом, в Японии процедура изъятия земельных участков построена на участии в нем административного органа — Комитета по экспроприации, в отличие от России, где предусмотрен судебный порядок изъятия. Представляется, что специализированный орган по изъятию позволяет обеспечить оперативное и профессиональное решение градостроительных задач.

Отдельного внимания также заслуживает вопрос о расчете компенсации правообладателям. В Южной Корее по ст. 16 Закона о введении в действие Акта (Enforcement Rules of the Act on Acquisition of and Compensation for Land for Public Works Projects) размер компенсации — это среднее арифметическое значение не менее двух стоимостных величин от каждого оценщика [12]. В России сумма компенсации основана на отчете независимого оценщика и правовое регулирование не предполагает возможности заказа оценки правообладателем. В части 6 Акта также подробно урегулированы виды убытков, которые могут возникнуть у правообладателей и других заинтересованных (в т.ч. коммерческие потери, затраты на переселение, потеря стоимости прилегающих участков и т.д.). По ст. 40 Акта компенсация должна быть уплачена не позднее даты начала экспроприации (даты, указанной в решении Центрального земельного суда).

Стоит отметить, что в части 8 Акта Южной Кореи дополнительно регламентирована возможность возвращения земельного участка лицу, у которого был изъят земельный участок, в течение 10 лет. Аналогичный правовой механизм предусмотрен ст. 105 Закона об изъятии земель Японии, по которой экспроприатор обязан вернуть изъятые земельные участки бывшим правообладателям за сумму компенсации. При этом отечественное законодательство не содержит подобного правового механизма отмены решения об изъятии земельного участка и поворота исполнения решения суда путем возврата земельного участка бывшему правообладателю, не установлена ответственность государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц за использование изъятых земельных участков не в соответствии с целями изъятия [9, с. 4].

Особенностью компенсации в Японии является возможность ее выплаты до принятия решения об изъятии, но после одобрения самого проекта. Правообладатель вправе подать соответствующий запрос, а экспроприатор обязан на основе собственной оценки выплатить компенсацию (ст. 46 Закона

об экспроприации). Несколько отличается порядок защиты правообладателей земельных участков. В России решение об изъятии земельного участка может быть обжаловано в течение 3 месяцев с момента уведомления правообладателя (п. 14 ст. 56.6 ЗК РФ), судебное решение может быть обжаловано в апелляционном и кассационном порядке. В Акте Южной Кореи указан срок обжалования решения Центрального земельного суда, составляющий 30 дней с момента получения копии решения правообладателем (ст. 81 Акта). Указанная жалоба подается в Центральный земельный суд. После жалобы в Центральный земельный суд правообладатель, оператор и другие заинтересованные лица вправе обжаловать решение в специализированных административных судах в течение 90 дней со дня получения копии первоначального решения Центрального земельного суда (ст. 85 Акта).

В Японии обжалованию решений посвящена ч. 10 Закона об экспроприации и предусматривает обжалование как решения об одобрении проекта, так и решения об изъятии земельного участка. Ст. 130 регламентирует административный порядок обжалования и указывает на 30-дневный срок подачи возражений на решение об одобрении проекта Министру земли, инфраструктуры, транспорта и туризма и 3-месячный срок на подачу возражений на решение Комитета по экспроприации. В то же время возможен и судебный порядок обжалования, которому посвящена ст. 133 Закона: 3 месяца на обжалование решения Комитета по экспроприации и 6 месяцев на обжалование решения о величине компенсации.

Таким образом, сравнительно-правовое исследование правовых систем России, Южной Кореи и Японии показало, что институт изъятия земельных участков во многом зависит от политики права. Положительным аспектом азиатских правовых систем является унификация всех правовых норм об изъятии в одном законодательном акте, что соответствует правилу системности в юридической технике. Законодательные акты Южной Кореи и Японии содержат объемный массив правил: от процедуры обследования участка до возможности обратного выкупа земельного участка. При этом, анализ Акта о приобретении и компенсации за землю для проектов публичных работ Южной Кореи показал, что правовое регулирование изъятия земельных участков является более гибким, о чем свидетельствуют открытый перечень оснований изъятия, небольшие сроки на публичное ознакомление с проектом работ. В то время как Закон об изъятии земель Японии направлен скорее на эффективную защиту правообладателей и справедливое возмещение за изъятие участков, о чем свидетельствуют закрытый перечень оснований изъятия, регламентация договорного порядка изъятия (медиация, независимый арбитраж), возможность проведения публичных слушаний и т.д.

Литература

1. Земельное право России: учебник для вузов / А. П. Анисимов, Ю. И. Исакова, А. Я. Рыженков, С. А. Чаркин; под ред. А. П. Анисимова. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2025. 287 с. (Высшее образование). URL: <https://urait.ru/bcode/569474/p.2> (дата обращения: 12.04.2026).
2. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Москва: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998. 353 с.
3. Поветкина Е. Л. Изъятие имущества для публичных нужд: цивилистические устои и современные тенденции // Закон. 2014. № 2.
4. Сониная Д. Д. Правовые проблемы принудительного прекращения прав на землю в РФ: дис. ...канд. юр. наук. Москва, 2012.
5. Тоточенко Д. А. Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Нотариус. 2021. № 7.
6. Шацкая М. Г. Критерии определения оснований изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд в российском законодательстве // Экологическое право. 2019. № 2.
7. Шмакова Е. Б. Общественный интерес как условие изъятия собственности в конституциях зарубежных стран // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 6.
8. Act on Acquisition of and Compensation for Land for Public Works Projects, Feb. 4, 2002. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/kor136747.pdf> (access 11.04.2026).
9. Enforcement Rules of the Act on Acquisition of and Compensation for Land for Public Works Projects. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/kor167977.pdf> (access 11.04.2026).
10. Expropriation of Land Act June 9, 1951. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3255/en> (access 11.04.2026).
14. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2022 N 48-КАД22-11-K7. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-01062022-n-48-kad22-11-k7/> (дата обращения 12.04.2026).
15. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.10.2015 № 309-КГ15-5924. URL: <https://base.garant.ru/71240676/> (дата обращения 12.04.2026).

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В АЗИИ

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND FORENSIC PROBLEMS OF COMPARATIVE LAW IN ASIA

УДК 343.35

Ответственность за дезертирство в уголовном законодательстве Российской Федерации и Китайской Народной Республики: сравнительно-правовой анализ

© В. А. Бондарь
магистрант 1-го курса,
Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
bondarpapa@mail.ru

В статье автор приводит сравнительно-правовой анализ статей Уголовных кодексов РФ и КНР, посвященных уголовной ответственности за дезертирство. Предлагаются меры предупреждения данного преступления, в том числе те, которые можно позаимствовать из положительного опыта Китая. Значительное внимание уделено вопросам патриотического воспитания. В работе применены такие методы, как метод сравнительного правоведения, анализа, формально-юридический метод.

Ключевые слова: дезертирство, предупреждение дезертирства, уголовная ответственность, Уголовный кодекс РФ, Уголовный кодекс КНР, патриотическое воспитание.

Liability for desertion in the criminal legislation of the Russian Federation and the People's Republic of China: a comparative legal analysis

V. A. Bondar
First-year Master's student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
bondarpapa@mail.ru

In the article, the author provides a comparative legal analysis of articles of the Criminal Codes of the Russian Federation and the People's Republic of China on criminal liability for desertion. Measures are proposed to prevent this crime, including those that can be borrowed from the positive experience of China. Considerable attention is paid to the issues of patriotic education. The paper uses such methods as the method of comparative law, analysis, and the formal legal method.

Keywords: desertion, prevention of desertion, criminal liability, Criminal Code of the Russian Federation, Criminal Code of the People's Republic of China, patriotic education.

Актуальность исследования обусловлена тем, что дезертирство является одним из самых опасных и часто встречающихся преступлений против военной службы. Оно посягает не только на порядок прохождения службы, но и на конституционные основы Российского государства, препятствует полноценной защите и обороне страны и ее населения, что особенно актуально в период проведения специальной военной операции (далее — СВО). Китай же обладает одной из самых мощных армий мира, и его позиции на мировой арене продолжают укрепляться, поэтому нужно провести сравнительно-правовой анализ ответственности за дезертирство по Уголовному кодексу Российской Федерации (далее — УК РФ) и Уголовному кодексу Китайской Народной Республики (далее — УК КНР), а также обозначить меры противодействия дезертирству в армии Китая, которые можно применять в России.

Народно-освободительная армия Китая (далее — НОАК) крупнейшая в мире, это примерно 2 035 000 человек. Однако боевой опыт который у китайской армии отсутствует. Военная мощь России также

значительно высока из-за её большого ядерного арсенала и ракетных систем. В целом в рейтинге сильнейших армий мира Россия традиционно занимает второе место, а Китай — третье [6].

Было выявлено, что данное деяние в законодательствах этих стран трактуется по-разному, и уголовная ответственность за него отличается. В УК РФ есть ст. 338, которая гласит, что дезертирство — это самовольное оставление части или места службы в целях уклонения от прохождения военной службы, а равно неявка в тех же целях на службу. В соответствии с ч. 1 оно наказывается лишением свободы на срок до семи лет, а если оно совершено с оружием, вверенным по службе, или группой лиц по предварительному сговору или организованной группой — до десяти лет [1]. В ст. 338 УК РФ была введена ч. 3, которая гласит, что деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, наказываются лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет, это тяжкое преступление (ФЗ от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и ст. 151 УПК РФ») [3]. Мы считаем эту поправку оправданной в современных условиях, и количество дезертирств может снижаться.

Глава 10 Уголовного кодекса КНР носит название «преступления военнослужащих против воинского долга». В УК КНР понятия «дезертирство» или «самовольное оставление части или места службы» не содержится. Интересно, что положения о дезертирстве содержатся не в одной статье, а в нескольких: проявление трусости на поле боя, самовольное оставление оружия и капитуляция перед противником, — наказываются лишением свободы на срок от 3 до 10 лет; при отягчающих обстоятельствах, — лишением свободы на срок свыше 10 лет, бессрочным лишением свободы или смертной казнью; работа на противника после капитуляции, — лишением свободы на срок свыше 10 лет, бессрочным лишением свободы или смертной казнью (ст. 423 УК КНР); оставление поля боя накануне сражения в военное время, — наказывается лишением свободы на срок до 3 лет; то же деяние при наличии серьезных обстоятельств, — лишением свободы на срок от 3 до 10 лет; то же деяние, приведшее к серьезным потерям при ведении операции, военных действий, — лишением свободы на срок свыше 10 лет, бессрочным лишением свободы или смертной казнью (ст. 424 УК КНР); самовольное оставление своего поста, измена и бегство за границу или измена и невозвращение из-за границы в период несения государственной службы, нанешие вред военным интересам государства, — наказываются лишением свободы на срок до 5 лет или арестом; при отягчающих обстоятельствах, — лишением свободы на срок свыше 5 лет; пилот воздушного судна, командир военного корабля, совершившие измену и бегство, или другие действия при иных особо отягчающих обстоятельствах, — наказываются лишением свободы на срок свыше 10 лет, бессрочным лишением свободы или смертной казнью (ст. 430 УК КНР); бегство из военной части в нарушение Закона о воинской повинности, при отягчающих обстоятельствах, — наказывается лишением свободы на срок до 3 лет или арестом, а совершенное в военное время — лишением свободы на срок от 3 до 7 лет (ст. 435 УК КНР) [2]. В УК РФ же нормы о дезертирстве содержатся в одной статье. В соответствии со ст. 62 Закона КНР о воинской обязанности, военнослужащие привлекаются к административной ответственности, когда отказываются от исполнения служебного долга в целях уклонения от военной службы и совершают дезертирство без отягчающих обстоятельств. Отличие заключается и в том, что в России административная ответственность за дезертирство не предусмотрена. В Китае нет кодекса об административных правонарушениях отсутствует, есть подзаконные нормативно-правовые акты, большую часть которых составляют акты Государственного совета КНР (правительство КНР).

Сравним размер наказания за дезертирство по законодательству КНР и законодательству РФ. Можно отметить, что в Китае размер наказания за дезертирство различается в разных статьях, на это влияют различные факторы. Так, за дезертирство в военное время, как и в Китае, предусмотрено более строгое наказание, чем в мирное время, а по некоторым статьям, например, если наступили тяжкие последствия или имели место быть особо отягчающие обстоятельства, может быть назначена смертная казнь. Смертная казнь в Китае одобряется большинством населения, там даже существует телевизионное шоу, в котором показывают последние интервью приговорённых. Но в последние годы появилась тенденция, направленная на смягчение уголовных наказаний. На это повлияла стабилизация внутренней политики и рост благосостояния населения [5, с. 6]. Здесь прослеживается ещё одно важное отличие: в России казнь существует в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни, но на ее применение наложен мораторий, последняя смертная казнь состоялась в 1996 г. Однако по большинству составов перечисленных преступлений в УК КНР всё же предусмотрены менее строгие наказания, чем в УК РФ, особенно по основным составам преступлений: например, бегство из военной части в нарушение Закона о воинской повинности, при отягчающих обстоятельствах, — наказывается лишением свободы на срок до 3 лет или арестом, а совершен-

ное в военное время — лишением свободы на срок от 3 до 7 лет; оставление поля боя накануне сражения в военное время, — лишением свободы на срок до 3 лет и т. д. Для сравнения, по ч. 1 УК РФ за дезертирство предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 7 лет, по ч. 2 — до 10 лет, а по ч. 3 — от 5 до 15 лет. Такие сроки за дезертирство в РФ в военное время оправданы, так как, например, в период проведения специальной военной операции эти преступления особо опасны, они значительно подрывают обороноспособность страны и ставят под угрозу качественную защиту общества и государства.

Интересно, что подобные преступления в КНР случаются довольно редко. Это связано, в первую очередь, с очень жесткой дисциплиной в китайской армии. Там соблюдению дисциплины и подчиненности уделяется особое внимание. Военнослужащие должны соблюдать все указания и правила, установленные командирами. Нарушения могут привести к серьёзным последствиям. Существуют три основных правила дисциплины: во всех своих действиях подчиняться приказам; не берите ни одной иголки или нитки из рук толпы, верните всё; что было захвачено. Значимую роль здесь играет культура и философия страны, обучение и подготовка военных строится на традициях военного искусства, таких как кунг-фу и тайцзицюань. Важное значение имеют принципы марксизма-ленинизма, а также маоизма, так как в КНР правит Коммунистическая партия, дисциплина здесь исторически закрепились в умах военнослужащих и поддерживается на государственном уровне. Китайские военные проходят усиленную идеологическую, патриотическую подготовку. Также 2024 г. для армии КНР был объявлен годом дисциплины, была усилена военная подготовка и обучение солдат. Сейчас НОАК находится на стадии реформирования, идет переосмысление подхода к тренировкам бойцов, совершенствуются методы поддержания физической формы военных. Служба в НОАК сложна и требует высокой физической и моральной подготовки.

Стоит также отметить, что при всеобщей воинской повинности призыв проходит на выборочной основе, что требует от новобранца более высокой подготовки и мотивации, это связано с тем, что численность потенциальных призывников очень велика. В КНР престиж армии крайне высок — это «социальный лифт». Тот, кто служил в китайской армии, считается элитой в обществе. Армия исторически играет важную роль в китайском обществе, считается символом национальной силы и гордостью страны, помогает поддержанию патриотического духа у граждан. Государство предоставляет различные программы и стипендии для военнослужащих. Военные, окончившие службу, имеют возможность получить государственную поддержку в получении высшего образования. У ветеранов есть доступ к различным медицинским услугам. В целом военные в КНР имеют множество различных льгот. Например, с 1 января 2022 г. лечение для всех членов семьи военного стало бесплатным, все это повышает престиж военной службы и способствует предупреждению дезертирств и других преступлений против военной службы. Исходя из вышесказанного, можно отметить, что большинство китайских граждан воспринимают службу как большую привилегию, люди идут туда подготовленными и идеологически мотивированными, поэтому реже совершают дезертирства.

В России в настоящее время количество дезертирств и преступлений против военной службы в целом растёт, поэтому необходимо применять эффективные способы предупреждения этих преступлений. Предлагается обратить внимание на некоторые меры противодействия воинским преступлениям, которые работают и показывают свою эффективность в Китае, и позаимствовать положительный опыт этой страны. Так, из общих мер можно выделить то, что государство должно в целом улучшать жизнь людей, в том числе с помощью экономических мер, что устраняет коренные причины правонарушений. В КНР, как было сказано выше, это действительно помогает бороться с преступностью, в том числе среди военнослужащих. Можно выделить следующие специальные меры. В российской армии должны проводиться организационные, материально-технические, финансовые, жилищные реформы, которые успешно проводятся в Народно-освободительной армии Китая. Например, была оптимизирована структура управления, а также армия стала немного меньше, но сильнее и эффективнее. Необходимо повышение технического оснащения армии, в том числе наличие технически грамотных профессионалов, образованных и культурных людей, которые будут способствовать развитию духовно-нравственной атмосферы. Нельзя не отметить и то, насколько развито техническое оснащение НОАК. Также необходимо кардинально улучшить условия быта, досуга, отдыха, чтобы военнослужащие могли удовлетворять свои потребности законно, увеличить количество культурно-массовых и спортивных мероприятий. Можно позаимствовать у китайской армии идеи для проведения мероприятий: театральные постановки, фильмы, выставки (например, художественных произведений, посвящённых военной тематике), концерты военных оркестров (оркестр китайской армии активно гастролирует с концертами), патриотические собрания, которые проводятся в учебных заведениях, церемонии (например, в День армии Китая проходят различные церемонии, выступления

военных оркестров и военные парады). Также необходимо искоренять притеснения военнослужащих со стороны командиров и дедовщину, но раз уничтожить на корню дедовщину невозможно, нужен поиск вариантов смягчить негативные последствия от нее, например, легализация посвящения новобранца в солдаты, найти способ формализовать традиционные солдатские праздники. Но даже в китайской армии, несмотря на строжайшую дисциплину, дезертирства всё же случаются. Например, в 2013 г. в Интернете появилось видео, на котором старшие солдаты избивают новобранцев, их били головами об стену, избивали палками, связывали, что стало причиной серьезного общественного резонанса даже за пределами Китая. Также в армии должно быть строгое соблюдение законов и устава требований в частях и подразделениях, в т. ч. командирами, а также строгое соблюдение правового положения военнослужащих, забота об их здоровье, питании. К мерам, направленным на предупреждение дезертирства, относятся и повседневное проведение командирами и начальниками воспитательно-профилактической работы с подчиненными, направленной на укрепление воинской дисциплины [5, с. 684]. Все эти меры успешно показали себя в НОАК. Также необходимо развивать институт офицеров-воспитателей, чтобы, особенно в первые месяцы службы, военнослужащим было к кому обратиться для решения какого-либо вопроса.

Как можно увидеть из опыта КНР, возрождение престижа и привлекательности воинской службы крайне важно для предупреждения дезертирств. Можно предложить следующие меры: военнослужащие должны получать существенные льготы при поступлении в высшие учебные заведения; помогать и предоставлять медицинские услуги ветеранам и военнослужащим, как в КНР; рекламировать следует не саму воинскую службу, а профессии, которые она позволяет получить; порядок направления военнослужащих в горячие точки должен соблюдаться и реализовываться только с их письменного согласия. Нужно популяризовать службу в армии, например, недели китайской армии проводятся по всему миру, вооруженные силы Китая популяризуются через массовую культуру. В целом в РФ с началом СВО военная служба рекламируется довольно активно, транслируются идеи престижа службы в армии.

Стоит сказать, что такой строгий отбор подготовленных кандидатов, как отбор в армию Китая, невозможен из-за разницы в количестве потенциальных военных, так как население КНР гораздо больше. Но нужно предпринимать действия, направленные на то, чтобы в российском обществе сформировалось положительное отношение к службе в армии, чтобы звание военнослужащего было связано с гордостью, престижем, тогда военнослужащие будут ценить службу и реже будут совершать воинские преступления.

Огромную роль в высокой или низкой преступности военнослужащих играет патриотический дух страны. В Китае патриотизму уделяется огромное внимание, принимаются различные законы о патриотическом воспитании. Студенты проходят здесь обязательный курс по истории партии, который иногда включает ночевку в пещере, они ходят по городу в голубой армейской униформе и фуражках с красными звездами, с портфелями с изображением Мао Цзэдуна. И, как уже говорилось, китайские военные проходят усиленную идеологическую, патриотическую подготовку. Предлагаются следующие способы повышения эффективности патриотического воспитания молодежи в современных условиях. Во-первых, разработка федеральных проектов, направленных на воспитание патриотов России. Во-вторых, повышение привлекательности службы в глазах молодежи. В-третьих, предлагается ввести в школах и средних специальных учебных заведениях начальную военную подготовку. Например, в 1968 г. в советских школах ввели такой предмет, и в каждом учебном заведении был оборудован кабинет с различными плакатами, муляжами оружия, гранат и военруком. В-четвертых, нужно проводить многочисленные интересные молодежные мероприятия по воспитанию любви к Отечеству: разъяснительная работа с учащимися (тематические классные часы, показы военных фильмов, рассказы военнослужащих и ветеранов); моральная подготовка к преодолению сложностей военной службы, молодежные форумы, массовые акции и флешмобы, например, акция «Письмо победы», где нужно написать благодарственное письмо ветерану; профильные смены оздоровительных лагерей и т. п. [4, с. 4]. В современных условиях в нашей стране патриотическому воспитанию уделяется все больше внимания, например, в Бурятии разработана государственная программа патриотического воспитания граждан на период с 2023 по 2027 г. В школах и вузах проводится военно-патриотическая игра «Зарница», благотворно влияющая на становление личности молодежи, организуются встречи детей с ветеранами и участниками СВО, которые рассказывают о военной службе, а с 2022 г. появился новый урок — «Разговоры о важном». В Восточно-Сибирском государственном университете технологий и управления в 2018 г. создан военно-учебный центр, который стал межвузовским. Итак, это должна быть целенаправленная и систематическая деятельность школ, училищ,

техникумов, вузов, различных молодежных организаций и мест отдыха детей и подростков по формированию у молодежи высокого патриотического сознания.

Итак, изучение ответственности за дезертирство в уголовном законодательстве Российской Федерации и Китайской Народной Республики приводит к следующим выводам. Это преступление трактуется по-разному, и уголовная ответственность за него отличается. Именно понятия «дезертирство» в УК КНР нет, а нормы, устанавливающие ответственность за дезертирство, содержатся не в одной статье, а в нескольких. Размер наказания за дезертирство различается в разных статьях, в некоторых случаях наказание более строгое, чем в УК РФ. Но по большинству составов перечисленных преступлений в УК КНР всё же предусмотрены менее строгие наказания, чем в УК РФ. Было выявлено, что большую роль в противодействии воинской преступности играет патриотизм, который прочно закрепился во всех сферах деятельности общества Китая. Выделены преимущества в организации военной службы и воспитании патриотичного общества в Китае, предложены эффективные способы предупреждения данных преступлений, которые можно позаимствовать из позитивного опыта КНР. Мир постоянно меняется, появляются многочисленные новые внешние угрозы, и российская армия всегда должна быть готова встать на защиту Отечества.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.04.2025). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
2. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики // Бизнес в Китае. Гонконгский информационно-аналитический портал. URL: <https://asia-business.ru/law/law1/criminalcode/code/#10/>.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 24.09.2022 № 365-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
4. Бондарь В. А. Способы повышения эффективности патриотического воспитания молодежи для предупреждения дезертирства в российской армии // Первые шаги в науке: материалы II Всероссийской студенческой научной конференции (Курск, 22 ноября 2022 г.) / Курский государственный медицинский университет, Кафедра философии; сост. Т. Д. Мезенцева, отв. ред. Е. С. Кравцова. Курск: Изд-во КГМУ, 2022. С. 16–19.
5. Лунеев В. В. Криминология : учебник для академического бакалавриата. Москва: Юрайт, 2016. 686 с.
6. Pooha.net. URL: <https://pooha.net/society/weaponry/651-army-2025/>.

**Противодействие коррупции в таможенных органах Российской Федерации
и Китайской Народной Республики**

© С. Б. Галданова

магистрант 2-го года обучения,
Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
sgaldanova00@mail.ru

В статье автором проводится анализ правового регулирования противодействия коррупции в таможенных органах Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Коррупция в таможенных органах подрывает финансовую устойчивость государства, напрямую влияет на экономическую безопасность, конкурентоспособность бизнеса. Автором осуществляется оценка мер по противодействию коррупции в таможенных органах Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Несмотря на принимающиеся в настоящее время в таможенных органах Российской Федерации меры по противодействию коррупции, она продолжает видоизменяться и встраиваться в структуру общества. В статье анализируются показатели антикоррупционной работы таможенных органов Российской Федерации и Китайской Народной Республики, делается вывод о необходимости имплементации международного опыта противодействия коррупции в таможенной сфере.

Ключевые слова: уголовная ответственность, противодействие коррупции, взяточничество, коррупционер, таможенные органы.

**Combating corruption in the customs authorities
of the Russian Federation and the People's Republic of China**

S. B. Galdanova

2nd year master's student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
sgaldanova00@mail.ru

In this article, the author analyzes the legal framework for combating corruption in the customs authorities of the Russian Federation and the People's Republic of China. Corruption in customs authorities undermines the financial stability of the state and directly impacts economic security and business competitiveness. The author also evaluates the anti-corruption measures in the customs authorities of the Russian Federation and the People's Republic of China. Despite the measures currently being taken by customs authorities in the Russian Federation to combat corruption, it continues to evolve and become ingrained into the fabric of society. This article analyzes the anti-corruption performance of customs authorities in the Russian Federation and the People's Republic of China, concluding that it is necessary to implement international anti-corruption practices in the customs sector.

Keywords: criminal liability, anti-corruption, bribery, corrupt official, customs authorities.

В Российской Федерации и Китайской Народной Республике сформированы собственные модели антикоррупционного регулирования в таможенной сфере. Они различаются по организационным механизмам, правовым инструментам и административным подходам, что обусловлено особенностями государственного устройства, правовой системы и практики управления в каждой из стран. Вместе с тем общая направленность реализуемых мер является сходной: они ориентированы на снижение коррупционных рисков, повышение открытости таможенных процедур, укрепление внутреннего контроля и обеспечение правомерного поведения должностных лиц при исполнении служебных обязанностей.

Коррупция как социально-экономическое явление оказывает деструктивное воздействие не только на отдельные государства, но и на международное развитие в целом. Она препятствует нормальному функционированию демократических институтов, снижает эффективность экономического роста, усиливает имущественное и социальное неравенство, способствует распространению бедности и обостряет кризисные процессы в экономике. В условиях усложнения коррупционных схем традиционные методы противодействия нуждаются в постоянном обновлении, поскольку преступные практики адаптируются к изменениям законодательства, цифровизации государственного управления и новым формам внешнеэкономической деятельности.

В связи с этим особую актуальность приобретает комплексный подход к антикоррупционной деятельности. Он предполагает не только совершенствование национальных механизмов контроля, но и

развитие международного взаимодействия, обмен информацией, унификацию отдельных процедур и координацию усилий компетентных органов. Только последовательное сотрудничество государств позволяет ограничивать трансграничные коррупционные практики и снижать их влияние на мировую экономическую систему [6, с. 88].

Анализ практики Федеральной таможенной службы Российской Федерации подтверждает, что антикоррупционное направление сохраняет высокую значимость в деятельности ведомства. В 2025 г. по фактам коррупционных правонарушений к уголовной ответственности были привлечены 40 должностных лиц таможенных органов. По сравнению с 2024 г. возросла доля преступлений коррупционной направленности, выявленных ФТС России; данный показатель превысил 90%. Всего за рассматриваемый период в рамках работы по противодействию коррупции было возбуждено 427 уголовных дел, из которых 108 относились к коррупционным преступлениям, а 319 были связаны с иными противоправными деяниями, совершенными как сотрудниками таможенных органов, так и другими лицами. Наряду с уголовно-правовым реагированием значительное внимание уделялось мерам внутреннего контроля. В 2025 г. было проведено более 470 служебных, функциональных и иных проверок. По результатам указанных мероприятий к дисциплинарной ответственности привлечены 424 должностных лица, а 23 сотрудника были уволены со службы. Эти данные свидетельствуют о применении ведомством системного подхода, направленного на выявление нарушений, укрепление служебной дисциплины и повышение ответственности кадрового состава.

Приведенные показатели позволяют сделать вывод о том, что антикоррупционная деятельность Федеральной таможенной службы включает как меры пресечения, так и механизмы профилактического характера. Привлечение 40 должностных лиц к уголовной ответственности и применение дисциплинарных взысканий в отношении более чем 420 сотрудников демонстрируют стремление ведомства к усилению внутреннего контроля, снижению коррупционных рисков и поддержанию надлежащего уровня служебной этики.

Для участников внешнеэкономической деятельности эффективность противодействия коррупции имеет непосредственное практическое значение. Чем ниже уровень коррупционных рисков в таможенной сфере, тем выше прозрачность и предсказуемость административных процедур. Это, в свою очередь, способствует сокращению временных и финансовых издержек бизнеса, ускорению перемещения товаров через границу и формированию более благоприятных условий для развития международной торговли. Следовательно, ограничение коррупционных проявлений в деятельности таможенных органов выступает не только средством укрепления законности внутри ведомства, но и важным фактором повышения устойчивости национальной экономики [9].

Антикоррупционная деятельность Китайской Народной Республики характеризуется высокой степенью институциональной активности и охватывает широкий спектр должностных правонарушений. Особое внимание в КНР уделяется не только выявлению фактов взяточничества, но и пресечению иных форм злоупотребления служебным положением, способных нанести ущерб государственному управлению, экономической стабильности и доверию к органам власти.

Показательным в данном отношении является 2025 г., когда китайскими судами было рассмотрено 36 тыс. дел, связанных со взяточничеством и другими преступлениями коррупционной направленности. По сравнению с предыдущим годом данный показатель увеличился на 22,4%, что позволяет говорить об усилении правоприменительной практики и повышении интенсивности судебного реагирования на должностные преступления. Важным элементом китайской антикоррупционной модели выступает работа по розыску и привлечению к ответственности должностных лиц, уклоняющихся от правосудия. Наряду с этим последовательно развиваются механизмы трансграничного антикоррупционного контроля, что особенно актуально в условиях международного движения капитала, расширения внешнеэкономических связей и усложнения схем сокрытия незаконных доходов. В результате реализации указанных мер в 2025 г. судами Китая были взысканы либо конфискованы незаконно полученные активы на сумму 2,63 млрд долларов. Следовательно, китайская практика противодействия коррупции ориентирована не только на применение наказания к виновным лицам, но и на изъятие экономической выгоды, полученной преступным путем.

Дальнейшее развитие данной политики нашло отражение в проекте 15-го пятилетнего плана развития Китая на 2026–2030 гг. В указанном документе предусматривается усиление контроля в сферах, где концентрируются властные полномочия, значительные финансовые ресурсы и доступ к материальным активам. Такой подход обусловлен тем, что именно данные области обладают повышенной коррупционной уязвимостью и требуют наиболее жесткого государственного надзора. В январе 2026 г. председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что ситуация в сфере противодействия коррупции

остаётся сложной и напряженной, а устранение причин и условий, способствующих ее распространению, представляет собой трудную и многоаспектную задачу [3].

Вопросы противодействия коррупции в таможенной сфере имеют особое значение в контексте российско-китайского экономического взаимодействия. Таможенное администрирование напрямую влияет на устойчивость внешнеторговых связей, поскольку от прозрачности, предсказуемости и эффективности процедур зависят сроки перемещения товаров, финансовые издержки бизнеса и уровень доверия участников внешнеэкономической деятельности к государственным институтам. В 2025 г. объем торговли между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой сократился на 6,9% по сравнению с 2024 г. и составил 228,1 млрд долларов. По данным Главного таможенного управления КНР, экспорт китайских товаров в Российскую Федерацию уменьшился на 10,4% и достиг 103,3 млрд долларов. Импорт из России в Китай также снизился, однако менее значительно: его сокращение составило 3,9%, а общий объем — 124,79 млрд долларов [10]. Указанная динамика подчеркивает необходимость совершенствования таможенных процедур, поскольку даже при устойчивом стратегическом партнерстве административные барьеры и коррупционные риски способны негативно влиять на внешнеторговый оборот.

Оценка коррупционной ситуации в таможенных органах КНР позволяет охарактеризовать ее как относительно умеренную. Согласно имеющимся данным, только две из десяти опрошенных компаний предполагают возможность требования взятки при прохождении таможенных процедур. Наиболее уязвимыми остаются операции, связанные с экспортом и импортом товаров, а также оформление лицензий на осуществление внешнеторговой деятельности. Причинами возникновения коррупционных рисков в данных сферах выступают сложность административных процедур, бюрократические барьеры и значительный объем дискреционных полномочий должностных лиц.

Для Российской Федерации китайский опыт представляет практический интерес, как на уровне стратегического планирования антикоррупционной политики, так и в аспекте повседневной организации работы таможенных органов. Одной из характерных особенностей китайской модели является стремление ограничить административное давление на частный бизнес. В рамках данного подхода основная ответственность за коррупционное взаимодействие возлагается на государственного служащего, поскольку именно он обладает властными полномочиями и обязан действовать в пределах закона.

Антикоррупционная модель КНР отличается высокой строгостью мер ответственности, применяемых к должностным лицам, совершившим коррупционные преступления. Если в российской практике в отдельных случаях возможно применение более мягких процессуальных мер, включая домашний арест, то в Китае подобные деяния, как правило, влекут значительно более суровые последствия. Они могут включать полную конфискацию имущества, обращение взыскания на активы, связанные с родственниками виновного лица, а также пожизненное лишение политических прав.

Особое место в китайской системе наказаний занимает возможность применения высшей меры за наиболее тяжкие коррупционные преступления. С начала 2000-х гг. в КНР были казнены более 10 тыс. чиновников, признанных виновными в коррупционных деяниях. Верховный народный суд КНР и Верховная народная прокуратура КНР определили размер взятки, при котором возможно назначение смертной казни; он составляет 460 тыс. долларов. Несмотря на сохранение коррупционных проявлений в высших эшелонах власти, среди чиновников более низкого уровня масштабы взяточничества заметно снизились. Это во многом объясняется превентивным эффектом строгих санкций и высокой вероятностью наступления ответственности [1, с. 145].

В таможенной сфере Китайская Народная Республика также демонстрирует жесткий подход к нарушениям со стороны собственных служащих. Показательным примером является дело бывшего заместителя главы Главного таможенного управления КНР Сунь Юйнина. Он был отстранен от должности и исключен из Коммунистической партии Китая в связи с коррупционными действиями, выражавшимися в извлечении личной выгоды при предоставлении преференций в ходе таможенных процедур, включая оформление товаров.

Проверка в отношении Сунь Юйнина была начата в сентябре 2024 г. В ходе разбирательства установлено, что он ненадлежащим образом исполнял служебные обязанности, вмешивался в распределение государственных средств и использовал должностное положение в личных интересах. Кроме того, он содействовал третьим лицам при осуществлении импортных и экспортных операций, получая за это имущество в значительных размерах.

Дополнительно было выявлено, что бывший заместитель руководителя таможенного ведомства принимал подарки и соглашался на оплаченные поездки, которые могли повлиять на беспристрастность принимаемых им решений. Также указывалось на использование служебного положения и фи-

нансовых ресурсов для получения услуг личного характера [4]. Данный пример подтверждает, что антикоррупционный контроль в КНР распространяется не только на рядовых сотрудников, но и на представителей высшего управленческого звена таможенной системы.

В системе предупреждения коррупции в таможенных органах Китайской Народной Республики существенное значение придается профессиональной подготовке должностных лиц. Данное направление включает проведение специализированных антикоррупционных семинаров, анализ практических ситуаций, изучение требований служебной этики и правил административного поведения. Подобные мероприятия направлены не только на повышение правовой компетентности сотрудников, но и на формирование устойчивой установки на недопустимость использования должностных полномочий в частных интересах.

Важным элементом китайской модели является развитая нормативная база антикоррупционного регулирования. Таможенными органами КНР было принято более 80 комплексов нормативных актов, регламентирующих различные аспекты служебной деятельности. В их числе стандарты административного поведения, правила профессиональной этики, механизмы внешнего и внутреннего контроля, а также перечни дисциплинарных и административных проступков, влекущих применение мер ответственности. Такая детализация позволяет снизить неопределенность при исполнении должностных обязанностей, ограничить дискреционные полномочия служащих и повысить предсказуемость управленческих решений.

Наряду с правовыми и организационными инструментами в Китае активно используются технологические механизмы профилактики коррупции. Одним из них является система управления рисками, применяемая для выявления наиболее уязвимых участков таможенного администрирования. Ее особенность состоит в том, что она ориентирована не только на контроль участников внешнеэкономической деятельности, но и на обнаружение потенциальных нарушений внутри самой таможенной системы. Тем самым система управления рисками выполняет двойную функцию: обеспечивает контроль за бизнесом и одновременно выступает средством внутреннего антикоррупционного мониторинга [2].

Значительное место в современной практике КНР занимает цифровизация таможенного контроля. Использование роботизированных комплексов позволяет сократить прямое взаимодействие между должностными лицами и участниками внешнеэкономической деятельности. Минимизация личного контакта, в свою очередь, снижает вероятность неформальных договоренностей и создает более прозрачные условия прохождения таможенных процедур. Кроме того, применение искусственного интеллекта расширяет возможности анализа финансовой документации, выявления подозрительных операций и установления признаков, указывающих на возможную связь с коррупционными схемами.

Дополнительным направлением цифрового контроля выступает внедрение технологий биометрической идентификации, включая системы распознавания лиц. Их использование позволяет оперативно устанавливать лиц, находящихся в розыске, и передавать соответствующую информацию компетентным органам. В научной литературе также отмечается, что цифровые инструменты контроля в КНР могут быть связаны с системой социального доверия, применяемой для оценки поведения физических и юридических лиц. В совокупности данные технологии усиливают профилактический потенциал таможенного администрирования и способствуют повышению прозрачности контрольных процедур [5, с. 105].

Вместе с тем зарубежный опыт противодействия коррупции не может быть перенесен в национальную правовую систему механически. Эффективность одной и той же антикоррупционной программы в разных государствах может существенно различаться, поскольку она зависит от политического режима, состояния экономики, уровня цифрового развития, правовой культуры, административных традиций и особенностей общественного восприятия власти. Поэтому использование китайского опыта требует предварительной оценки его применимости к российским условиям.

Для Российской Федерации данный вопрос имеет особую актуальность. Исторически снижение коррупционной преступности в отдельные периоды достигалось преимущественно за счет жестких, карательных методов. Однако в условиях формирования и развития правового государства такая модель не может рассматриваться как универсальная основа антикоррупционной политики. Современное противодействие коррупции должно строиться на сочетании профилактических, правовых, организационных, контрольных и образовательных мер, а не только на усилении ответственности после совершения правонарушения.

Китайская система противодействия коррупции основывается на сочетании государственно-правовых и партийно-дисциплинарных механизмов. Ее отличительной чертой является применение к коррупционерам не только имущественных и уголовно-правовых санкций, но и мер, связанных с ут-

ратой социального и политического статуса. Лицо, признанное виновным в коррупционном правонарушении, может быть исключено из Коммунистической партии Китая, лишено возможности дальнейшего участия в публичном управлении, подвергнуто длительному лишению свободы, штрафу и конфискации имущества, приобретенного незаконным путем.

При этом наиболее строгие меры наказания, предусмотренные китайским законодательством, применяются ограниченно. Смертная казнь за коррупционные преступления фактически используется как исключительная санкция и на практике нередко заменяется длительным либо пожизненным лишением свободы с обращением незаконно нажитого имущества в доход государства. Наряду с этим в КНР применяется механизм публичного воздействия: резонансные антикоррупционные дела освещаются в средствах массовой информации, а выступления бывших должностных лиц с признанием вины используются как инструмент профилактики. Подобная практика направлена на демонстрацию неизбежности ответственности и формирование негативного отношения общества к коррупционному поведению.

Системность китайской антикоррупционной политики проявляется в ее распространении на различные уровни государственного аппарата. В политико-правовом дискурсе КНР используются такие категории, как «тигры», «мухи» и «лисы». Под «тиграми» понимаются представители высших управленческих элит, под «мухами» — участники низовой и бытовой коррупции, а под «лисами» — должностные лица, выводящие капиталы за рубеж и скрывающиеся от ответственности. Такая классификация отражает стремление китайского государства противодействовать не только отдельным фактам взяточничества, но и различным формам коррупционного поведения, включая трансграничное перемещение незаконно полученных активов. Вместе с тем, несмотря на масштабность антикоррупционной кампании, единый специальный закон о коррупции в КНР до настоящего времени не принят [7, с. 79].

Значимым фактором эффективности китайского подхода выступает партийная дисциплина. Поскольку большинство государственных служащих в Китае являются членами правящей партии, внутрипартийный контроль фактически дополняет механизмы юридической ответственности. Такая система позволяет выявлять нарушения на ранних этапах, применять дисциплинарные меры и напрямую связывать карьерные перспективы должностного лица с соблюдением требований служебной этики. Кроме того, важное место занимает международное сотрудничество, направленное на розыск, экстрадицию и возвращение в КНР должностных лиц, скрывшихся за рубежом после совершения коррупционных преступлений [8, с. 18].

Для Российской Федерации изучение китайского опыта представляет практический интерес, особенно применительно к сфере таможенного администрирования. Однако использование зарубежных механизмов должно осуществляться с учетом национальных особенностей: структуры государственного управления, уровня развития правовой культуры, социально-экономических условий, состояния таможенной системы и конституционно-правовых ограничений. Следовательно, китайская модель не может быть перенесена в российскую практику в неизменном виде, поскольку ее эффективность обусловлена специфическим сочетанием политических, институциональных и культурных факторов.

С учетом китайского опыта можно выделить несколько направлений совершенствования антикоррупционной политики в российских таможенных органах. Первое направление связано с укреплением способности государства обеспечивать законность, прозрачность и подотчетность деятельности должностных лиц. Китайская практика показывает, что развитая система государственного контроля способствует более последовательному выявлению коррупционных рисков и формированию общественного неприятия коррупции. Для России данный подход, может быть, значим в части расширения общественного контроля, повышения открытости таможенных процедур и укрепления доверия участников внешнеэкономической деятельности к государственным институтам.

Второе направление предполагает дальнейшее развитие нормативной базы противодействия коррупции в таможенной сфере. Опыт КНР свидетельствует о важности детальной регламентации служебного поведения, дисциплинарной ответственности, процедур внутреннего контроля и механизмов предотвращения конфликта интересов. Для российской практики актуальным является совершенствование ведомственных и общегосударственных актов, которые закрепляют стандарты поведения сотрудников таможенных органов, устанавливают четкие пределы их полномочий и предусматривают дифференцированные меры ответственности за коррупционные нарушения.

Третье направление связано с повышением неотвратимости ответственности и усилением имущественных последствий коррупционных преступлений. При этом необходимо учитывать, что отдельные санкции, применяемые в КНР, не соответствуют российской правовой системе и не могут рассматриваться как приемлемые для заимствования. В частности, применение смертной казни за коррупционные преступления противоречило бы современным принципам российского уголовного пра-

ва, гуманистической направленности законодательства и международным обязательствам государства. Однако возможным является развитие механизмов конфискации незаконно приобретенного имущества, усиление финансовой ответственности виновных лиц и расширение профилактических мер [11, с. 188].

Таким образом, китайская модель противодействия коррупции представляет интерес не как готовая схема для прямого воспроизведения, а как источник отдельных управленческих и правовых решений. Наиболее значимыми для российской таможенной системы могут быть такие элементы, как усиление внутреннего контроля, детальная регламентация служебного поведения, развитие механизмов общественного надзора, повышение прозрачности административных процедур, совершенствование конфискационных инструментов и формирование устойчивой антикоррупционной культуры среди должностных лиц.

Литература

1. Аникин С. Б., Коваль В. Д. Противодействие коррупции в таможенных органах России и Китая // Юридическая наука в Китае и России. 2020. № 3. С. 143–146.
2. Быркова Е. Российская таможня заинтересовалась китайским опытом борьбы с коррупцией. URL: <https://xn--b1ae2adf4f.xn--p1ai/custom-house/national/39202-possyskaya-tamozhnya-zaintepesovalasy-kitayskim-opytom-boryby-s-korruptsiei.html> (дата обращения: 10.04.2026).
3. В Китае резко возросло число дел о коррупции. URL: <https://caliber.az/post/v-kitae-rezko-vozroslo-chislo-del-o-korruptsii> (дата обращения: 10.04.2026).
4. За крупные взятки сняли с поста замглавы таможенного управления Китая. URL: <https://www.slavtrans.com/news/tariff-legislation/7910> (дата обращения: 10.04.2026).
5. Исмаилов С. Т. Антикоррупционная работа в таможенных органах: перспективы применения зарубежного опыта // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 2-2(65). С. 102–105.
6. Каруковец С. А., Мотошкина Ю. В., Мустафаева Ш. Т. Коррупция как угроза экономической безопасности государства: практика и результаты противодействия в России и Китае // Актуальные проблемы развития ЕАЭС в условиях современных глобальных изменений: материалы всероссийской конференции молодых исследователей. Иркутск: Изд-во Байкальского гос. ун-та, 2025. С. 80–89.
7. Майоров В. И., Дунаева О. Н. Сравнительный анализ мер противодействия коррупции в России и Китае // Вестник Сибирского государственного университета МВД России. 2021. Т. 44. № 3. С. 78–84.
8. Отношение россиян и китайцев к коррупционным практикам: кросс-культурный анализ / А. А. Максименко, О. С. Дейнека, П. П. Дерюгин и др. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17, вып. 1. С. 17–32.
9. По факту коррупции в 2025 г. к уголовной ответственности привлечены 40 должностных лиц Федеральной таможенной службы. URL: <https://www.tks.ru/crime/2026/03/20/03> (дата обращения: 10.04.2026).
10. Ремчуков К. Си Цзиньпин усиливает популизм и ужесточает борьбу с коррупцией и роскошной жизнью элиты. Мониторинг ситуации в КНР по состоянию на 19.01.2026. URL: https://nvo.ng.ru/monitoring/2026-01-21/7_9420_monitoring.html (дата обращения: 10.04.2026).
11. Щукин Д. А. Опыт борьбы с коррупцией в Китайской Народной Республике // Сравнительное правоведение в условиях интернационализации науки и образования: материалы VI Международной научной конференции молодых ученых. Москва: Изд-во Моск. Гос. лингв. ун-та, 2025. С. 183–189.

**Enforcement of Sentences in Relation to Convicted Persons with Disabilities in Mongolia:
Problems of Legal Regulation and Directions for Improvement**

© **Dalkhjav Jamyandagva**

postgraduate student,
University of Internal Affairs of Mongolia
Mongolia, Ulaanbaatar
jaagii.jakk@yahoo.com

The issue of enforcing sentences in relation to convicted persons with disabilities in Mongolia has become particularly relevant in the context of reforming the penal enforcement system and strengthening a human rights-based approach to the treatment of persons deprived of liberty. A convicted person with a disability constitutes a special subject of penal enforcement relations, since his or her legal status is determined not only by the fact of isolation from society, but also by the need to take into account the type of disability, health condition, working capacity, and the need for medical, social, psychological, and rehabilitative support.

Keywords: convicted persons with disabilities, enforcement of sentences, imprisonment, Mongolia, penal enforcement law, human rights, resocialization, accessible environment, rehabilitation.

**Приведение в исполнение приговоров в отношении осужденных
с ограниченными возможностями в Монголии:
проблемы правового регулирования и пути их решения**

Далхжав Жамъяндагва

аспирант,
Университет внутренних дел Монголии
Монголия, г. Улан-Батор
jaagii.jakk@yahoo.com

Вопрос исполнения наказания в отношении осужденных с инвалидностью в Монголии приобретает особую актуальность в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы и усиления правозащитного подхода к обращению с лицами, лишенными свободы. Осужденный с инвалидностью является специальным субъектом уголовно-исполнительных отношений, поскольку его правовое положение определяется не только фактом изоляции от общества, но и необходимостью учета вида инвалидности, состояния здоровья, трудоспособности, потребности в медицинской, социальной, психологической и реабилитационной поддержке.

Ключевые слова: осужденные с инвалидностью, исполнение наказания, лишение свободы, Монголия, уголовно-исполнительное право, права человека, ресоциализация, доступная среда, реабилитация.

The analysis of the research demonstrates that the current legislation of Mongolia regulates the rights of convicted persons predominantly in a general manner, without sufficient differentiation of the specific needs of persons with disabilities. In particular, the dissertation notes that approximately 400 convicted persons with disabilities or reduced working capacity are serving sentences in institutions subordinate to the General Executive Agency of Court Decision Enforcement. However, the legal regime governing their placement, medical support, education, employment, social protection, and preparation for release remains insufficiently specified.

The main problem lies in the fact that imprisonment, as the most severe form of criminal punishment, objectively restricts a number of rights of the convicted person; however, it must not result in the loss or de facto denial of those rights that have not been restricted by a court judgment. For convicted persons with disabilities, such rights include the right to an accessible environment, medical care, rehabilitation, social protection, education, employment adapted to their health condition, psychological support, and preparation for reintegration into society. The dissertation emphasizes that the absence of special legal regulation governing the enforcement of sentences in relation to this category of persons may lead to discrimination, unequal access to services, and a reduction in the corrective effect of punishment.

A scientifically grounded approach is one according to which the enforcement of sentences in relation to convicted persons with disabilities should be viewed not merely as a regime of isolation and control, but as a comprehensive socio-legal, medical, psychological, and rehabilitative activity. The dissertation formulates the conceptual position that the enforcement of sentences in relation to convicted persons with disabilities should be carried out under conditions corresponding to the type and degree of disability, while ensuring

special needs, protecting unrestricted rights, providing equal access to social services, and promoting recovery and resocialization.

Empirical data also confirm the need for a specialized approach. According to the research materials, convicted persons with disabilities include individuals with varying degrees of loss of working capacity: 50, 60, 70, 80, 90, and 100 percent. A significant proportion of them fall within the group with a 70-percent loss of working capacity, while some individuals have a complete loss of working capacity. This indicates that a uniform regime of work, education, daily living arrangements, and correctional activities cannot be equally effective for all convicted persons belonging to this category.

Particular concern is raised by the low level of participation of convicted persons with disabilities in resocialization activities. According to the dissertation, only 8 percent of convicted persons with disabilities actively participate in such activities, whereas among all convicted persons this figure amounts to 33 percent. At the same time, 74.1 percent of convicted persons with disabilities do not participate in resocialization work at all. This situation indicates not so much a lack of motivation as the insufficient adaptation of correctional, educational, and labour programmes to their actual capacities and needs.

In this regard, the improvement of sentence enforcement in relation to convicted persons with disabilities in Mongolia should be pursued in several directions. First, it is necessary to establish the special legal status of convicted persons with disabilities within penal enforcement legislation. Second, standards for an accessible environment in places of deprivation of liberty should be developed, including requirements concerning accommodation, sanitary and living conditions, mobility, medical services, means of communication, and rehabilitation. Third, an individual assessment of the needs of convicted persons with disabilities should be introduced at the time of admission to a correctional institution, during the period of sentence enforcement, and prior to release. Fourth, specialized programmes for education, employment, psychological support, and post-penitentiary adaptation should be established.

A significant practical proposal is the creation, in each correctional institution, of a dedicated unit or responsible mechanism for human rights and accessibility issues, as well as the implementation of special programmes for social adaptation after release. The dissertation also proposes the use of modern technologies, including electronic needs assessment, medical, psychological, and cognitive diagnostics, as well as the involvement of specialized commissions in determining a person's capacity to serve a sentence and participate in correctional programmes [1].

Thus, the enforcement of sentences in relation to convicted persons with disabilities in Mongolia should move from a formal regime-oriented model toward a human rights-based and rehabilitative model. Such a model implies that the State not only ensures the execution of a court judgment, but also creates conditions for preserving human dignity, restoring social skills, preventing reoffending, and facilitating the individual's subsequent reintegration into society.

In this context, the effectiveness of punishment should be measured not solely by the degree of isolation and control, but also by the actual capacity of the penal enforcement system to ensure the resocialization of the convicted person, taking into account his or her disability and individual needs.

Literature

1. Puntagsüren, B. Rehabilitation of Recidivists through the Development of Interpersonal Interaction Skills = Rehabilitation of Recidivists through Interpersonal Interaction. *Russian Deviantological Journal*. 2024; 4(1): 85–92.

Применение технологий искусственного интеллекта в системе предупреждения преступлений террористической направленности: сравнительный анализ опыта Китая, Сингапура и Израиля

© К. Е. Колентеев

аспирант 1-го курса,

Национальный исследовательский университет

«Московский институт электронной техники»

Россия, г. Москва

kekavers@yandex.ru

В статье проводится сравнительно-правовой анализ применения технологий искусственного интеллекта в системе предупреждения преступлений террористической направленности на примере трёх азиатских юрисдикций: Китая, Сингапура и Израиля. Рассматриваются теоретико-правовые основы использования предиктивных систем в правоохранительной деятельности, исследуется нормативная база и правовой режим функционирования ИИ-систем в каждой из стран. Выделены три модели регулирования: тотальный контроль (Китай), технократическая превенция (Сингапур) и точечное применение с элементами судебного контроля (Израиль). Сформулированы предложения по совершенствованию российского законодательства. В работе применены общенаучные и специальные методы исследования (анализ, синтез, сравнительно-правовой).

Ключевые слова: искусственный интеллект, предупреждение терроризма, предиктивная аналитика, сравнительное правоведение, правовое регулирование, Китай, Сингапур, Израиль.

**The use of artificial intelligence technologies in the system for preventing terrorist crimes:
a comparative analysis of the experience of China, Singapore, and Israel**

K. E. Kolenteev

First-year postgraduate student,

National Research University

«Moscow Institute of Electronic Technology»

Russia, Moscow

kekavers@yandex.ru

The article provides a comparative legal analysis of the use of artificial intelligence technologies in the system of prevention of terrorist crimes, examining three Asian jurisdictions: China, Singapore, and Israel. The theoretical and legal foundations of predictive systems in law enforcement are explored, alongside the regulatory framework and legal regime of AI systems in each country. Three regulatory models are identified: total control (China), technocratic prevention (Singapore), and targeted application with judicial oversight elements (Israel). Recommendations for improving Russian legislation are formulated. General scientific and special research methods (analysis, synthesis, comparative legal) are applied.

Keywords: artificial intelligence, counterterrorism, predictive analytics, comparative law, legal regulation, China, Singapore, Israel.

Азиатский регион переживает период нарастания террористических угроз, обусловленных деятельностью транснациональных экстремистских сетей, сепаратистских движений и радикальных группировок. Государства региона всё активнее интегрируют технологии искусственного интеллекта (далее — ИИ) в систему предупреждения преступлений террористической направленности. Предиктивные системы на основе машинного обучения встраиваются в структуру принятия управленческих решений правоохранительных органов, трансформируя парадигму антитеррористической деятельности от реактивной модели к проактивной превенции [10, р. 423].

Вместе с тем правовое регулирование применения ИИ в данной сфере существенно различается в зависимости от правовой системы, политического режима и понимания допустимых пределов вмешательства в права личности. Целью настоящей статьи является сравнительно-правовой анализ опыта Китая, Сингапура и Израиля — государств, представляющих самостоятельные модели интеграции ИИ в антитеррористическую деятельность. Выбор данных юрисдикций обусловлен их лидерством во внедрении ИИ-технологий в правоохранительную практику при опоре на принципиально различные нормативные подходы.

В Российской Федерации правовую основу противодействия терроризму составляет Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», определяющий основные принципы,

организационные основы и полномочия субъектов данной деятельности [15]. Ст. 3 Закона закрепляет понятие противодействия терроризму как деятельности, включающей профилактику терроризма, борьбу с ним и минимизацию последствий. Ст. 11 устанавливает правовой режим контртеррористической операции, в рамках которого допускается ограничение отдельных прав граждан. Однако действующий Закон не содержит специальных норм, регулирующих применение технологий ИИ в анти-террористической деятельности, что порождает правовую неопределённость и актуализирует обращение к зарубежному опыту.

Правовое осмысление применения ИИ в контртеррористической деятельности предполагает определение границ самого понятия. И.А. Филипова указывает, что термин «искусственный интеллект» может подразумевать системы, модели, технологии и целое научно-техническое направление, что порождает трудности при формулировании легальной дефиниции [1, с. 15]. В российском праве базовым определением служит формулировка Федерального закона от 24.04.2020 № 123-ФЗ: ИИ — комплекс технологических решений, имитирующих когнитивные функции человека и способных при выполнении конкретных задач достигать результатов, сопоставимых с результатами интеллектуальной деятельности человека. Европейский законодатель в Регламенте ЕС 2024/1689 (AI Act) избрал «технологически нейтральную» дефиницию, акцентирующую способность системы действовать с определённой степенью автономности и адаптивности [2].

Для целей настоящего исследования принципиально разграничение «слабого» (узкого) и «сильного» (общего) ИИ. Системы, применяемые для предупреждения терроризма, относятся к узкому ИИ: распознавание лиц, анализ текстовых массивов, выявление аномалий в потоках данных — без способности к обобщённому мышлению [1, с. 12–13]. А.П. Суходолов и А.М. Бычкова определяют систему ИИ применительно к криминологии как программно-аппаратный комплекс, обеспечивающий поддержку и принятие решений в динамичной среде на основе неполной и нечёткой информации [3, с. 754]. А. Сахулиду подчёркивает, что ИИ-системы в правоохранительной сфере обладают беспрецедентной способностью функционировать автоматически и в массовом масштабе, потенциально затрагивая тысячи лиц, что обусловило их включение в перечень высокорисковых в рамках EU AI Act [2].

Интеграция ИИ в процесс принятия управленческих решений ставит вопрос о соотношении двух функций: поддержки принятия решения и собственно принятия решения. Согласно докладу Министерства юстиции США 2024 г., предиктивная полицейская деятельность представляет собой использование количественных аналитических методов для определения мест, времени и лиц, вероятно связанных с преступной деятельностью, при этом существующие инструменты не рекомендуют конкретных ответных действий — решения остаются за человеком [4, с. 42]. А.П. Суходолов и А.М. Бычкова описывают спектр систем различного уровня автоматизации: COMPAS осуществляет оценку рисков рецидива, PredPol прогнозирует места преступлений, аналитические продукты Palantir обеспечивают визуализацию связей в массивах данных [3, с. 760]. Исследования фиксируют феномен «автоматической предвзятости» — непропорционального доверия пользователей к алгоритмическим рекомендациям, фактически превращающего рекомендацию в окончательное решение [4, с. 48]. Европейская сеть предупреждения преступности подтверждает: продуктивное использование ИИ зависит от соблюдения прав человека, прозрачности и подотчётности [13, с. 14].

В российском правовом пространстве баланс между безопасностью и правами личности задан Конституцией РФ. Ст. 23 гарантирует право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а ст. 24 запрещает сбор, хранение и использование информации о частной жизни лица без его согласия. Вместе с тем ч. 3 ст. 55 допускает ограничение прав федеральным законом в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства [14]. Именно эта конституционная формула определяет пределы допустимого применения ИИ в контртеррористической деятельности: любое вмешательство должно быть предусмотрено законом, преследовать легитимную цель и быть соразмерным угрозе.

На международном уровне Рекомендация ЮНЕСКО по этике ИИ 2021 г., принятая 193 государствами-членами, закрепляет аналогичный принцип пропорциональности: ни один процесс, связанный с жизненным циклом системы ИИ, не должен выходить за пределы необходимого для достижения законных целей [5, п. 25]. Документ устанавливает трёхступенчатый тест: метод должен быть соразмерен цели; не должен нарушать права человека; должен соответствовать контексту [5, п. 26]. Системы ИИ не должны использоваться для социального скоринга или массового наблюдения, а в ситуациях с необратимыми последствиями окончательное определение должно оставаться за человеком [5, п. 26]. EU AI Act 2024 конкретизирует эти стандарты, запрещая ИИ-системы для оценки вероятности совершения лицом преступления на основании исключительно профилирования. Запрет снимается лишь при дополнении человеческой оценки, подкреплённой объективными фактами [2].

Китай сформировал многоуровневую нормативную систему регулирования ИИ в сфере безопасности. Закон о противодействии терроризму 2015 г. наделил органы общественной безопасности широкими полномочиями по сбору и анализу данных. Закон о кибербезопасности 2017 г. установил требования к операторам критической информационной инфраструктуры. Закон о безопасности данных 2021 г. и Закон о защите персональной информации 2021 г. дополнили систему, хотя их применение в сфере национальной безопасности ограничено широкими изъятиями. И.А. Филипова отмечает, что китайский подход к регулированию ИИ является вторым по степени сформированности в мировом масштабе после европейского [7, с. 48]. В 2023 г. приняты Временные правила управления генеративным ИИ, а законодательный план ВСНП на 2024 г. включил разработку комплексного закона об ИИ [7, с. 52].

Практическое применение ИИ в антитеррористической деятельности КНР реализуется через масштабные системы наблюдения. К. Лианге описывает эволюцию китайского «умного авторитаризма»: проект Skynet (2005 г., 20 млн камер) был расширен программой Sharp Eyes (2015 г.), интегрировавшей ИИ-распознавание [6, с. 78]. Системы компьютерного зрения, распознавания лиц и анализа поведения объединены в экосистему City Brain — облачную платформу управления городской инфраструктурой [6, с. 84]. Государственный план развития ИИ нового поколения 2017 г. прямо предусматривает создание «интеллектуальных продуктов безопасности» для нужд противодействия терроризму [6, с. 85]. Особую озабоченность вызывает Интегрированная платформа совместных операций (IJOP) в Синьцзян-Уйгурском автономном районе — массовая ИИ-система, обосновываемая задачами противодействия терроризму. Обратная разработка полицейского приложения IJOP выявила масштабный сбор данных: религиозные практики, маршруты, биометрия [6, с. 77]. Характерная черта китайской модели — отсутствие независимого судебного контроля и экспорт технологий наблюдения: Huawei поставляет решения для «безопасных городов» в более чем 700 городов 100 стран [6, с. 92].

Сингапур избрал «мягкий» регуляторный подход, опираясь на добровольные руководства вместо единого закона об ИИ. Ключевыми документами служат: National AI Strategy 2.0 (2023 г.), определяющая стратегию «ИИ на благо общества» с инвестициями свыше 1 млрд долл. [8]; Model AI Governance Framework (2019 г., обновлён в 2024 г.); руководства Cyber Security Agency по безопасности ИИ-систем (октябрь 2024 г.) [9]. Специальное законодательство об ИИ отсутствует: регулирование осуществляется через действующие законы и секторальные предписания [9]. Вопросы внутренней безопасности регулируются Internal Security Act (ISA), наделяющим Министерство внутренних дел полномочиями по превентивному задержанию. Концепция Smart Nation превращает городскую инфраструктуру в источник данных для аналитики. В финансовом секторе Monetary Authority of Singapore в декабре 2024 г. ввела обязательные требования к управлению рисками ИИ-моделей [9]. Однако в сфере внутренней безопасности ISA фактически исключает судебный пересмотр решений о превентивном задержании, создавая пробел в правовой защите лиц, затронутых алгоритмическими оценками.

Израиль не располагает ни единой конституцией, ни специальным законом об ИИ. Правовой основой применения ИИ-технологий спецслужбами служит Закон о Службе общей безопасности (Шин Бет) 2002 г. и Basic Law: Human Dignity and Liberty. Раздел 11 Закона о Шин Бет наделяет премьер-министра полномочиями санкционировать сбор метаданных телекоммуникаций. В декабре 2023 г. опубликован законопроект о расширении полномочий Шин Бет, предусматривающий скрытый доступ к компьютерным материалам и базам данных, включая GPS и сведения о религиозных убеждениях, — зачастую без эффективного судебного надзора [10]. Конфликт в Газе 2023–2024 гг. обнажил масштаб внедрения ИИ-систем: по данным Human Rights Watch, израильская армия использовала систему Lavender для присвоения жителям Газы рейтинга вероятности принадлежности к вооружённым формированиям на основе машинного обучения, а система Gospel определяла цели для ударов по зданиям [11]. О.Ю. Шехаби и А. Любин (Институт Либера, Вест-Пойнт) предупреждают об угрозе «липкого прецедента»: технологии, применённые в одном конфликте, экспортируются через торговлю оружием в другие зоны боевых действий [12]. Э.Дж. Даль и Д. Стрэчен-Моррис, анализируя провал разведки 7 октября 2023 г., отмечают, что даже передовые ИИ-системы не способны заменить человеческий анализ стратегических намерений противника [10, р. 428]. Верховный суд Израиля (БАГАЦ) выполняет функцию противовеса, однако его контроль ограничен режимом секретности.

Проведённый анализ позволяет выделить три модели применения ИИ в системе предупреждения терроризма. Китайская модель «тотального контроля» опирается на разветвлённую нормативную базу, масштабное ИИ-наблюдение без независимого судебного контроля и экспорт технологий. Сингапурская модель «технократической превенции» характеризуется отсутствием единого закона об ИИ, опорой на добровольные руководства, значительными инвестициями при ограниченном контроле в

сфере безопасности. Израильская модель «точечного применения» отличается отсутствием специального законодательства, передовыми технологиями спецслужб (Lavender, Gospel), элементами судебного контроля через БАГАЦ, но фрагментарностью регулирования. Ни одна из моделей не обеспечивает полного соответствия стандартам Рекомендации ЮНЕСКО: Китай нарушает запрет массового наблюдения, Сингапур исключает принципы подотчётности из сферы безопасности, Израиль ограничен режимом секретности. Общей проблемой является недостаточная обеспеченность права лица на оспаривание алгоритмического решения.

В целом сравнительный анализ трёх азиатских юрисдикций показывает, что эффективность применения ИИ в предупреждении терроризма определяется не столько технологическим уровнем, сколько качеством правового регулирования. Конституция Российской Федерации закладывает необходимую основу: принцип соразмерности ограничения прав (ч. 3 ст. 55) и гарантии неприкосновенности частной жизни (ст. 23, 24) формируют конституционную рамку, внутри которой должно развиваться законодательство об ИИ [14]. Для российского законодателя опыт рассмотренных стран позволяет сформулировать рекомендации: во-первых, необходимость дополнения Федерального закона «О противодействии терроризму» [15] специальными нормами, определяющими правовой режим применения ИИ в антитеррористической деятельности, либо принятия отдельного федерального закона с обязательной оценкой рисков для прав человека в соответствии с конституционным стандартом пропорциональности; во-вторых, закрепление принципа обязательного человеческого контроля при принятии решений на основе алгоритмических данных; в-третьих, обеспечение независимого судебного надзора за применением предиктивных систем. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку критериев допустимости алгоритмических данных в качестве доказательств в уголовном процессе и определение процессуального статуса результатов работы ИИ-систем.

Литература

1. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. 3-е изд., обновл. и доп. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2025. 321 с.
2. Sachoulidou A. Harnessing AI for law enforcement: Solutions and boundaries from the forthcoming AI Act. *New Journal of European Criminal Law*. 2024; 15(2): 117–125.
3. Суходолов А. П., Бычкова А. М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, её прогнозировании, предупреждении и эволюции // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 753–766.
4. U.S. Department of Justice. Artificial Intelligence and Criminal Justice: Final Report. Washington, D.C., December 3, 2024. 77 p.
5. UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Paris, 2021.
6. Liyanage C. Tyranny of City Brain: How China Implements Artificial Intelligence to Upgrade its Repressive Surveillance Regime. *Journal of Illiberalism Studies*. 2024; 4(3): 73–97.
7. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2, № 1. С. 46–73.
8. Smart Nation Singapore. National AI Strategy 2.0: AI for the Public Good, for Singapore and the World. Singapore, 2023.
9. IAPP. Global AI Governance Law and Policy: Singapore. URL: <https://iapp.org/resources/article/global-ai-governance-singapore> (access 01.04.2026).
10. Dahl E. J., Strachan-Morris D. 'Predictive intelligence for tomorrow's threats': is predictive intelligence possible? *Journal of Policing, Intelligence and Counter Terrorism*. 2024; 19(4): 423–435.
11. Human Rights Watch. Questions and Answers: Israeli Military's Use of Digital Tools in Gaza. URL: <https://www.hrw.org/news/2024/09/10/questions-and-answers-israeli-militarys-use-digital-tools-gaza> (access 01.04.2026).
12. Shehabi O. Y., Lubin A. Algorithms of War: Military AI and the War in Gaza. *Lieber Institute, West Point*. January 24, 2024. URL: <https://lieber.westpoint.edu/algorithms-war-military-ai-war-gaza/> (access 01.04.2026).
13. EUCPN. Artificial Intelligence and Predictive Policing: Risks and Challenges. Recommendation Paper. Brussels, 2022. 20 p.
14. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
15. О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

**Сравнительно-правовой анализ мошенничества в информационном пространстве
в Российской Федерации и Китайской Народной Республике**

© А. И. Матвеева

студентка 3-го курса,
Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
nastyamat6@gmail.com

© А. И. Матвеева

студентка 3-го курса,
Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
anutamat6@gmail.com

В статье рассматриваются нормативные правовые акты в Российской Федерации и Китайской Народной Республике, регулирующие мошенничество в информационном пространстве в сравниваемых странах. Проанализировано понятие, виды и размер наказаний, меры по противодействию данному виду преступления, а также статистика его совершения. Выявлены сходства и различия в правовом регулировании мошенничества в информационном пространстве в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Сделан вывод о том, в какой стране данный вид преступления регулируется более детально, а также, где меры по противодействию работают эффективнее. Целью работы является изучение нормативных актов, определение сходств и различий в регулировании мошенничества в информационном пространстве в сравниваемых странах. В работе применены общенаучные и специальные методы исследования, такие как анализ, синтез, сравнительно-правовой, формально-юридический методы.

Ключевые слова: мошенничество, информационное пространство, наказание, статистика, меры противодействия, киберзащита.

**Comparative legal analysis of fraud in the information space
in the Russian Federation and the People's Republic of China**

A. I. Matveeva

3rd-year student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
nastyamat6@gmail.com

A. I. Matveeva

3rd-year student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
anutamat6@gmail.com

The article examines the regulatory legal acts in the Russian Federation and the People's Republic of China that regulate fraud in the information space in the compared countries. The concept, types, and size of punishments, measures to counter this type of crime, and statistics on its occurrence are analyzed. The similarities and differences in the legal regulation of fraud in the information space in the Russian Federation and the People's Republic of China are identified. The article concludes which country has a more detailed regulation of this type of crime and which country has more effective measures to counter it. The purpose of the work is to study the regulations and identify the similarities and differences in the regulation of fraud in the information space in the countries under comparison. The work uses general scientific and special research methods, such as analysis, synthesis, comparative legal, and formal legal methods.

Keywords: fraud, information space, punishment, statistics, countermeasures, and cyber protection.

Мошенничество в информационном пространстве является достаточно распространённым преступлением как в Российской Федерации (далее — РФ, Россия), так и в Китайской Народной Республике (далее — КНР, Китай). Это связано с повсеместным внедрением цифровых технологий и появле-

нием инноваций, таких как блокчейн и искусственный интеллект, которые открывают новые возможности для злоумышленников, а также системы киберзащиты не всегда успевают адаптироваться к быстро меняющимся методам мошенничества, что способствует росту преступности. Однако мошенничество в информационном пространстве в РФ и КНР имеет сходства и различия, это зависит от правовой культуры и традиций каждой страны.

В первую очередь необходимо сравнить понятие мошенничества в информационном пространстве в каждой из стран. В соответствии с ч. 1 ст. 159 Уголовного кодекса РФ, мошенничество — это хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём обмана или злоупотребления доверием [1]. Применительно к мошенничеству в информационном пространстве можно дать следующее определение: неправомерное завладение чужим имуществом с использованием обмана, манипуляций или иных незаконных методов, связанных с информационными технологиями. Это может включать действия, направленные на получение доступа к личным данным, банковским счетам и другим ресурсам. В китайском законодательстве понятие мошенничества в информационном пространстве закреплено в ст. 2 Закона КНР «О противодействии мошенничеству в телекоммуникационных сетях», вступившего в силу 1 декабря 2022 г. Под мошенничеством в телекоммуникационных сетях, в настоящем законе понимается совершение мошеннических действий в отношении государственной или частной собственности, с использованием телекоммуникационных сетевых технологий, посредством дистанционных, бесконтактных или иных методов с целью неправомерного завладения [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что в законодательстве Китая понятие мошенничества в информационном пространстве более детализировано и есть специальный закон, регулирующий данный вид преступления, в отличие от законодательства России, где закреплено только понятие мошенничества, из которого можно вывести понятие мошенничества в информационном пространстве.

Ещё одним важным критерием для сравнения мошенничества в информационном пространстве в РФ и КНР является ответственность за данный вид преступления. В России ответственность за мошенничество в информационном пространстве закреплена в Уголовном кодексе РФ. Ответственность предусматривает следующие виды наказаний: штраф до 120 тыс. р., обязательные работы до 360 часов, исправительные работы до 1 года, ограничение свободы до 2 лет, лишение свободы до 3 лет. В Китае ответственность за мошенничество в информационном пространстве регулируется рядом нормативно-правовых актов, в их число входят Уголовный кодекс КНР, Закон КНР «О противодействии мошенничеству в телекоммуникационных сетях», Директива КНР «Объединённые меры наказания за телекоммуникационное и онлайн-мошенничество, связанные с ним преступления и правонарушения». В этих нормативно-правовых актах закреплены такие виды наказаний, как штраф, размер которого зависит от обстоятельств дела и причинённого ущерба, лишение свободы до 10 лет, а в некоторых случаях и пожизненное лишение свободы, если ущерб превышает 5 млн р. [2] Также для правонарушителей вводятся финансовые, телекоммуникационные и кредитные ограничения сроком до 3 лет, а для рецидивистов — до 5 лет. К таким ограничениям относятся запрет на открытие новых счетов для онлайн-платежей, ограничение функций телекоммуникационных средств, запрет на проведение операций со счетами и так далее.

Таким образом, сравнивая ответственность за мошенничество в информационном пространстве в России и Китае, можно прийти к выводу, что в Китае более строгие виды наказания за данный вид преступления, а также ответственность регулируется перечнем нормативно-правовых актов, в отличие от России, где ответственность регулируется только Уголовным кодексом РФ.

Также необходимо сравнить меры противодействия мошенничеству в информационном пространстве в РФ и КНР, которые важны для снижения уровня преступности данного вида, поэтому оба государства уделяют большое внимание совершенствованию этих мер. В России применяются комплексные меры по противодействию данному виду преступления, включая совершенствование законодательства, взаимодействие государственных органов с различными организациями и прочее. К конкретным мерам можно отнести: самозапрет на кредиты и займы, «период охлаждения» при выдаче кредитов, блокировка подозрительных переводов, запрет на использование иностранных мессенджеров для государственных учреждений, банков и операторов связи, использование биометрической защиты для маркетплейсов, онлайн-площадок, кредитных организаций для входа в личные кабинеты и приложения и так далее. С 1 марта 2026 г. начала действовать Государственная информационная система «Антифрод», благодаря которой банки, оператор связи и государственные органы могут обмениваться информацией о признаках мошеннических операций, что позволяет оперативно выявлять подозрительные действия и предотвращать совершение преступления. В Китае также применяется целый комплекс по противодействию мошенничеству в информационном пространстве. К таким ме-

рам относятся: обязанность интернет-провайдеров и операторов связи при предоставлении услуг обеспечивать идентификацию пользователей, а также отслеживать подозрительную активность, обязанность банков и платёжных систем мониторить подозрительные счёта и собирать данные об устройствах при возникновении подозрений и передавать эти данные правоохранительным органам. В 2024 г. было введено Новое руководство КНР по усилению борьбы с мошенничеством в сфере телекоммуникаций и кибермошенничества, это руководство вводит ограничения для лиц, помогающих преступникам совершать мошеннические действия [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что и в РФ, и в КНР разработан большой перечень мер по противодействию мошенничеству в информационном пространстве, и государства постоянно вводят новые меры для более оперативно и эффективного выявления мошеннических действий и их предотвращения.

При сравнении мошенничества в информационном пространстве в России и Китае необходимо обратить внимание на статистику совершения данного вида преступления. В 2025 г. в РФ было зафиксировано 344 тыс. случаев мошенничества в информационном пространстве. А в КНР за 2025 г. количество совершённых преступлений данного вида составило 258 тыс. Таким образом, можно сделать вывод, что в России количество совершённых преступлений данного вида значительно превышает статистику в Китае, особенно с учётом численного преимущества населения.

Проведя сравнительно-правовой анализ мошенничества в информационном пространстве в РФ и КНР, можно сделать вывод, что у данного вида в сравниваемых государствах есть схожие черты, но есть и существенные различия. К схожим чертам можно отнести то, что оба государства активно разрабатывают большой перечень мер как по противодействию, так и по профилактике совершения мошенничества в информационном пространстве, но стоит отметить, что в России меры наиболее эффективны, так как наблюдается снижение преступности по сравнению с предыдущим годом, а в Китае, напротив, замечен рост данной преступности. Различием является, во-первых, понятие мошенничества в информационном пространстве: в КНР более подробно изложено данное понятие в специальном законе, а в РФ в Уголовном кодексе закреплено только понятие мошенничества, из которого можно вывести понятие мошенничества в информационном пространстве. Во-вторых, проанализировав нормативно-правовые акты, регулирующие ответственность за совершение данного вида преступления, можно заметить, что отличаются виды наказаний и их размер — в Китае наказания более строгие, чем в России. Также можно отметить, что в РФ данное преступление совершают намного чаще, чем в КНР.

Таким образом, можно прийти к выводу, что правовое регулирование мошенничества в информационном пространстве в Китае является более детально разработанным, в этом государстве нормы, касающиеся данного преступления, помимо Уголовного кодекса закреплены и в других специальных нормативно-правовых актах, в то время как в России данные нормы закреплены только в Уголовном кодексе и нет специального закона, несмотря на распространённость этого вида преступления. Но при этом в РФ меры по противодействию и профилактике мошенничеству в информационном пространстве действуют эффективнее, что заметно по снижению преступности данного вида, что нельзя сказать про КНР, где наоборот происходит увеличение.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: УК РФ: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в ред. от 20 февраля 2026 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 13.04.2026).
2. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. URL: <https://asia-business.ru/law/law1/criminalcode/> (дата обращения: 13.04.2026).
3. Закон Китайской Народной Республики «О противодействии мошенничеству в телекоммуникационных сетях. URL: <https://chinaperevod.com/law/zakon-kitayskoy-narodnoy-respubliki-o-protivodeystvii-moshennichestvu-v-telekommunikacionnyh-i?ysclid=mnymy086i9121097622> (дата обращения: 14.04.2026).
4. Новое руководство КНР по усилению борьбы с мошенничеством в сфере телекоммуникаций и кибермошенничества. URL: <https://bricscompetition.org/ru/news/measures-to-be-tougher-on-cyberfraud-in-china> (дата обращения: 14.04.2026).

Правовые коллизии в сфере оборота наркотиков как обстоятельство, способствующее совершению трансграничных наркопреступлений в Азиатско-Тихоокеанском регионе

© Е. Ю. Назарова
адъюнкт 1-го курса,
Академия управления МВД России
Россия, г. Москва
nrv1206@yandex.ru

В статье рассматриваются Протокол и Соглашение между РФ и КНР в сфере таможенного регулирования, в которых прослеживается целый ряд правовых коллизий, негативно проявляющихся в сфере контроля за оборотом психоактивных веществ (далее — ПАВ). Именно оборот ПАВ способствует увеличению трансграничных наркопреступлений. В работе представлены конкретные примеры криминального использования выявленных упущений в законодательстве, касающиеся оборота ПАВ. Целью работы является анализ факторов, способствующих совершению трансграничных наркопреступлений. Подчёркнута насущная потребность в пересмотре двух ключевых документов, регулирующих таможенное взаимодействие России и Китая: Протокола о безопасности цепи поставок товаров при контейнерных перевозках и облегчении торговли (между ФТС РФ и ГТУ КНР) и Соглашения о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах (между Правительствами РФ и КНР) с целью противодействия трансграничным наркопреступлениям. Проведённое исследование позволило прийти к выводу о том, что практическое выполнение Указа Президента РФ № 733 от 23.11.2020 г. [5] сопряжено с потенциальной возможностью осложнения оперативной обстановки. Причиной тому является сохраняющаяся неблагоприятная криминогенная наркоситуация.

Ключевые слова: Протокол, Соглашение, КНР, РФ, синтетические наркотики, прекурсоры, трансграничные наркопреступления.

Legal conflicts in the field of drug trafficking as a factor contributing to the commission of cross-border drug-related crimes in the Asia-Pacific region

E.Yu. Nazarova
First-year adjunct student,
Management Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Russia, Moscow
nrv1206@yandex.ru

The article talk about the Protocol and the Agreement between the Russian Federation and the China within the sphere of customs regulation, which expose several legal conflicts adversely impacting the control of psychoactive substance trafficking (hereinafter referred to as surfactants). It is the turnover of surfactants that contributes to an increase in cross-border drug crimes. The paper presents specific examples of the criminal use of identified omissions in legislation related to surfactants. The objective of this study is to examine the factors that contribute to the occurrence of cross-border drug crimes. The urgent need to review two key documents regulating customs cooperation between Russia and China was emphasized: the Protocol on the Security of the Supply Chain of Goods in Container Transportation and Trade Facilitation (between the Federal Customs Service of the Russian Federation and the State Customs Committee of the People's Republic of China) and the Agreement on Cooperation and Mutual Assistance in Customs Matters (between the Governments of the Russian Federation and the People's Republic of China) in order to counter cross-border drug crimes. The conducted research led to the inference that the practical realisation of the Edict of the President of the Russian Federation №733 dated 11/23/2020 is associated with the potential for complications in the operational environment. The reason for this is the continuing unfavorable criminogenic drug situation.

Keywords: Protocol, Agreement, China, Russian Federation, synthetic drugs, precursors, cross-border drug crimes.

Актуальность исследования обусловлена тем, что Договор между Российской Федерацией (далее — РФ) и Китайской Народной Республикой (далее — КНР), закрепляющий принципы добрососедства, дружбы и сотрудничества [1] уже не один десяток лет является основой поддержания добрососедских отношений, однако по сей день в документах международного уровня фиксируются правовые коллизии, негативно проявляющие себя в сфере контроля за оборотом ПАВ, которые создают условия, способствующие совершению трансграничных наркопреступлений.

Трансграничные наркопреступления уже длительное время остаются актуальным предметом криминалистических исследований, так как они продолжают эволюционировать: от гибридного средства

массового поражения людей до повода к псевдоправовому применению военно-политических мер для достижения геополитических целей. Кроме того, в основе проблемы остается экономический аспект трансграничных наркопреступлений как одной из наиболее социально негативных форм наркобизнеса, которому способствуют полулегальные поставки ПАВ. Реализация полулегальности заключается в том, что вещество, формально предназначенное для одного назначения, вместо этого фактически используется в иных несанкционированных целях и в итоге попадает в криминальный оборот [7, с. 43], а способствует этой реализации именно Протокол о безопасности цепи поставок товаров при контейнерных перевозках и облегчении торговли (между ФТС РФ и ГТУ КНР) [2] и Соглашения о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах (между Правительствами РФ и КНР) [3]. Рассмотрим, как правовые коллизии документов международного уровня находят свое практическое применение на примере субъектов РФ, расположенных в пределах Дальневосточного федерального округа (далее — ДФО).

В первую очередь стоит отметить, что ДФО достиг критически высоких показателей по уровню наркокризиса, это подтверждается статистическими данными по изъятию синтетических наркотиков и оценке Минздрава России. Согласно данной статистике лидирующими субъектами в пределах ДФО по изъятию синтетических наркотиков по-прежнему остаются Приморский и Хабаровский края. В результате в 2024 г. Хабаровский край занял первое место в России по заболеваемости наркоманией — 19,6 случая на 100 тыс. населения [9], оставаясь эпицентром наркокризиса в ДФО. Согласно характеристике наркоситуации в ДФО формирование криминального наркорынка не обусловлено внешней агрессией. Апогей наркокризиса является следствием использования нашими отечественными криминальными структурами легальных экономико-правовых возможностей приграничных государств в целях организации трансграничных поставок ПАВ. Указанная тенденция наиболее характерна для субъектов РФ, территориально входящих в ДФО, что обусловлено наличием возможностей для осуществления полулегального транзита через государственную границу между РФ и КНР. 28 декабря 2022 г. произошло значимое событие в борьбе с незаконным оборотом наркотиков (далее — НОН). В результате оперативных действий сотрудники Дальневосточной таможни предотвратили попытку незаконного ввоза крупной партии прекурсора — 1-(4-метилфенил) пропан-1-она общим весом 848 кг. Доставленный морским путем во Владивосток из КНР запрещенный груз, предназначался для незаконного производства мефедрона. Согласно декларации, поданной в Владивостокский Центр электронного декларирования, указанный химический агент предназначался для легального использования в сфере химической промышленности [11]. В то время как в КНР оборот данного вещества не подлежит регулированию [13], РФ применяет строгие меры контроля. Вещество включено в Список IV прекурсоров [6], оборот которых в РФ ограничен и регулируется отечественным законодательством и международными договорами.

В качестве еще одного примера использования правовых различий в нормативно-правовом регулировании оборота ПАВ между РФ и КНР для совершения трансграничных наркопреступлений служит задокументированный факт выявления канала поставок синтетических наркотиков со стороны КНР, организованный нашим внутренним криминалитетом. Так, в ходе оперативно-розыскных мероприятий транспортные полицейские задержали перевозчика, использовавшего бытовые приборы (мультиварки) для скрытной транспортировки запрещенных веществ. Из незаконного оборота изъято: 9 кг мефедрона, 5 кг N-метилэфедрона; свыше 5000 таблеток МДМА общей массой более 2,5 кг [8]. В частности, такое вещество как N-метилэфедрон является синтетическим наркотическим средством, которое обладает психостимулирующим эффектом. В рамках правового регулирования оборот данного вещества в КНР не контролируется [12], в то время как в РФ указанное вещество внесено в Список I наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оборот которых на территории Российской Федерации запрещен в соответствии с действующим законодательством РФ и международными договорами Российской Федерации. [6].

Таким образом, предметом данных преступлений является нелегальный оборот синтетических наркотиков и прекурсоров, ввозимых с территории КНР с использованием схем, придающих грузу полулегальный статус. Наличие правовых противоречий между государствами в сфере регулирования оборота наркотиков, создает благоприятные условия для увеличения объемов их незаконного ввоза, что, в свою очередь, представляет существенную угрозу национальной безопасности Российской Федерации.

Несмотря на то, что принцип взаимного признания результатов таможенного контроля между Россией и Китаем, изначально был нацелен на оптимизацию торговых процессов, на практике его реализация оборачивается ослаблением всестороннего контроля за импортируемыми на территорию РФ товарами. В соответствии с п. 3 ст. 5 Протокола о безопасности цепи поставок товаров при кон-

тейнерных перевозках и облегчении торговли (между ФТС РФ и ГТУ КНР): «товары, прошедшие досмотр в стране отправления, не досматриваются при прибытии в таможенный орган страны назначения, однако таможенный орган страны назначения товаров оставляет за собой право досмотра». П. 4 ст. 5 содержит прямое указание на необходимость к «снижению степени таможенного контроля путем использования при оценке риска сведений, содержащихся в передаваемой информации» [2]. Следующий документ международного уровня, а именно Соглашение о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах (между Правительствами РФ и КНР) содержит недостаточную конкретизацию в смысле определенных статей, что порождает неоднозначность понимания и «пробелы» в правоприменительной практике. Так, ст. 3 содержит данные о предоставляемой Сторонами информации, где п. 2 установлен обмен информацией исключительно в части наркотических средств и психотропных веществ. Реализация указанного подхода потенциально снижает эффективность системного контроля, поскольку приоритет смещается на анализ сведений, содержащихся в сопроводительных документах, а не на осуществление физических проверок, что совсем не гарантирует выявление нарушений. Кроме того, данный принцип и неполнота трактовок создают предпосылки для широкого использования легальных логистических каналов в целях незаконного оборота контролируемых веществ. С учетом вышеизложенного, целесообразно инициировать пересмотр Протокола о безопасности цепи поставок товаров при контейнерных перевозках и облегчении торговли (между ФТС РФ и ГТУ КНР) и Соглашения о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах (между Правительствами РФ и КНР) с последующим внесением соответствующих предложений по корректировке отдельных положений указанных документов международного уровня, с учетом складывающейся наркоситуации как в РФ в целом, так и в отдельных регионах, в частности в ДФО.

Анализ принимаемых в последнее время решений об упрощении правовых режимов миграционных потоков между РФ и КНР обостряет угрозу трансграничных наркопреступлений и роста наркозависимости в сопредельных странах. Согласно сообщению МИД России от 03.09.2025 г. КНР ввела в одностороннем порядке с 15.09.2025 г. по 14.09.2026 г. безвизовый въезд для граждан России на срок до 30 дней [10]. С учетом принципа взаимности безвизовый режим в отношении граждан КНР продолжительностью в один год введен на основании Указа Президента Российской Федерации № 872 от 01.12.2025 г. [4].

Таким образом, совокупность таких факторов как расхождение в правовых статусах ПАВ и отсутствие должного таможенного контроля на фоне активизации миграционных потоков очевидным образом препятствует борьбе с трансграничными наркопреступлениями. Более того, неполнота трактовок в документах международного уровня и отсутствие актуальной информации о правовом статусе ПАВ, подлежащих контролю в ряде стран, создают предпосылки для совершения контрабандных поставок ПАВ на территорию РФ, что в свою очередь, делает реализацию Указа Президента №733 от 23.11.2020 г. сопряженной с возможностью осложнения оперативной обстановки в сфере НОН.

Безусловно, корректировка рассмотренных нами нормативных правовых документов международного уровня — это наиболее радикальное решение указанных проблем. Однако это дело по времени затратное, требующее компетентного подхода не только в части криминалистической оценки, но и международного нормотворчества с учётом политических реалий международной ситуации в мире. Оперативность как один из основополагающих принципов правоохранительной деятельности предполагает возможность разработки организационно-тактических решений, направленных на минимизацию негативного влияния упомянутых факторов на наркоситуацию в регионе. Так, представляется возможным и целесообразным организация взаимодействия между компетентными правоохранительными органами сопредельных стран, заключающаяся в оперативном обмене актуализированными списками подконтрольных веществ, действующими на территории обеих стран, и введении в правоприменительную практику информирования субъектов взаимодействия о всех фактах пересечения государственной (таможенной) границы потенциально подконтрольными веществами в целях реализации положения Протокола о возможности реализации «права досмотра», либо проведения иных оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий.

Литература

1. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46508/ (дата обращения: 12.04.2026).
2. Протокол между Федеральной таможенной службой (Российская Федерация) и Главным таможенным управлением Китайской Народной Республики о безопасности цепи поставок товаров при

контейнерных перевозках и облегчении торговли (Пекин, 3 сентября 2015 г.). Доступ из справ.-правовой системы ГАРАНТ.

3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах (Москва, 3 сентября 1994 г.). Доступ из справ.-правовой системы ГАРАНТ.

4. О временном порядке въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации граждан Китайской Народной Республики: указ Президента РФ от 01 декабря 2025 г. № 872 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 50. Ст. 8745.

5. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г. (с изменениями и дополнениями): указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 [ред. от 16 февраля 2026 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 48. Ст. 7710.

6. Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: постановление правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 2. Ст. 219.

7. Владимир В. Ю. К вопросу о псевдоправомерном обороте наркотиков // Наркоконтроль. 2007. № 1. С. 42–46.

8. На Дальнем Востоке транспортные полицейские ликвидировали крупный канал поставки синтетических наркотиков. URL: <https://мвд.рф/news/item/62769058> (дата обращения: 13.04.2026).

9. Названы регионы с самым высоким уровнем по заболеваемости наркоманией. URL: <https://ria.ru/20250918/narkomaniya-2042606509.html> (дата обращения: 12.04.2026).

10. О введении китайскими властями безвизового режима въезда для российских граждан на срок до 30 дней. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2044672/ (дата обращения: 13.04.2026).

11. Около 850 кг химического вещества для производства наркотика задержала Дальневосточная оперативная таможня. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/news/document/364555> (дата обращения: 12.04.2026).

12. По результатам анализа обращения к программному комплексу «АИПСИН АнтиНаркотики». URL: https://aipsin.com/services/drugs_checker/69293/ (дата обращения: 12.04.2026).

13. По результатам анализа обращения к программному комплексу «АИПСИН АнтиНаркотики». URL: https://aipsin.com/services/drugs_checker/69298/ (дата обращения: 12.04.2026).

**Правовое регулирование уголовной ответственности несовершеннолетних
в странах Азии и России: сравнительно-правовой аспект**

© Н. А. Новожилова

студентка 5-го курса,

Байкальский государственный университет

Россия, г. Иркутск

novozhilovanad@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности правового регулирования уголовной ответственности несовершеннолетних в Российской Федерации и отдельных странах Азии. Проведен сравнительно-правовой анализ законодательства России, Китайской Народной Республики, Японии, регулирующего вопросы привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности. Особое внимание уделяется возрасту уголовной ответственности, видам наказания и применению альтернативных мер воспитательного воздействия. На основе проведенного анализа выявлены общие тенденции гуманизации уголовной политики в отношении несовершеннолетних и определены различия в правовых механизмах регулирования. Сделан вывод о возможности использования отдельных элементов зарубежного опыта для совершенствования российского законодательства.

Ключевые слова: несовершеннолетние, уголовная ответственность, сравнительное право, ювенальная юстиция, уголовное право, страны Азии, Россия.

**Legal regulation of the criminal liability of minors in Asian countries and Russia:
a comparative legal perspective**

N. A. Novozhilova

Fifth-year student,

Baikal State University

Russia, Irkutsk

novozhilovanad@yandex.ru

The article examines the features of legal regulation of criminal liability of minors in the Russian Federation and certain Asian countries. A comparative legal analysis of the legislation of Russia, the People's Republic of China, Japan, which regulates the issues of bringing minors to criminal responsibility, is conducted. Special attention is paid to the age of criminal responsibility, types of punishment, and the use of alternative measures of educational. Based on the analysis, general trends in the humanization of criminal policy towards minors and identified, and differences in legal mechanisms of regulation are determined. The article concludes that certain elements of foreign experience can be used to improve Russian legislation.

Keywords: minors, criminal liability, comparative law, juvenile justice, criminal law, Asian countries, Russia.

Проблема уголовной ответственности несовершеннолетних занимает особое место в системе уголовного права большинства государств. Это обусловлено тем, что несовершеннолетние обладают специфическими психологическими и социальными особенностями развития, что требует особого подхода со стороны государства при решении вопроса об их уголовной ответственности и наказании.

Международное сообщество на протяжении длительного времени уделяет значительное внимание вопросам защиты несовершеннолетних правонарушителей. Основополагающее значение имеют такие международно-правовые акты, как Конвенция о правах ребенка 1989 г., а также Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [1].

Российская федерация, как и многие государства Азии, в последние десятилетия осуществляли реформирование законодательства, направленного на гуманизацию уголовной политики в отношении несовершеннолетних. Однако подходы различных государств к установлению возраста уголовной ответственности, видам наказаний и мерам воспитательного воздействия существенно различаются.

В российском уголовном законодательстве институт ответственности несовершеннолетних закреплён в главе 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Согласно ст. 87 УК РФ несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет. Общий возраст уголовной ответственности в России составляет 16 лет. Однако за отдельные категории преступлений ответственность наступает с четырнадцати лет. К таким преступлениям относятся, в частности, убийство, умышленное причинение

ние тяжкого вреда здоровью, кража, грабеж, разбой, терроризм и ряд других деяний [2]. При этом законодатель устанавливает ограничения для применения наиболее строгих наказаний. Так, лишение свободы назначается несовершеннолетним лишь в исключительных случаях и на существенно меньшие сроки, чем взрослым лицам.

Кроме того, уголовное законодательство предусматривает возможность освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия. К таким мерам относятся предупреждение, передача под надзор родителей, возложение обязанности загладить причиненный вред, ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего [7]. По мнению исследователей, подобный подход направлен на реализацию принципа гуманизма и приоритет воспитательного воздействия над репрессивными мерами [6, с. 112].

В уголовном законодательстве Китайской Народной Республики также закреплены специальные положения, регулирующие ответственность несовершеннолетних. Согласно Уголовному кодексу КНР уголовная ответственность наступает с шестнадцати лет. Однако лица в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет могут быть привлечены к ответственности за совершение наиболее тяжких преступлений, включая убийство, причинение тяжкого вреда здоровью и изнасилование [3].

Китайское законодательство предусматривает особый подход к наказанию несовершеннолетних правонарушителей. Суд обязан учитывать возраст лица, уровень его психического развития и возможность исправления без изоляции от общества. В отношении несовершеннолетних активно применяются меры воспитательного воздействия и программы социальной реабилитации [9, с. 64]. В последние годы в КНР наблюдается тенденция к развитию системы ювенальной юстиции и усилению профилактических мер, направленных на предупреждение подростковой преступности.

Система ювенальной юстиции в КНР формировалась постепенно и представляет собой совокупность правовых норм, судебных институтов и социальных механизмов, направленных на предупреждение преступности среди несовершеннолетних и их социальную реабилитацию. Основу правового регулирования в данной сфере составляют Уголовный кодекс КНР, Закон КНР «О защите несовершеннолетних», Закон КНР «О предупреждении преступности среди несовершеннолетних», а также ряд подзаконных актов и судебных разъяснений [8].

Особенностью китайской модели ювенальной юстиции является сочетание уголовно-правовых мер с системой профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Государственная политика в этой сфере ориентирована не столько на наказание, сколько на воспитательное воздействие и социальную реабилитацию подростков, совершивших противоправные деяния. Китайская система ювенальной юстиции характеризуется наличием специализированных судебных подразделений, рассматривающих дела несовершеннолетних. Такие судебные структуры функционируют при народных судах различных уровней и ориентированы на индивидуальный подход к личности несовершеннолетнего правонарушителя. В процессе рассмотрения дела суд учитывает возраст обвиняемого, уровень его психического развития, условия воспитания и социальную среду.

Значительное внимание в КНР уделяется профилактике подростковой преступности. Закон КНР «О предупреждении преступности среди несовершеннолетних» закрепляет комплекс мер, направленных на предупреждение противоправного поведения подростков. К числу таких мер относятся воспитательная работа в образовательных учреждениях, деятельность органов общественной безопасности, участие семьи и социальных организаций в профилактике правонарушений [9, с. 47].

Важную роль в системе ювенальной юстиции Китая играют органы общественной безопасности и образовательные учреждения. Они осуществляют контроль за поведением несовершеннолетних, проводят профилактические мероприятия и обеспечивают социальную поддержку подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации. Кроме того, китайское законодательство предусматривает возможность применения несовершеннолетним альтернативным мерам воздействия, направленных на их перевоспитание. К таким мерам относятся общественное порицание, направление в специальное образовательное учреждение, а также участие в программах социальной реабилитации. Следует отметить, что в последние годы в Китае наблюдается тенденция к дальнейшему развитию института ювенальной юстиции и усилению правовых гарантий защиты несовершеннолетних. Законодательство постепенно совершенствуется с учетом международных стандартов защиты прав ребенка, включая положения Конвенции о правах ребенка.

Таким образом, система ювенальной юстиции КНР характеризуется комплексным подходом к регулированию ответственности несовершеннолетних. Она сочетает уголовно-правовые меры с профилактическим и воспитательным механизмом, направленными на предупреждение преступности и социальную реабилитацию подростков. Такой подход способствует снижению уровня подростковой

преступности и формированию более эффективной системы защиты прав несовершеннолетних. Особое место среди азиатских государств занимает Япония, где сформирована развитая система ювенальной юстиции. Основным нормативным актом, регулирующим ответственность несовершеннолетних, является Закон о несовершеннолетних 1948 г. [4].

Согласно японскому законодательству несовершеннолетними считаются лица, не достигшие двадцати лет. Это связано с историческими, культурными и правовыми особенностями развития японского общества. Норма о признании лица совершеннолетним с двадцати лет была закреплена в Гражданский кодекс Японии (1896 г.). В течение длительного времени именно этот возраст считался моментом полной гражданской дееспособности. С достижением данного возраста гражданин получал право самостоятельно заключать сделки, вступать в брак без согласия родителей, участвовать в выборах и нести полную юридическую ответственность. Исторически такая граница была связана с представлениями японского общества о социальной зрелости личности. Традиционно считалось, что к двадцати годам человек достигает достаточного уровня жизненного опыта и социальной ответственности. Однако уголовная ответственность применяется, как правило, с шестнадцати лет. Дела о правонарушениях несовершеннолетних рассматриваются специализированными семейными судами [10].

Японская система отличается высокой степенью ориентации на воспитание и социальную реабилитацию несовершеннолетних правонарушителей. В большинстве случаев суд применяет меры социальной поддержки, наблюдения и перевоспитания, а не уголовные наказания. Исследователи отмечают, что японская модель ювенальной юстиции характеризуется высоким уровнем социальной направленности и тесным взаимодействием судебных органов с образовательными и социальными учреждениями [10, с. 89].

Сравнение законодательства России и стран Азии позволяет выявить ряд общих и отличительных черт правового регулирования уголовной ответственности несовершеннолетних.

К числу общих характеристик можно отнести:

1. Установление пониженного возраста уголовной ответственности;
2. Наличие специальных норм уголовного законодательства;
3. Применение мер воспитательного воздействия;
4. Стремление гуманизации уголовной политики.

В то же время существуют и существенные различия:

Во-первых, различается возраст уголовной ответственности. Во-вторых, отличаются институциональные механизмы рассмотрения дел. Например, в Японии функционируют специализированные семейные суды, что обеспечивает более индивидуализированный подход к несовершеннолетним правонарушителям. В-третьих, наблюдаются различия в степени использования альтернативных мер воздействия. В ряде азиатских государств приоритет отдается программам социальной реабилитации и восстановительного правосудия. По мнению ученых, эффективная система регулирования ответственности несовершеннолетних должна сочетать меры уголовно-правового воздействия с социальными и педагогическими механизмами профилактики преступности [5, с. 134].

Проведенное исследование показывает, что правовое регулирование уголовной ответственности несовершеннолетних в России и странах Азии имеет как общие черты, так и существенные различия. Российская модель характеризуется сочетанием уголовно-правовых санкций и мер воспитательного воздействия. В то же время опыт некоторых азиатских государств, прежде всего Японии, демонстрирует более широкое использование механизмов социальной реабилитации несовершеннолетних правонарушителей.

Литература

1. Конвенция о правах ребенка: принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. 17 июня.
3. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. URL: <http://asia-business.ru/law/law1/criminalcode> (дата обращения: 20.03.2026).
4. Закон Японии о несовершеннолетних (Juvenile Act) 1948 г. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp> (дата обращения: 20.03.2026).
5. Алексеев А. И. Уголовное право России. Общая часть. Москва: Норма, 2020. 496 с.
6. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Москва: Проспект, 2021. 784 с.
7. Лопашенко Н. А. Преступность несовершеннолетних: криминологические и правовые аспекты. Москва: Юрлитинформ, 2019. 320 с.

8. Кузнецова Н. Ф. Уголовная политика и проблемы ювенальной юстиции. Москва: Норма, 2018. 256 с.
9. Zhang L. Juvenile Justice in China. Beijing: Law Press, 2019. 214 p.
10. Tanaka H. Juvenile Justice System in Japan. Tokyo: University Press, 2018. 198 p.

**Объективная сторона хищения:
сравнительный анализ законодательства России и Китая**

© **Б. Ю. Парпаев**

магистрант 2-го года обучения,
Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
parpaev18.04@mail.ru

В статье проводится сравнительно-правовой анализ объективной стороны хищения в уголовном праве Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Некоторое внимание уделяется особенностям конструирования имущественных преступлений в условиях цифровизации экономики и роста преступлений в банковской сфере. Исследуются ключевые элементы объективной стороны, включая изъятие имущества, способ совершения преступления, причинение имущественного ущерба и безвозмездность.

Ключевые слова: объективная сторона преступления, изъятие и обращение имущества, хищение, кража, мошенничество, грабеж.

The objective side of theft: a comparative analysis of Russian and Chinese legislation

B. Yu. Parpaev

2nd-year master's student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
parpaev18.04@mail.ru

The article provides a comparative legal analysis of the objective side of theft in the criminal law of the Russian Federation and the People's Republic of China. Special attention is paid to the peculiarities of constructing property crimes in the context of digitalization of the economy and the growth of crimes in the banking sector. The article explores the key elements of the objective side, including the seizure of property, the method of committing the crime, the causing of property damage, and the gratuitous nature of the crime.

Keywords: objective side of a crime, seizure and conversion of property, theft, fraud, robbery, embezzlement.

В условиях цифровизации экономики и активного внедрения финансовых технологий наблюдается рост преступлений против собственности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных средств. Особенно остро данная проблема проявляется в банковской сфере, где получили распространение мошенничество, кражи и иные формы хищения денежных средств с применением электронных инструментов.

Российская Федерация и Китайская Народная Республика в последние десятилетия активно развивают финансовые институты и внедряют цифровые технологии. Вместе с тем данные процессы сопровождаются возникновением новых криминальных рисков, связанных с неправомерным использованием достижений научно-технического прогресса.

Современный этап развития экономики характеризуется усложнением способов совершения имущественных преступлений и их постепенным переходом в цифровую среду. В этой связи исследование объективной стороны преступлений против собственности приобретает особую актуальность, поскольку позволяет раскрыть механизм совершения противоправных деяний. Целью настоящей работы является сравнительно-правовой анализ объективной стороны хищения в уголовном праве Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

1. Объективная сторона хищения в уголовном праве Российской Федерации

В российском уголовном праве хищение рассматривается как родовое понятие, объединяющее различные формы противоправного завладения чужим имуществом. Его определение закреплено в примечании к ст. 158 УК РФ [1]. Объективная сторона хищения включает следующие признаки:

- противоправное изъятие и (или) обращение чужого имущества;
- причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу;
- безвозмездный характер изъятия;
- направленность на извлечение имущественной выгоды.

Как указывается в юридической литературе, наличие родового понятия хищения позволяет обеспечить системность уголовно-правового регулирования и единообразие квалификации имущественных преступлений. Данные признаки распространяются на все формы хищения, предусмотренные уголовным законом: кража, мошенничество, присвоение и растрата, грабеж, разбой. Разграничение указанных составов осуществляется преимущественно по способу совершения преступления.

2. Особенности регулирования имущественных преступлений в уголовном праве КНР

В уголовном праве Китайской Народной Республики отсутствует обобщающее понятие хищения. Законодатель закрепляет отдельные составы преступлений, такие как кража, грабеж и мошенничество. Хищение же не выделяется как родовая категория, а является отдельным составом преступления.

Каждый из указанных составов имеет самостоятельную конструкцию объективной стороны и не объединяется в рамках единой категории.

В научных исследованиях отмечается, что для уголовного права КНР характерен казуистический подход, при котором законодатель стремится детально описать конкретные формы противоправного поведения [3].

3. Сравнительный анализ элементов объективной стороны хищения

3.1. Изъятие имущества

В уголовном праве Российской Федерации изъятие имущества является обязательным элементом объективной стороны хищения и прямо закреплено в законе [3].

В уголовном праве КНР данный признак прямо не формулируется, однако фактически присутствует в составах преступлений, таких как кража и мошенничество. В последнем случае изъятие осуществляется посредством введения потерпевшего в заблуждение.

3.2. Способ совершения преступления

В уголовном праве Российской Федерации способ совершения преступления используется для разграничения форм хищения и выступает важным квалифицирующим признаком.

В уголовном праве КНР способ совершения, напротив, лежит в основе формирования самостоятельных составов преступлений. Таким образом, один и тот же признак выполняет различную функцию в зависимости от правовой системы.

3.3. Причинение имущественного ущерба

В российском уголовном праве причинение ущерба является обязательным элементом объективной стороны хищения.

В уголовном праве КНР данный признак выражается через установление размера причиненного вреда, который учитывается при квалификации преступления⁷.

3.4. Безвозмездность

В уголовном праве Российской Федерации безвозмездность прямо закреплена в качестве признака хищения.

В уголовном праве КНР данный элемент прямо не закреплён, однако вытекает из содержания норм о незаконном получении имущества.

4. Мошенничество

Согласно уголовному законодательству Российской Федерации, мошенничество представляет собой хищение чужого имущества, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 159 УК РФ). В банковской практике такие деяния часто связаны с неправомерным использованием электронных средств платежа, подменой реквизитов, а также применением различных форм социальной инженерии. Следует отметить, что российский законодатель в последние годы уделяет повышенное внимание данной категории преступлений, что выражается в появлении специальных составов, связанных с кредитованием и использованием платежных инструментов.

В уголовном праве Китайской Народной Республики мошенничество (ст. 266 УК КНР) [2] также предполагает введение потерпевшего в заблуждение с целью завладения имуществом. Однако, в отличие от российского подхода, оно не включается в обобщающую категорию хищения и рассматривается как самостоятельный состав преступления. Таким образом, можно отметить, что в условиях цифровизации различия в подходах становятся более очевидными: российское право рассматривает цифровое мошенничество как разновидность хищения, тогда как китайское законодательство изначально закрепляет его как отдельный вид преступления.

5. Кража

В российском уголовном праве кража определяется как тайное хищение чужого имущества (ст. 158 УК РФ). В банковской сфере подобные действия могут выражаться, например, в несанкционированном списании денежных средств со счетов без ведома их владельца.

В уголовном праве КНР кража (ст. 264 УК КНР) также связана с незаконным завладением имуществом, однако при квалификации значительное внимание уделяется размеру причиненного ущерба и иным обстоятельствам совершения преступления. Сопоставление показывает, что в российском праве определяющим признаком является способ совершения деяния (тайность), тогда как в китайском праве более существенное значение имеет количественный показатель — стоимость похищенного имущества.

6. Грабеж

Грабеж в уголовном праве Российской Федерации определяется как открытое хищение чужого имущества (ст. 161 УК РФ) и предполагает совершение преступления в присутствии потерпевшего или иных лиц.

В банковской сфере данный состав встречается сравнительно редко, однако его реализация возможна, например, при открытом завладении денежными средствами в помещениях банковских организаций.

В уголовном праве КНР грабеж (ст. 263 УК КНР) традиционно рассматривается как более общественно опасное деяние и зачастую связан с применением насилия либо угрозы его применения. При этом в правоприменительной практике данный состав может охватывать более широкий круг действий по сравнению с российским законодательством.

В этой связи можно сделать вывод о том, что китайское право допускает более широкое толкование грабежа, тогда как российское законодательство проводит более четкое разграничение между грабежом и смежными составами, в частности разбоем.

Заключение

Таким образом, объективная сторона хищения в уголовном праве Российской Федерации и Китайской Народной Республики формируется на основе различных подходов. В российском праве используется обобщающая конструкция, тогда как в китайском праве соответствующие признаки распределены между отдельными составами преступлений. Данные различия имеют значение как для теории уголовного права, так и для практики квалификации преступлений, особенно в условиях роста преступлений в сфере цифровых технологий.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026). URL: <https://base.garant.ru/10108000/>.
2. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14 марта 1997 г. URL: <https://asia-business.ru/law/law1/criminalcode/code/>.
3. Хиллута В. В. Формы хищения в доктрине уголовного права. Москва, 2014. С. 493.

**Привлечение к уголовной ответственности и условия отбывания наказания
пожилыми гражданами: сравнительно-правовой аспект**

© И. Е. Попова

студентка 4-го курса,
Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
popovairinushka2005@yandex.ru

Автор на основе изучения уголовного законодательства России и Китая раскрывает специфику привлечения к уголовной ответственности и условия отбывания наказания пожилыми гражданами. Выявляются общие закономерности, связанные с назначением более мягкого наказания пожилым преступникам в обеих странах. Делается вывод о необходимости включения в Уголовный кодекс РФ специальной нормы, устанавливающей по примеру ст. 17-1 УК КНР правило о применении к пожилым лицам, привлекающимся к уголовной ответственности специальных, более мягких правил назначения наказания.

Ключевые слова: уголовный закон, назначение наказания, пожилые лица, пенсионеры, Китай, Россия.

**Bringing to criminal liability and the conditions for serving a sentence by elderly citizens:
a comparative legal perspective**

I. E. Popova

4 st-year student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
popovairinushka2005@yandex.ru

Based on a study of the criminal legislation of Russia and China, the author reveals the specifics of bringing elderly citizens to criminal liability and the conditions for serving punishment. The study identifies common patterns related to the imposition of more lenient sentences for elderly offenders in both countries. The conclusion is drawn that it is necessary to include a special provision in the Criminal Code of the Russian Federation, establishing, following the example of Article 17-1 of the Criminal Code of the People's Republic of China, a rule on the application of special, more lenient rules for imposing punishment to elderly persons who are subject to criminal liability.

Keywords: criminal law, sentencing, elderly persons, pensioners, China, Russia.

Зачастую, люди, прямо не связанные с уголовно-исполнительной системой не задумываются о проблеме отбывания наказания пожилыми людьми. А между тем «Старение тюремного населения можно признать общемировой тенденцией. Во многих странах численность осужденных пожилого возраста и инвалидов растет быстрее, чем в любой другой возрастной группе» [5, с. 22]. Содержание в исправительных учреждениях лиц, преклонного возраста осужденных к отбыванию наказания, как правило, требует обеспечивать им специальные условия содержания (дополнительное медицинское обслуживание, включая прием лекарственных препаратов; послабление требований режима и проч.). Понимая это многие страны создают специальные условия для отбывания наказания пожилыми людьми.

Так, например, в Японии в отдельных исправительных учреждениях предусмотрены специальные здания (помещения) для размещения пожилых людей, в которых особенности конструкции облегчают передвижение и размещение этих субъектов (пол между помещениями одного уровня, сотрудники одновременно выполняют роль санитаров и др.). В исправительных учреждениях Канаде имеют место отряды, в которых содержатся только пожилые осужденные. Соответственно и места отбывания наказания для них специализированы (имеются пандусы, специальные туалетные комнаты и проч.), планируется создание отдельных помещений для инвалидов-колясочников [5, с. 18–20]. Однако, здесь речь идет, прежде всего, о создании дополнительных условий для субъектов отдельных категорий, исходя из реалий, с которыми сталкивается уголовно-исполнительная система. А вот норм уго-

ловного закона, которые регламентировали бы правила привлечения к уголовной ответственности пожилых людей, практически не предусмотрены в тех или иных странах¹.

В этом смысле интересно уголовное законодательство Китая. Ст. 17-1 Уголовного кодекса Китайской народной республики (УК КНР) [2] устанавливает, что «Лица, достигшие 75 лет и совершившие умышленные преступления, подлежат более мягкому наказанию в пределах санкции либо им назначается наказание ниже низшего предела санкции, а совершившие преступления по неосторожности наказываются ниже низшего предела санкции». Отметим, что данная норма введена в 2011 г., уже после вступления в силу УК КНР. Вероятно, соответствующие дополнения были вызваны не только соблюдением принципа гуманизма, но и пониманием тех затрат (финансовых, трудовых, иных), которые вызывает необходимость отбывания наказания осужденными к лишению свободы пожилыми лицами, а также пониманием специфики исправления субъектов рассматриваемой категории, которое не всегда эффективно [4, с. 124–128].

В Российском уголовном законодательстве мы не находим нормы аналогичные ст. 17-1 УК КНР. Однако, в отечественном уголовном законе есть положения, которые могут быть применимы к ситуациям назначения наказания и привлечения к уголовной ответственности пожилых людей.

Прежде всего, следует обратить внимание на ч. 3 ст. 60 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [1], в которой установлено, что «При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи».

Далее, в статьях УК РФ, устанавливающих правила назначения наказания, мы видим, что не допускается пожизненное лишение свободы «мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста» (ч. 2 ст. 57 УК РФ) и смертная казнь не может быть назначена «мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста» (ч. 2 ст. 59 УК РФ). Для сравнения в УК КНР обозначены более суровые условия. Так, п. 2 ст. 49 закрепляет, что «К лицам, достигшим к моменту судебного разбирательства 75 лет, не применяется смертная казнь, кроме случаев, когда преступления были совершены с особой жестокостью».

При этом, в перечне прямо указанных в ст. 61 УК РФ смягчающих обстоятельств пожилой возраст не указан. Однако, как отмечает, например, М.Ф. Мингалимова, «совершение преступления виновным лицом, находящимся в старшей возрастной группе (более 60 лет), довольно часто признается судами обстоятельством, смягчающим наказание. И это несмотря на то, что оно отсутствует в перечне ч.1 ст. 61 УК РФ» [6, с. 401–404].

Более того, Конституционный Суд Российской Федерации одним из своих решений, четко обозначает недопустимость отказа от учета возраста лица, подвергающегося уголовному преследованию. Соответствующее решение названного высшего судебного органа появилось в ответ на жалобу, поступившую от гражданина В. Егорова, который был подвергнут судом наказанию в виде 10, 5 лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима. После половины срока отбывания наказания В. Егоровым было заявлено в суд ходатайство, в котором содержалась просьба заменить оставшийся срок другим видом наказания в виде принудительных работ. К своей просьбе В. Егоров приложил, в том числе положительно характеризующий его материал и обратил внимание на преклонный возраст. Однако суд не стал удовлетворять ходатайство осужденного. В обоснование своего решения он привел довод о том, что запрашиваемое В.Егоровым наказание, согласно правилам, установленным УК РФ не может быть назначено лицам мужского пола по достижении 60-летнего возраста. При этом было обращено внимание на то, что лицу, заявившему вышеназванное ходатайство на момент его рассмотрения уже исполнилось 62 года. Конституционный суд постановил «Признать ч. 7 ст. 53.1 УК РФ не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее ст. 19 (ч. 1 и 2), 46 (ч. 1), 50 (ч. 3) и 55 (ч. 3), в той мере, в какой она, исключая замену неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами осужденному мужчине единственно в силу достижения им 60-летнего возраста, даже если он отвечает всем иным необходимым для замены наказания нормативным условиям, не сбалансирована в системе действующего правового регулирования гарантиями возможности применения иных вариантов смягчения наказания такому осужденному» [2]. В результате УК РФ претерпел изменения в ст. 53. 1 УК РФ. Теперь в ней закреплено, что «Принудительные работы не назначаются ... лицам, достигшим возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости в соответствии с законодательством Российской Федера-

¹ В Уголовном кодексе Республики Беларусь совершение преступления престарелым лицом относится к обстоятельствам, смягчающим ответственность (п. 11 ч. 1 ст. 63).

ции, и признанным полностью неспособными к трудовой деятельности в соответствии с медицинским заключением, выданным в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации».

Таким образом, в России фактически присутствуют определенные нормативные положения, закрепляющие необходимость применения более мягких правил назначения отдельных видов наказания (ст. 53.1, 57, 59 УК РФ), а также общее положение о том, что при назначении наказания необходимо принимать во внимание «личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного» (ч. 3 ст. 60 УК РФ). Однако, считаем, что нужна специальная норма, устанавливающая по примеру ст. 17-1 УК КНР правило о применении к пожилым лицам, привлекающимся к уголовной ответственности специальных, более мягких правил назначения наказания. При этом в соответствующей норме необходимо не просто именовать таких субъектов «пожилыми», а установить четкий возраст. Полагаем, с учетом сравнительно недавней пенсионной реформы, он может быть для женщин 60 лет, для мужчин — 65 лет.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
2. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общей ред. А. И. Чучаева, А. И. Коробеева, пер. с кит. Хуан Даосю. 2-е изд. Москва, 2021. 312 с.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2022 г. по делу о проверке конституционности ч. 7 ст. 531 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Н.Егорова. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision587758.pdf>
4. Вишневская Т. И. Особенности исправительного процесса пожилых осужденных // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 1(29). С. 124–128.
5. Ельчанинова О. Ю. Зарубежный опыт организации поддержки осужденным инвалидам и лицам пожилого возраста во время содержания в местах лишения свободы и в постпенитенциарный период // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 5(56). С. 15–23.
6. Мингалимова М.Ф. Учет возраста виновного лица при назначении наказания // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 401–404.

Сравнительно-правовой анализ уголовной политики в сфере предпринимательской деятельности России и Китая

© А. В. Сафина

аспирант 1-го курса,

Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

safina.anshelika@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности уголовной политики России и Китая в сфере предпринимательской деятельности. Отмечается, что в условиях глобализации и технологического развития обеспечение экономической безопасности приобретает ключевое значение, а преступность в бизнес-среде выступает одним из факторов дестабилизации экономики. Проведён сравнительный анализ наиболее распространённых групп преступлений, включая мошенничество и злоупотребления. Исследуются современные тенденции уголовно-правовой политики России и Китая, связанные с совершенствованием законодательства, усилением контроля за финансовыми операциями, борьбой с коррупцией, а также ужесточением ответственности за отдельные категории преступлений. Отдельное внимание уделяется антикоррупционной политике в государственном и частном секторах, практике пресечения преступлений при реализации государственных контрактов, а также мерам противодействия манипулированию рынком и инсайдерской торговле. Сделан вывод о том, что обе страны стремятся обеспечить баланс между защитой прав добросовестных предпринимателей и эффективным пресечением преступлений в сфере предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: уголовная политика, предпринимательская деятельность, экономические преступления, комплаенс, гуманизация законодательства, Китай, Россия.

Comparative legal analysis of criminal policy in the sphere of business activities in Russia and China

A. V. Safina

1st-year postgraduate student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russia, Ulan-Ude

safina.anshelika@yandex.ru

The article examines the features of criminal policy in Russia and China in the field of entrepreneurial activity. It is noted that in the context of globalization and rapid technological development, ensuring economic security acquires key importance, while crime in the business environment acts as one of the factors destabilizing the economy. A comparative analysis of the most common groups of crimes, including fraud and abuse of authority, is carried out. The study explores current trends in the criminal policy of Russia and China related to the improvement of legislation, strengthening control over financial operations, combating corruption, as well as tightening liability for certain categories of crimes. Particular attention is paid to anti-corruption policy in the public and private sectors, the practice of suppressing crimes in the implementation of public contracts, as well as measures to counter market manipulation and insider trading. It is concluded that both countries seek to ensure a balance between protecting the rights of bona fide entrepreneurs and effectively suppressing crimes in the field of entrepreneurial activity.

Keywords: criminal policy, entrepreneurial activity, economic crimes, compliance, humanization of legislation, China, Russia.

В условиях глобализации и стремительного развития цифровых технологий обеспечение экономической стабильности становится одной из ключевых стратегических задач современного государства. Центральное место в этом процессе занимают бизнес-структуры: по состоянию на конец 2024 г. в Китае действовало более 55 миллионов частных предприятий, что составляет около 96,37% от общего числа компаний в стране. Схожая тенденция наблюдается и в Российской Федерации, где малый и средний бизнес обеспечивает значительную долю валового внутреннего продукта. В то же время предпринимательству продолжает угрожать преступность, которая наносит ущерб отдельным хозяйствующим субъектам и в целом негативно сказывается на состоянии экономики. В этой связи особую значимость приобретает сравнительное исследование уголовной политики двух крупнейших мировых экономик — Китая и России — в части противодействия преступности в сфере предпринимательской деятельности. Несмотря на различия в правовых традициях, обе страны активно транс-

формируют подходы к уголовно-правовому регулированию бизнеса, стремясь выстроить баланс между защитой экономической безопасности государства и созданием благоприятных условий для законной предпринимательской активности.

Обычно к преступлениям в сфере предпринимательства относят деяния, непосредственно связанные с производственной, управленческой и финансово-хозяйственной деятельностью предприятий. Сопоставление российской и китайской правоприменительной практики позволяет выделить несколько основных групп таких преступлений.

Первую группу составляют мошеннические и корыстные преступления, связанные с хищением и злоупотреблением имуществом. В России сюда относятся различные виды мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ), включая кредитное, страховальное и связанное с использованием компьютерной техники, а также присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ) и злоупотребление должностными полномочиями (ст. 201 УК РФ). В Китае среди наиболее значимых видов выделяют договорное мошенничество и присвоение имущества с использованием служебного положения. Вторую группу формируют финансовые и налоговые преступления, направленные против установленного государством порядка экономической деятельности. Уклонение от уплаты налогов является распространённым явлением в обеих юрисдикциях. В китайской практике дополнительно характерны фиктивное оформление счетов-фактур по НДС, незаконный привлечение вкладов населения (по отдельным оценкам, около 20% дел в частном секторе) и легализация преступных доходов. Третья группа включает коррупционные проявления в бизнесе. В государственном секторе Китая более 70% преступлений руководителей государственных предприятий связаны со злоупотреблениями, получением взяток и нецелевым расходованием общественных средств. В частном секторе остаются типичными коммерческий подкуп и дача взятки организацией. Российская практика также демонстрирует устойчивую связь предпринимательской преступности с коррупционными схемами. Четвёртую группу составляют нарушения правил конкуренции и функционирования рынка: инсайдерская торговля, манипулирование рынком ценных бумаг, фальсификация финансовой отчётности, подделка товарных знаков, сговор на торгах и разглашение коммерческой тайны.

Таким образом, в российской практике ядром предпринимательской преступности выступают мошеннические преступления и налоговые правонарушения, тогда как в Китае акцент смещён на коррупцию в государственном секторе и на незаконный сбор средств в частном секторе [1, с. 77].

Ответом государства на вызовы предпринимательской преступности выступает формирование и реализация целенаправленной уголовной политики, которая проявляется в совершенствовании законодательства, усилении роли правоохранительных органов, борьбе с коррупцией и развитии профилактических механизмов. При этом в России и Китае прослеживаются как ряд общих тенденций, так и заметные различия в расстановке приоритетов. Что касается законодательных изменений, в России наблюдается тенденция к гуманизации и либерализации уголовного права применительно к экономическим преступлениям. Расширяется перечень составов, по которым возможно освобождение от уголовной ответственности при полном возмещении причинённого ущерба (ст. 76.1 УК РФ). Параллельно вводятся ограничения на применение статьи о преступных сообществах (ст. 210 УК РФ) к типичной предпринимательской деятельности, что призвано исключить использование данной нормы в качестве инструмента давления на бизнес. В Китае законодательство адаптируется к условиям «социалистической рыночной экономики»: вводятся новые судебные постановления и разъяснения для противодействия финансовым махинациям, а с мая 2025 г. вступает в силу закон о содействии развитию частной экономики, закрепляющий равноправие частного и государственного секторов. Одной из ключевых целей этого закона и сопутствующих актов (в частности, постановления Министерства общественной безопасности от марта 2025 г.) является преодоление практики так называемой «рыбной ловли в дальних водах». В силу этой практики полиция менее экономически развитых регионов нередко возбуждала уголовные дела против успешных частных компаний из развитых провинций с целью изъятия якобы полученных незаконных доходов и наложения крупных штрафов для пополнения местных бюджетов. Новые правила резко ограничивают территориальную юрисдикцию, закрепляя её только за местом совершения основного преступления или местом регистрации подозреваемого, что способствует стабилизации рынка и укрепляет уверенность частных инвесторов.

Закон также провозглашает принцип равенства частных компаний и государственных предприятий: государство обязано обеспечивать им равный доступ к ресурсам и одинаковый уровень защиты имущественных и правовых интересов независимо от формы собственности [2, с. 24].

Усиление контроля за финансовыми и налоговыми операциями рассматривается как одно из ключевых направлений обеспечения экономической безопасности. В Китае в 2024 г. были проведены масштабные кампании против так называемых «подпольных банков», офшорных схем незаконного

вывода средств за пределы страны и налоговых преступлений; суммарный ущерб от экономических правонарушений превысил 800 млрд юаней. В Российской Федерации акцент смещён на контроль за государственными закупками, в частности в сфере гособоронзаказа, а также за деятельностью стратегически значимых отраслей, прежде всего топливно-энергетического и оборонно-промышленного комплексов. Борьба с коррупцией признаётся обеими странами одной из главных угроз экономической безопасности. Китайская модель отличается особой жёсткостью: в 2024 г. к уголовной ответственности за должностные преступления было привлечено около 27 000 человек, в том числе в финансовой, энергетической и медицинской сферах. Антикоррупционная политика в отношении государственных предприятий в Китае реализуется в основном в форме централизованных кампаний с участием партийных контрольных органов. Такой подход позволяет выявлять значительное количество нарушений, однако не всегда обеспечивает долгосрочное снижение коррупционных рисков. В научных публикациях отмечается, что эта модель сочетает жёсткие санкции и меры наказания с относительно слабо развитыми механизмами систематической профилактики.

Регулярные проверки и расследования в отношении руководителей крупных государственных компаний в отдельных случаях способствуют укреплению дисциплины управления. Вместе с тем сохраняется проблема выборочного применения мер и зависимость интенсивности контроля от текущих политико-административных приоритетов. В итоге антикоррупционная политика в данной сфере имеет двойственный характер: параллельно применяются профилактические меры и периодически разворачиваются интенсивные кампании усиленного контроля. В России противодействие коррупции в предпринимательской среде также рассматривается как одно из приоритетных направлений государственной политики. Особое внимание сосредоточено на сфере государственных закупок, где сохраняются повышенные коррупционные риски, связанные с возможным сговором между должностными лицами заказчиков и представителями коммерческих организаций, а также с использованием посреднических и фиктивных схем при исполнении контрактов. В последние годы отмечается активизация деятельности правоохранительных органов и антимонопольных структур, что проявляется в росте числа уголовных дел, возбуждаемых в отношении должностных лиц и представителей бизнеса, связанных с реализацией отдельных государственных и муниципальных контрактов. При этом в рамках одного контрактного правоотношения нередко выявляются взаимосвязанные противоправные действия нескольких участников, включая заказчиков и подрядчиков. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что в делах о коррупционных преступлениях всё чаще назначаются реальные сроки лишения свободы, а также применяются дополнительные меры ответственности, включая крупные штрафы, конфискацию имущества и запрет на занятие определённых должностей. В результате складывается тенденция к более жёсткому и системному подходу к пресечению коррупции в сфере предпринимательской деятельности.

Статистические данные указывают на существенное усиление уголовно-правового противодействия преступлениям на рынках ценных бумаг и фьючерсов в Китае. Число лиц, привлечённых к ответственности за соответствующие правонарушения, увеличилось более чем в два раза: если в 2023 г. он составил 346 человек, то в 2024 г. достиг 825 человек. Подобная динамика отражает тенденцию к ужесточению государственного контроля за финансовыми рынками и повышению уровня уголовно-правового реагирования на экономические правонарушения. Дополнительным фактором усиления правоприменения стало принятие в апреле 2024 г. совместного документа Верховного народного суда, Верховской народной прокуратуры и Министерства общественной безопасности КНР «Мнения по ряду вопросов обработки уголовных дел на рынках ценных бумаг и фьючерсов». В этом акте закреплён подход, ориентированный на максимальное взыскание незаконно полученной прибыли, компенсацию причинённых убытков, а также на формирование системы комплексной ответственности всех участников финансового рынка. Правоприменительная практика характеризуется ужесточением мер уголовной ответственности. Государственные органы придерживаются принципа обязательной передачи дел, подлежащих уголовному преследованию, в суд с последующим привлечением виновных лиц к ответственности. При этом отмечается ограничение использования условного осуждения и усиление роли денежных штрафов и иных имущественных санкций. К числу основных преступлений в данной сфере относятся манипулирование рынком, инсайдерская торговля и неправомерное раскрытие инсайдерской информации, мошеннический выпуск ценных бумаг, а также распространение ложной информации, способной повлиять на ход торгов.

В Российской Федерации также отмечается усиление уголовно-правового противодействия преступлениям на финансовом рынке. Особое внимание уделяется пресечению манипулирования рынком, неправомерного использования инсайдерской информации, а также мошенничества при размещении ценных бумаг [3, с. 60–62]. Отдельного внимания заслуживает вопрос защиты добросовестно-

го бизнеса от избыточного уголовного преследования. Масштаб проблемы в России красноречиво демонстрирует статистика: 83% компаний прекращают деятельность, если в отношении них или их руководства инициировано уголовное дело. Это свидетельствует о том, что само по себе уголовное преследование нередко причиняет предпринимателям несопоставимо больший ущерб, чем инкриминируемые правонарушения. Китай выработал принципиально новый институциональный инструмент — механизм «непреследования при условии соблюдения комплаенса» [4, с. 99]. Его суть состоит в следующем: прокуратура вправе не возбуждать уголовное дело против предприятия, если организация признаёт вину, соглашается на назначенное наказание и внедряет эффективную систему внутреннего контроля, обеспечивающую соответствие деятельности нормам уголовного права. При этом устанавливается период надзора и оценки, а решение принимается исключительно прокуратурой без необходимости судебного одобрения. К 2022 г. прокуратура рассмотрела 5 150 дел, связанных с несоблюдением законодательства; обвинения были сняты с 1 498 предприятий и 3 051 физического лица, в том числе совместных предприятий и компаний с иностранным капиталом [5, с. 39–42].

Цель данного механизма — снижение уголовных рисков для бизнеса, сочетание гибкости и строгости в правоприменении, сохранение экономически значимых предприятий при одновременном исправлении недостатков корпоративного управления. Верховная народная прокуратура КНР разработала стандарты корпоративного соблюдения законодательства, а предприятиям рекомендовано создавать и совершенствовать комплаенс-системы, чтобы подтвердить свою «достоинность спасения» и добиться прекращения уголовного преследования в случае его возбуждения. Российская система, несмотря на отсутствие официального института комплаенса, преследует схожие цели иными средствами. В рамках политики гуманизации расширяется перечень преступлений, по которым возможно освобождение от ответственности при полном возмещении ущерба (ст. 76.1 УК РФ), а процессуальные гарантии включают законодательный запрет на заключение предпринимателей под стражу по ряду экономических составов [6, с. 42]. Таким образом, обе страны движутся в направлении дифференцированного подхода: жёсткого преследования злостных правонарушителей и создания условий для исправления ситуации теми, кто готов к сотрудничеству с правосудием.

Сопоставление уголовной политики России и Китая в сфере предпринимательской деятельности показывает наличие как сходных ориентиров, так и принципиальных отличий в подходах к противодействию экономической преступности. В обеих странах признаётся необходимость соблюдения баланса между защитой экономики от противоправных посягательств и формированием стабильных условий для законной предпринимательской активности. Вместе с тем китайская модель характеризуется акцентом на институциональные инструменты, включая внедрение корпоративного комплаенса и проведение масштабных антикоррупционных кампаний, тогда как российская практика в большей степени ориентирована на совершенствование нормативной базы, либерализацию уголовного законодательства и усиление процессуальных гарантий для предпринимателей. Общим направлением развития выступает стремление разграничить добросовестную предпринимательскую деятельность и криминальные формы бизнеса, а также предотвратить использование уголовно-правовых средств в качестве механизма давления на участников рынка. В качестве перспективных мер можно выделить адаптацию отдельных элементов китайской системы комплаенса в российское правовое регулирование, активизацию двустороннего взаимодействия в противодействии трансграничной экономической преступности, а также развитие цифровых инструментов контроля финансовых операций при условии соблюдения прав и законных интересов предпринимателей. Реализация указанных подходов способна укрепить экономическую безопасность государств и повысить уровень доверия бизнеса к правовым институтам.

Литература

1. Пан Дунмэй. Современное состояние, структура и меры противодействия преступности в сфере предпринимательской деятельности в Китае // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 1(77). С. 75–81.
2. Александров А. С., Александрова И. А. Современная уголовная политика по противодействию преступности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Уголовная политика и правоприменительная практика: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 3 ноября 2016 г.) / отв. ред. Е. Н. Рахманова. Санкт-Петербург: Петрополис, 2016. С. 20–27.
3. Серпилин О. В. Направления уголовно-правовой политики в сфере предпринимательской деятельности // Фемида.Science. 2023 № 13. С. 57–65.
4. Шан Х., Лу Ц. Обзор и перспективы реформы уголовно-правового комплаенса на китайских предприятиях // Юридическая наука в Китае и России. 2023. № 6. С. 96–107.

5. Dongmei P., Olkhovik N. V. Prevention of crimes in the sphere of entrepreneurial activity in modern China. *Tomsk State University Journal of Law*. 2019; 33: 38–48.

6. Зайцев О. А., Кашепов В. П., Нудель С. Л. Уголовная политика в отношении преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 37. С. 40–56.

**Россия и Китай: сравнительный анализ мер
виктимологической безопасности жертвы в цифровом мире**

© П. Н. Стоцкая

магистрант 2-го курса,
Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
polyad1@yandex.ru

© Э. Л. Раднаева

кандидат юридических наук, доцент,
директор Института права и экономики,
Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
elviraradnaeva@mail.ru

В статье проведен сравнительный анализ мер виктимологической безопасности в России и Китае в условиях цифровизации. Автором установлено, что китайская модель защиты прав жертв киберпреступлений отличается большей централизацией (Киберуправление Китая), жесткостью требований к операторам данных и активным внедрением цифровых технологий в правосудие («умные суды», «Система 206»). Российское законодательство, напротив, характеризуется распределением полномочий между несколькими ведомствами и более низким уровнем использования искусственного интеллекта в судопроизводстве. На основе сравнительного анализа предложены направления совершенствования российской системы виктимологической безопасности с учетом позитивного опыта КНР. Сделан вывод о возможности имплементации китайских практик в российскую правовую систему.

Ключевые слова: виктимологическая безопасность, киберпреступность, жертва преступления, цифровое правосудие, искусственный интеллект, сравнительное правоведение, Российская Федерация, Китайская Народная Республика.

**Russia and China: a comparative analysis of victimological safety
measures for victims in the digital world**

P. N. Stotskaya

2nd-year master's student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
polyad1@yandex.ru

E. L. Radnaeva

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Director of the Institute of Law and Economics,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
elviraradnaeva@mail.ru

The article provides a comparative analysis of victimological safety measures in Russia and China in the context of digitalization. The author found that the Chinese model of protecting the rights of cybercrime victims is characterized by greater centralization (Cyberspace Administration of China), strict requirements for data operators and active introduction of digital technologies into justice («smart courts», «System 206»). Russian legislation, on the contrary, is characterized by the distribution of powers among several departments and a lower level of use of artificial intelligence in legal proceedings. Based on the comparative analysis, directions for improving the Russian victimological safety system are proposed, taking into account the positive experience of China. The conclusion is made about the possibility of implementing Chinese practices into the Russian legal system.

Keywords: victimological safety, cybercrime, crime victim, digital justice, artificial intelligence, comparative law, Russian Federation, People's Republic of China.

Цифровые технологии проникли во все сферы жизни, изменив не только экономику и социальные связи, но и криминальную среду. Киберпреступления сегодня — один из самых быстрорастущих ви-

дов правонарушений: их число растет, а способы совершения становятся все изощреннее. Как справедливо отмечается в научной литературе, ежегодно жертвами цифровых посягательств становятся миллионы граждан по всему миру [6, с. 14]. В этой связи особую значимость приобретает категория «виктимологическая безопасность». В рамках настоящей работы под этим термином мы понимаем гарантированную защиту граждан, общества и государства от преступных посягательств. Такая защита строится на комплексе правовых, управленческих и технических решений. Их главная задача — уменьшить уязвимость потенциальных жертв и одновременно сократить вред от уже случившихся преступлений [5, с. 12].

Выбор России и Китая в качестве объектов сравнительного анализа не случаен. Оба государства входят в число крупнейших цифровых экономик мира и сталкиваются со сходными вызовами в сфере кибербезопасности. При этом, как показывает изучение материалов, подходы двух стран к обеспечению виктимологической безопасности имеют как общие черты, так и существенные различия. Наибольший интерес, с точки зрения автора, представляет китайский опыт внедрения технологий искусственного интеллекта в судебную систему, который может быть адаптирован для совершенствования российской правовой практики.

Классическая виктимология, как известно, изучает личность жертвы преступления, факторы, повышающие риск стать жертвой, и систему мер защиты потенциально уязвимых лиц. В условиях цифровизации предметное поле этой науки существенно расширилось. Исследователи справедливо указывают, что киберпространство порождает новые виды уязвимости. К числу основных факторов, повышающих виктимный риск, относятся анонимность пользователей, трансграничный характер информационных потоков, массовость охвата аудитории и высокая скорость распространения запрещенной информации [10, с. 354].

По мнению автора, виктимологическую безопасность в цифровом мире можно рассматривать как комплексное состояние, включающее несколько взаимосвязанных элементов. Во-первых, это минимизация рисков стать жертвой киберпреступления. Во-вторых, это эффективная правовая защита лиц, уже пострадавших от цифровых посягательств. В-третьих, это функционирование механизмов оперативного реагирования на инциденты и восстановления нарушенных прав. В-четвертых, это сформированная в обществе культура безопасного цифрового поведения.

Если рассматривать, кто именно становится жертвой в цифровой среде, можно выделить три группы. Первая — это прямые жертвы: люди, чьи права были нарушены напрямую (например, у них украли деньги с карты или персональные данные). Вторая группа — латентные жертвы: эти люди даже не догадываются, что их данные уже используют третьи лица. Третья группа — «рикошетные» жертвы: это неопределенный круг лиц, пострадавших из-за системных сбоях или масштабных утечек — например, жители целого региона или покупатели конкретного сервиса.

Приведем эмпирические данные, иллюстрирующие масштаб проблемы. По информации за 2024 г., в Российской Федерации было скомпрометировано 1,58 млрд записей персональных данных, что эквивалентно одиннадцати записям на каждого жителя страны. Крупнейшая единичная утечка составила 500 млн записей. В Китайской Народной Республике, в тот же период, общий объем утекших данных достиг 3,93 млрд записей, что при населении в 1,408 млрд человек составляет примерно четыре записи на одного жителя [4, с. 1]. Эти цифры, с одной стороны, свидетельствуют о высоком уровне виктимизации населения в обеих странах, а с другой — указывают на разницу в подходах к регулированию оборота персональных данных.

Российская модель. Уголовно-процессуальное законодательство России определяет потерпевшего как физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред. Юридическое лицо также может быть признано потерпевшим, если преступление нанесло ущерб его имуществу или деловой репутации. Вместе с тем, применительно к киберпреступлениям возникают серьезные сложности. Во-первых, значительная часть пострадавших не обращается в правоохранительные органы (высокий уровень латентности). Во-вторых, при трансграничных кибератаках идентификация преступника и доказывание причинно-следственной связи между его действиями и наступившим вредом представляют собой трудноразрешимую задачу.

Согласно Федеральному закону от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» субъект наделяется правом доступа к своим данным, для их уточнения, блокирования и уничтожения в случае недостоверности, а также правом обжалования действий оператора [2]. Однако, как показывает практика, механизм реализации этих прав остается сложным для рядового гражданина, что снижает уровень его виктимологической защищенности.

Китайская модель. Законодательство КНР в сфере защиты данных жертв киберпреступлений, по оценке автора, является более централизованным и системным. Здесь действуют два основных нор-

мативных акта: «Закон о защите персональной информации» (Personal Information Protection Law, принят в 2021 г.) и «Закон о кибербезопасности» (Cybersecurity Law, принят в 2017 г.). Оба документа устанавливают жесткие требования к операторам персональных данных, включая: обязательность получения согласия субъекта на сбор данных; уведомление о целях и способах обработки; право субъекта на удаление своих данных (так называемое «право на забвение») [4, с. 2].

Важное отличие китайского подхода — обязательные проверки для всех компаний, а не только для государственных органов. В России же контроль в основном касается государственных информационных систем, а бизнес-сектор проверяется реже. В Китае это устроено иначе: проверяют всех без исключения, что помогает находить нарушения на раннем этапе и не допускать масштабных утечек [4, с. 2].

Проведем сравнительный анализ по нескольким ключевым параметрам. Регулирующие органы. В России надзор за персональными данными и кибербезопасностью разделен между тремя ведомствами: Роскомнадзором, ФСТЭК и ФСБ. При такой системе бывает сложно оперативно реагировать на инциденты. В Китае, напротив, существует единый регулятор — Киберуправление Китая (CAC). Это позволяет быстрее координировать действия и эффективнее защищать права граждан.

Контрольные мероприятия. В России обязательные проверки проводятся в основном в отношении государственных информационных систем и некоммерческого сектора. Коммерческий сектор проверяется гораздо реже. В Китае же периодические проверки предусмотрены для всех организаций независимо от формы собственности, что, по мнению автора, способствует более высокому уровню соблюдения законодательства.

Требования к локализации данных. Российское законодательство обязывает хранить персональные данные граждан РФ на территории страны, но допускает отдельные исключения. Китайское законодательство устанавливает более жесткие рамки в отношении локализации и трансграничной передачи данных, что обеспечивает более надежную защиту интересов граждан-потребителей.

Санкции за нарушения. В России, на основании, предусмотренном Федеральным Законом от 30.11.2024 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» с 30 мая 2025 г. введены административные санкции — оборотные штрафы за утечки персональных данных до 500 тыс. р. для юридических лиц, а также уголовная ответственность, а именно лишение свободы на срок до восьми, десяти лет лишения свободы со штрафами от двух до 3 млн р. В Китае оборотные штрафы действуют до 5% от годовой выручки или 50 млн юаней, также предусмотрены приостановка деятельности организации и уголовная ответственность — лишение свободы на срок до семи лет.

Резюмируя, можно констатировать, что китайская модель защиты жертв киберпреступлений отличается большей централизацией, системностью и жесткостью требований к операторам данных. Вместе с тем российское законодательство в последние годы также демонстрирует тенденцию к ужесточению ответственности за утечки, что, безусловно, является позитивным фактором.

Китайская Народная Республика, по оценкам международных экспертов, является мировым лидером по темпам внедрения цифровых технологий в судебную систему. С 2013 г. в стране реализуется стратегия построения «умных судов» (Smart Courts), главная цель которой — повышение эффективности и доступности правосудия [7, с. 2]. Рассмотрим ключевые элементы этой системы.

Интернет-суды. В 2017–2018 гг. в Ханчжоу, Пекине и Гуанчжоу были созданы специализированные интернет-суды для рассмотрения споров, возникающих исключительно в цифровой среде (онлайн-торговля, нарушение авторских прав в интернете и т.п.). Результаты работы таких судов очень показательны. Например, в суде Ханчжоу 91,2% исков подается онлайн, а дело рассматривается в среднем за 41 день — это на 60% быстрее, чем в обычном суде [7, с. 2]. Такой опыт, на мой взгляд, стоило бы внимательно изучить российским законодателям.

«Система 206». Это инновационная платформа для рассмотрения уголовных дел с использованием искусственного интеллекта, разработанная Высшим судом Шанхая при участии городского управления общественной безопасности, прокуратуры и компании iFlytek. Над созданием системы работала команда из более чем 700 специалистов: судей, прокуроров, следователей и IT-экспертов [11, с. 3]. Каковы функциональные возможности «Системы 206»? Во-первых, она анализирует доказательства и выявляет противоречия между ними (точность достигает 95%). Во-вторых, автоматически генерирует проекты процессуальных документов по типовым делам. В-третьих, осуществляет интеллектуальный поиск аналогичных дел в базе данных, содержащей более 140 млн судебных актов. В-четвертых, проводит «умный допрос» — формирует перечень вопросов по ключевым точкам дела. В-пятых, распознает лица и анализирует видеозаписи с мест преступлений [11, с. 3].

Платформа China Judgments Online. Это крупнейшая в мире открытая база данных судебных решений, содержащая более 140 млн документов. Важно подчеркнуть, что все судебные акты китай-

ских судов (за исключением дел о национальной безопасности, правонарушениях несовершеннолетних и некоторых категорий частных споров) размещаются в открытом доступе. Как справедливо отмечается в литературе, это обеспечивает беспрецедентный уровень транспарентности правосудия [11, с. 4].

Верховный народный суд КНР официально утвердил пять принципов применения ИИ в судах. Технологии не должны подрывать законность, алгоритмы обязаны быть беспристрастными, ИИ — лишь помощник судьи, а не его замена, все алгоритмы должны быть прозрачны и не противоречить общественным интересам [3, с. 2]. Особенно важен третий принцип: он исключает «роботизацию» правосудия и оставляет окончательное решение за судьей-человеком.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что цифровые технологии в Китае используются не только для расследования преступлений, но и для активной защиты прав и законных интересов жертв. Ниже систематизированы основные аспекты виктимологической защиты.

Снижение вторичной виктимизации. Онлайн-суды дают потерпевшим возможность участвовать в судебных заседаниях дистанционно. Это особенно важно для жертв киберпреступлений, которые могут испытывать сильный стресс от личного контакта с обвиняемым. Кроме того, электронная подача документов и онлайн-ознакомление с материалами дела минимизируют необходимость личных визитов в суд, что также снижает психологическую нагрузку.

Ускорение восстановления прав. Автоматизация рутинных процедур и интеллектуальная поддержка принятия решений значительно сокращают сроки судебного разбирательства. Показательный пример: после внедрения систем ИИ срок рассмотрения финансовых споров в судах низшего звена сократился с 60 до 40 дней [3, с. 3]. Для жертвы преступления, заинтересованной в скорейшем восстановлении своих прав, это имеет огромное значение.

Повышение доступности правосудия. Как показывают данные, для 85% судебных актов, сгенерированных искусственным интеллектом, не требуется существенных правок [3, с. 3]. Это позволяет судьям сосредоточить свои усилия на действительно сложных делах, одновременно обеспечивая быстрое разрешение типовых споров. Особенно актуально это для жертв «массовых» киберпреступлений (например, мошенничества с банковскими картами), где количество однотипных дел исчисляется тысячами.

Улучшение качества доказательственной базы. «Система 206», как уже отмечалось, позволяет выявлять противоречия в доказательствах с точностью 95% [11, с. 3]. Автор подчеркивает, что это преимущество имеет двусторонний эффект: снижается как риск ошибочного осуждения невиновных, так и риск отказа в защите прав реальных потерпевших из-за дефектов следствия.

Профилактика виктимизации. Открытые базы данных судебных решений (China Judgments Online) дают гражданам возможность самостоятельно оценивать риски при совершении сделок, проверять потенциальных контрагентов и, таким образом, избегать ситуаций, в которых они могут стать жертвами мошенничества. Автор полагает, что это очень эффективный инструмент формирования правовой культуры и ответственного поведения в цифровой среде.

В Российской Федерации также ведется активная работа по созданию цифровых сервисов для защиты прав граждан. В частности, был принят Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ, предусматривающий создание государственной информационной системы противодействия киберпреступлениям. Однако, по мнению автора, сохраняется ряд системных проблем, сдерживающих развитие виктимологической безопасности.

1. Отсутствие единой открытой базы судебных решений. Существующие ресурсы, например, ГАС «Правосудие», имеют серьезные ограничения как по полноте представленных данных, так и по удобству поиска. Гражданин не может в режиме реального времени оценить судебную практику по интересующему его вопросу.

2. Низкий уровень использования искусственного интеллекта. В отличие от Китая, где ИИ активно применяется для анализа доказательств, прогнозирования исходов дел и генерации проектов документов, в России эти технологии находятся на начальной стадии внедрения.

3. Разрозненность ведомственных усилий. Функции по противодействию киберпреступлениям распределены между МВД, Следственным комитетом, прокуратурой и судами. Отсутствие единой цифровой экосистемы, объединяющей все эти органы, затрудняет оперативный обмен информацией и координацию действий.

4. Низкая цифровая грамотность населения. Значительная часть граждан не владеет даже базовыми навыками кибергигиены: не использует сложные пароли, переходит по подозрительным ссылкам, сообщает персональные данные третьим лицам. Это делает их легкой добычей для киберпреступников.

Опираясь на проведенный сравнительный анализ, можно предложить несколько конкретных шагов для России. Прежде всего, стоит создать открытую базу судебных решений, похожую на китай-

скую China Judgments Online — это повысит прозрачность и даст гражданам возможность самим оценивать риски. Далее — постепенно внедрять ИИ для помощи по типовым делам, особенно по массовым киберпреступлениям вроде мошенничества с картами, чтобы ускорить процесс и разгрузить судей. Также нужны «умные» сервисы для потерпевших: онлайн-подача заявлений, отслеживание расследования, помощь с компенсациями. Полезно ужесточить требования к операторам данных — по примеру китайского RPL, ввести обязательные проверки для всех коммерческих компаний и повысить штрафы. И наконец, важно вкладываться в правовое просвещение: онлайн-курсы, вебинары, чат-боты с консультациями — чтобы люди знали, как защитить себя в сети.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

1. Виктимологическая безопасность в цифровом мире представляет собой комплексную проблему, требующую системного подхода, объединяющего правовые, организационные, технические и образовательные меры.

2. Российская и китайская модели защиты прав жертв киберпреступлений имеют как общие черты (наличие специального законодательства, создание специализированных подразделений), так и существенные различия. Китайская модель характеризуется большей централизацией, жесткостью требований к операторам данных и активным использованием цифровых технологий.

3. Китайский опыт цифровизации правосудия («умные суды», «Система 206») демонстрирует высокую эффективность применения искусственного интеллекта для анализа доказательств, автоматизации документооборота и обеспечения доступа к правосудию. При этом принципиально важным, на что следует обратить внимание российским законодателям, является закрепление на уровне Верховного народного суда КНР правила о том, что искусственный интеллект является лишь инструментом помощи, а не заменой судьи.

4. Россия может и должна использовать позитивный китайский опыт для совершенствования собственной системы виктимологической безопасности, особенно в части создания открытых баз судебных решений, внедрения технологий искусственного интеллекта и усиления контроля за оборотом персональных данных.

5. Дальнейшее развитие виктимологической безопасности требует активного международного сотрудничества, учитывая трансграничный характер киберугроз. Россия и Китай, являясь стратегическими партнерами в рамках ШОС и БРИКС, имеют хорошие перспективы для координации усилий в этой сфере.

Надеюсь, высказанные здесь идеи и предложения помогут улучшить защиту прав жертв киберпреступлений в России. А сам сравнительный анализ законодательства двух стран, возможно, будет полезен для дальнейших исследований и для законотворческой работы.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. 2014. № 31. 14 июля.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 «О персональных данных» № 152-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.
3. Стуколов А. Как работает ИИ в судебной системе Китая: опыт, цифры и перспективы // Закон.ру. 2025. 2 ноября. URL: https://staging.zakon.ru/blog/2025/11/2/kak_rabotaet_ii_v_sudebnoj_sisteme_kitay_a_opyt_cifry_i_perspektivy (дата обращения: 06.04.2026).
4. Бакулин А. М. Сравнительный анализ защиты и обработки персональных данных в России и Китае и законодательства в этой сфере // LI Самарская областная студенческая научная конференция: тезисы докладов: в 2 томах (Самара, 14–25 апреля 2025 г.). Т. 1. Естественные и технические науки. Санкт-Петербург: Эко-Вектор, 2025. С. 361–362.
5. Карпышева Ю. О., Репецкая А. Л. Виктимологическая безопасность в России и Китае: попытка компаративного анализа // Сибирский юридический вестник. 2019. № 2(85). С. 84–89.
6. Лютов В. А. Особенности назначения наказания за совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа по законодательству Российской Федерации и Китайской Народной Республики (сравнительно-правовой анализ) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2025. № 1. С. 14–17.
7. Диликсиати Д. Цифровые технологии в правосудии Китая // Digital technologies and law. 2025. 5 сент. С. 1–8.
8. Бякина С. И., Жданов Е. И., Сизова А. С. К вопросу о возможности внедрения опыта применения искусственного интеллекта в уголовном процессе КНР в систему правосудия России // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 4(72). С. 391–399.

9. Чжан Ц. Китай и Россия: международное право и кибербезопасность (проблемы, размышления и контрмеры) // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28, № 2. С. 144–161.
10. Пекарева В. В., Фроловская Ю. И. Сравнительный анализ правовых норм Российской Федерации и Китая, подразумевающих ответственность за киберпреступления // Аграрное и земельное право. 2024. № 4. С. 353–356.
11. Галлямов Д. Р. Применение искусственного интеллекта в изучении и оценке доказательств по уголовному делу в КНР // КиберЛенинка. 2025. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-iskusstvennogo-intellekta-v-izuchenii-i-otsenke-dokazatelstv-po-ugolovnomu-delu-v-knr> (дата обращения: 06.04.2026).
12. Журкина О. В. Цифровое правосудие как элемент реализации концепции электронного государства: на примере интернет-судов Китая // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10, № 3(36). С. 396–399.
13. Журкина О. В., Максименко Е. И. Опыт Китайской Народной Республики по цифровизации правосудия // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в Республике Казахстан. Костанай, 2021. С. 136–140.
14. Personal Information Protection Law of the People's Republic of China (PIPL, 2021). URL: <http://www.nhc.gov.cn> (access 30.05.2026).
15. Cybersecurity Law of the People's Republic of China (CSL, 2017). URL: <http://www.cac.gov.cn> (access 30.05.2026).

**Сравнительный анализ противодействия терроризму и экстремизму
в сети Интернет по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан**

© С. Н. Стоцкая

студентка 2-го курса колледжа,
Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова,
Россия, г. Улан-Удэ
Srfmt1357@gmail.com

В статье проводится комплексный сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства и специальных законов Российской Федерации и Республики Казахстан в сфере противодействия терроризму и экстремизму, распространяемым через сеть Интернет. Рассматриваются составы преступлений, связанные с публичными призывами, оправданием терроризма и вербовочной деятельностью. Анализируются положения Федерального закона РФ «О противодействии терроризму», Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (включая механизмы внесудебной блокировки сайтов), а также нового Федерального закона от 01.04.2025 № 41-ФЗ о создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям с использованием ИКТ. Исследуются Законы Республики Казахстан «О противодействии терроризму», «О противодействии экстремизму» и изменения 2014 г. Особое внимание уделяется международно-правовой базе: Шанхайской конвенции (2001 г.), Модельному закону СНГ и Протоколам ОДКБ по информационной безопасности. Выявляются сходства и различия в подходах двух государств, а также проблемы квалификации данных деяний. На основе анализа вносятся предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, противодействие, сеть Интернет, уголовная ответственность, Российская Федерация, Республика Казахстан, сравнительное правоведение, Шанхайская конвенция, ОДКБ, блокировка сайтов, информационная безопасность.

**Comparative analysis of countering terrorism and extremism on the Internet under
the legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan**

S. N. Stotskaya

2nd-year student of the College,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
Srfmt1357@gmail.com

The article provides a comprehensive comparative legal analysis of criminal legislation and special laws of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in the field of countering terrorism and extremism disseminated through the Internet. The article examines the elements of crimes related to public calls, justification of terrorism and recruitment activities. The provisions of the Federal Law of the Russian Federation «On Countering Terrorism», the Federal Law «On Countering Extremist Activities», the Federal Law «On Information, Information Technologies and Information Protection» (including mechanisms for extrajudicial blocking of sites), as well as the new Federal Law of 01.04.2025 No. 41-FZ on the creation of a state information system for combating offenses using ICT are analyzed. The Laws of the Republic of Kazakhstan «On Countering Terrorism», «On Countering Extremism» and the 2014 amendments are studied. Special attention is paid to the international legal framework: The Shanghai Convention (2001), the CIS Model Law and the CSTO Protocols on Information Security. Similarities and differences in the approaches of the two states, as well as problems of qualification of these acts, are identified. Based on the analysis, proposals are made to improve legislation and law enforcement practice.

Keywords: terrorism, extremism, counteraction, the Internet, criminal liability, Russian Federation, Republic of Kazakhstan, comparative law, Shanghai Convention, CSTO, site blocking, information security.

Актуальность темы исследования обусловлена стремительной цифровизацией всех сфер общественной жизни и переносом деструктивной деятельности террористических и экстремистских организаций в виртуальное пространство. Сеть Интернет сегодня выступает не только как средство коммуникации, но и как мощный инструмент пропаганды идеологии насилия, вербовки новых сторонников, финансирования и координации преступлений. Особую остроту эта проблема приобретает для государств-участников интеграционных объединений на постсоветском пространстве. Российская Федерация и Республика Казахстан, входящие в СНГ, ОДКБ и ШОС, сталкиваются с общими вызовами в

сфере обеспечения информационной безопасности, что требует гармонизации подходов к правовому регулированию противодействия терроризму и экстремизму в сети. Цель данной работы — провести комплексный сравнительный анализ законодательства РФ и РК, выявить сходства и различия в подходах к противодействию терроризму и экстремизму в интернете, оценить влияние международно-правовых обязательств на национальное законодательство и предложить пути совершенствования правоприменительной практики.

Фундаментальным документом, заложившим основу регионального сотрудничества, является Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001 г.). Конвенция впервые на международном уровне дала определения терроризма, сепаратизма и экстремизма как деяний, преследуемых в уголовном порядке, и обязала государства-участники (включая РФ, РК, КНР и другие страны ШОС) принимать меры по предупреждению, выявлению и пресечению этих преступлений [11]. Важно отметить, что Конвенция прямо указывает на необходимость противодействия финансированию терроризма и экстремизма, что позднее получило развитие в национальных законодательствах.

В рамках Содружества Независимых Государств был принят Модельный закон «О противодействии терроризму», который содержит рекомендательные нормы для гармонизации законодательства стран-участниц. В частности, модельный закон предлагает включать в понятие террористической деятельности пропаганду идей терроризма, распространение материалов через информационно-телекоммуникационные сети [12]. Как будет показано далее, Казахстан в большей степени воспринял эти рекомендации, чем Россия.

Важную роль в формировании единой политики играет Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В рамках ОДКБ приняты Протоколы о сотрудничестве в области обеспечения информационной безопасности (включая обновления 2024–2025 гг.), которые обязывают государства-члены координировать усилия по противодействию использованию информационно-коммуникационных технологий в террористических целях [13]. Эти документы предусматривают обмен информацией о выявленных угрозах, совместные расследования и оперативные мероприятия в киберпространстве, что создает правовую основу для двустороннего сотрудничества РФ и РК.

На уровне уголовного законодательства подходы России и Казахстана демонстрируют значительное сходство, что обусловлено общими правовыми традициями и участием в международных договорах. В Уголовном кодексе Российской Федерации ключевыми нормами выступают:

Ст. 205.2 УК РФ — публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма. Ч. 2 этой статьи устанавливает повышенную ответственность за те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») [3].

Ст. 280 УК РФ — публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Аналогично, квалифицирующим признаком является использование интернета.

Ст. 205.1 УК РФ — содействие террористической деятельности, включая склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение преступлений террористической направленности, где использование интернета также отягчает ответственность.

В Уголовном кодексе Республики Казахстан содержатся аналогичные составы:

Ст. 256 УК РК — пропаганда терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма. Использование средств массовой информации или сетей телекоммуникаций является особо квалифицирующим признаком [4].

Ст. 174 УК РК — возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной вражды. Квалифицированный состав также предусматривает ответственность за деяния, совершенные с использованием интернета.

Ст. 258 УК РК — финансирование террористической деятельности, которое в современных условиях часто осуществляется через криптовалюты и электронные платежные системы.

Таким образом, оба государства криминализируют распространение террористической и экстремистской идеологии в интернете и признают использование сети отягчающим обстоятельством, влекущим более строгое наказание. Российская Федерация располагает развитой системой специальных законов, регулирующих различные аспекты противодействия терроризму и экстремизму.

Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в редакции от 28.02.2025) устанавливает основные принципы, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним [5]. Закон определяет понятие терроризма, террористической деятельности, антитеррористической операции, но, в отличие от казахстанского аналога, прямо не включает распространение террористических материалов в сети в определение террористической деятельности.

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (последняя редакция) [6] дает развернутое определение экстремистской деятельности, к которой относит, в том числе, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека, а также публичное демонстрирование нацистской атрибутики. Важно, что закон предусматривает признание материалов экстремистскими в судебном порядке и их внесение в федеральный список экстремистских материалов, что влечет блокировку соответствующих интернет-ресурсов.

Ключевое значение для регулирования отношений в цифровой среде имеет Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изменениями и дополнениями, в редакции от 29.12.2025) [2; 3; 5]. Особого внимания заслуживает Ст. 15.3, которая устанавливает порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением закона, в том числе содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в террористической деятельности. Данная норма предусматривает внесудебную блокировку сайтов по требованию Генеральной прокуратуры РФ, что является эффективным механизмом оперативного реагирования на угрозы.

Новейшим этапом развития законодательства стало принятие Федерального закона от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7]. Данный закон предусматривает создание единой государственной информационной системы, которая будет аккумулировать данные о киберпреступлениях, включая террористические и экстремистские проявления, и обеспечивать координацию деятельности правоохранительных органов. Это беспрецедентная мера, направленная на повышение эффективности борьбы с цифровыми угрозами.

Согласно отчетам Национального антитеррористического комитета (НАК) РФ и Антитеррористического центра СНГ, ежегодно блокируются десятки тысяч интернет-ресурсов, распространяющих террористическую и экстремистскую идеологию [14]. Только за 2025 г. количество заблокированных материалов увеличилось на 15% по сравнению с предыдущим годом, что свидетельствует о возрастающей активности деструктивных сил в сети.

Республика Казахстан также обладает развитой системой специального законодательства, которое отличается рядом особенностей. Закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 416-І «О противодействии терроризму» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.11.2025 г.) [8] является базовым документом в этой сфере. Как отмечалось ранее, казахстанский закон дает расширенное определение террористической деятельности, которое прямо включает «пропаганду идей терроризма, распространение террористических материалов, в том числе с использованием средств массовой информации или сетей телекоммуникаций, а также публичные призывы к совершению акта терроризма» (подп. 18 ст. 1). Закон также закрепляет понятия «идеология насилия» (подп. 4 ст. 1) и «антитеррористическая защищенность объектов» (подп. 16-1 ст. 1), что создает правовую основу для профилактической работы.

Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 г. № 31 «О противодействии экстремизму» (последняя редакция) [9] определяет правовые и организационные основы борьбы с экстремизмом, включая его проявления в информационной сфере. Закон устанавливает запрет на создание и распространение экстремистских материалов, а также предусматривает меры по ограничению доступа к таким материалам в сети Интернет.

Важным этапом развития законодательства стало принятие Закона Республики Казахстан от 3 ноября 2014 г. № 244-V ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия экстремизму и терроризму» [10]. Этот закон ужесточил ответственность за пропаганду терроризма в интернете, ввел понятие «террористические материалы» и установил порядок их блокировки.

На стратегическом уровне важное значение имеет Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 гг., утвержденная Указом Президента РК от 6 марта 2020 г. [15]. В разделе 1.7 Концепции прямо указывается на необходимость «содействия обеспечению международной информационной безопасности, борьбе с кибертерроризмом и использованием информационно-коммуникационных технологий в противоправных целях». Это свидетельствует о том, что противодействие цифровым угрозам рассматривается как приоритетное направление государственной политики.

Проведенный анализ позволяет выделить следующие сходства и различия в подходах двух государств. Сходства:

1. Унификация понятийного аппарата и составов преступлений в уголовном законодательстве, что обусловлено участием в международных договорах (Шанхайская конвенция, документы ОДКБ и СНГ).

2. Признание использования сети Интернет отягчающим обстоятельством при совершении преступлений террористической и экстремистской направленности.

3. Наличие механизмов внесудебной блокировки интернет-ресурсов, распространяющих запрещенную информацию.

4. Участие в международном сотрудничестве по противодействию киберугрозам в рамках СНГ, ШОС и ОДКБ.

Различия:

1. Подход к определению террористической деятельности. В Казахстане распространение террористических материалов в сети прямо включено в это понятие на уровне специального закона [8], в то время как в России данные отношения регулируются преимущественно уголовным законодательством [5].

2. Наличие понятия «идеология насилия». Казахстанский законодатель закрепил это понятие в законе [8], что создает более прочную основу для профилактической работы. Российское законодательство такого понятия не содержит.

3. Системность правового регулирования. В Казахстане специальные законы о противодействии терроризму и экстремизму дополняют друг друга и создают единую систему. В России наблюдается фрагментарность: ФЗ-35 и ФЗ-114 регулируют разные аспекты, а блокировка сайтов осуществляется на основе ФЗ-149.

4. Новейшие технологические решения. Россия пошла по пути создания единой государственной информационной системы для борьбы с киберправонарушениями (ФЗ-41/2025) [7], что является более централизованным подходом. Казахстан пока делает ставку на межведомственную координацию в рамках действующего законодательства.

Несмотря на наличие развитой законодательной базы, и в России, и в Казахстане сохраняются общие проблемы правоприменения:

1. Сложность сбора и закрепления электронных доказательств. Преступники используют средства анонимизации (VPN, прокси-серверы, шифрование), страницы с противоправным контентом удаляются за минуты, серверы находятся за границей. Уголовно-процессуальное законодательство обеих стран пока не содержит специальных норм, регламентирующих порядок работы с цифровыми следами.

2. Трансграничный характер угроз. Отсутствие эффективных механизмов международного взаимодействия приводит к тому, что значительная часть преступников остается безнаказанной.

3. Проблема разграничения свободы слова и экстремистских высказываний. Требуется высокая квалификация правоприменителей и четкие законодательные критерии.

Предложения по совершенствованию:

1. Гармонизация процессуального законодательства. Необходимо разработать и внедрить в УПК РФ и РК единые стандарты сбора, фиксации и хранения электронных доказательств, основанные на рекомендациях ОДКБ и СНГ.

2. Имплементация лучших практик. России целесообразно рассмотреть возможность включения в ФЗ-35 «О противодействии терроризму» понятия «идеология насилия» и расширения определения террористической деятельности за счет распространения материалов в сети, как это сделано в Казахстане.

3. Развитие международного сотрудничества. Необходимо активизировать работу в рамках ОДКБ по созданию совместных баз данных экстремистских материалов, оперативному обмену информацией о выявленных угрозах и проведению совместных расследований.

4. Совершенствование профилактической работы. Важно закрепить на законодательном уровне обязательность проведения профилактических мероприятий в образовательных учреждениях, направленных на противодействие вербовке молодежи через интернет.

Проведенный сравнительный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Законодательство России и Казахстана в сфере противодействия терроризму и экстремизму в интернете развивается в русле общих международных обязательств, вытекающих из Шанхайской конвенции, документов СНГ и ОДКБ.

2. На уровне уголовного законодательства подходы двух стран практически идентичны: оба государства криминализируют публичные призывы и пропаганду в сети, признавая использование интернета отягчающим обстоятельством.

3. На уровне специальных законов обнаруживаются существенные различия. Казахстанский подход отличается большей комплексностью: распространение террористических материалов в сети прямо включено в определение террористической деятельности, в законе закреплены важные для профилактики понятия («идеология насилия»). Российский подход более фрагментарен, но при этом отличается внедрением новейших технологических решений (создание государственной информационной системы по борьбе с киберправонарушениями).

4. Основные проблемы правоприменения являются общими для обеих стран: сложность сбора электронных доказательств, трансграничный характер угроз, недостаточная координация международного сотрудничества.

5. Решение видится в гармонизации процессуального законодательства, имплементации лучших практик (в том числе казахстанского опыта закрепления понятия «идеология насилия»), активизации международного сотрудничества в рамках ОДКБ и СНГ, а также совершенствовании профилактической работы.

Только комплексный подход, сочетающий уголовно-правовые, процессуальные, организационные и профилактические меры, позволит эффективно противостоять распространению террористической и экстремистской идеологии в сети Интернет.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. 2014. № 31. 14 июля.

2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп.) // Ведомости Парламента РК. 2014. № 13(I). Ст. 83.

5. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

6. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

7. Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 14. Ст. 2150.

8. Закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 416-I «О противодействии терроризму» (с изм. и доп. по сост. на 20.11.2025 г.) // ИС Параграф. URL:https://prg.kz/document/?doc_id=1013957 (дата обращения: 15.03.2026).

9. Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 г. № 31 «О противодействии экстремизму» (с изм. и доп.) // Кодексы Казахстана. URL:https://kodeksy.kz.com/ka/o_protivodejstvii_ekstremizmu.htm (дата обращения: 15.03.2026).

10. Закон Республики Казахстан от 3 ноября 2014 г. № 244-V ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия экстремизму и терроризму» // Учет.kz. URL:<https://zakon.uchet.kz/rus/docs/Z1400000244> (дата обращения: 15.03.2026).

11. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (заключена в г. Шанхае 15.06.2001). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Модельный закон СНГ «О противодействии терроризму» (принят в г. Санкт-Петербурге 03.12.2009 Постановлением 33-15 на 33-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ). Доступ из справ.-правовой системы ГАРАНТ.

13. Протоколы ОДКБ о сотрудничестве в области обеспечения информационной безопасности (с обновлениями 2024–2025 гг.) / Министерство иностранных дел РФ. URL:https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/52767/ (дата обращения: 15.03.2026).

14. Отчеты НАК (РФ) и АТЦ СНГ: Статистические данные о блокировках интернет-ресурсов // RTM Tech. URL: <https://rtmtech.ru/research/website-blocking-research/> дата обращения: 15.03.2026).

15. Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 гг.: утв. Указом Президента РК от 6 марта 2020 г. № 280. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 15.03.2026).

16. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

Особенности и препятствия проведения сравнительно-правовых исследований борьбы с преступностью и осуществляемого с связи с ней международного сотрудничества в странах глобального юга

© А. Д. Цыплакова

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики,
МГИМО МИД России
Россия, г. Москва
Tsypalakova.a.d@my.mgimo.ru

В настоящей научной статье рассматриваются особенности и препятствия при изучении и исследовании борьбы с преступностью и осуществляемого в связи с ней международного сотрудничества в странах Глобального Юга, которые можно поделить на технические (с точки зрения используемой терминологии, юрислингвистики и доступности) и содержательные (понимание исторического прошлого, иерархии и структуры источников, включая смежные). В качестве примеров взяты африканские, азиатские и арабские страны, включая Исламскую Республику Иран, Государство Япония, Социалистическую Республику Вьетнам, Тунисскую Республику, Королевство Саудовская Аравия, Объединённые Арабские Эмираты Республики, Индонезия, Индия, Алжирскую Народную Демократическую Республику, Арабскую Республику Египет, Федеративную Демократическую Республику Эфиопия, Султанат Оман, Государство Кувейт, Китайскую Народную Республику и иные.

Ключевые слова: азиатские страны, арабские страны, африканские страны, Глобальный Юг, сравнительно-правовое исследование, борьба с преступностью, международное сотрудничество в борьбе с преступностью.

**Features and obstacles in conducting comparative legal studies
of crime control and the international cooperation related to it in countries of the Global South**

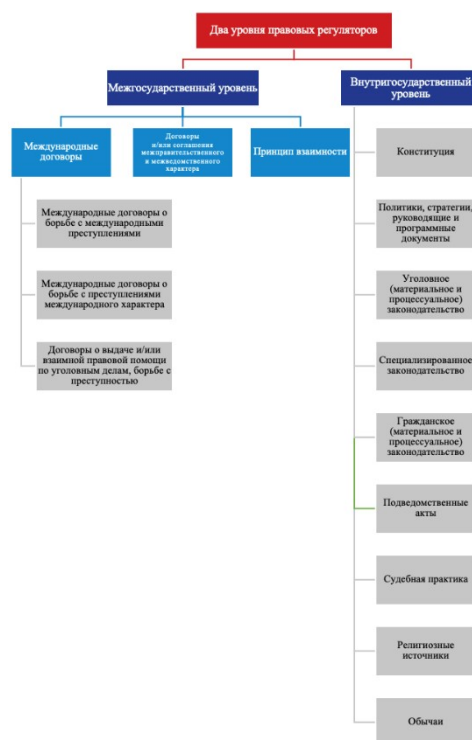
© A. D. Tsypalakova

Candidate of Legal Sciences,
Lecturer at the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminalistics
MGIMO University
Russia, Moscow
Tsypalakova.a.d@my.mgimo.ru

This scientific article examines the peculiarities and obstacles in studying and researching crime prevention and related international cooperation in the countries of the Global South, which can be divided into technical (as to terminology, legal linguistics and accessibility) and substantive (in terms of understanding of the historical past, hierarchy and structure of sources, including related ones). Examples are taken from African, Asian, and Arab countries, inter alia the Islamic Republic of Iran, Japan, the Socialist Republic of Vietnam, the Republic of Tunisia, the Kingdom of Saudi Arabia, the United Arab Emirates, Indonesia, India, the People's Democratic Republic of Algeria, the Arab Republic of Egypt, the Federal Democratic Republic of Ethiopia, the Sultanate of Oman, the State of Kuwait, the People's Republic of China, and others.

Keywords: Asian countries, Arab countries, African countries, Global South, comparative research, crime prevention, international cooperation in combatting crimes.

По мере глобализации сравнительная криминология стала инструментом для кросс-культурного анализа преступности, сопоставляя общие мировые, региональные и национальные тенденции. Кросс-национальное сравнение *per se* считается не целью, а предназначением криминологии [1: 204; 2: 34]. Начиная с 60-х — 70-х XX в., активным образом отечественные и зарубежные исследователи занимаются выявлением закономерностей на внутри- и межгосударственном уровнях в контексте преступности и борьбы с ней. Вместе с тем, зачастую подход довольно фрагментированный, не учитывающий междисциплинарности.

Прежде всего стоит понимать, что фактически все правовые системы, в особенности азиатские и африканские, являются смешанными, вобрав в себя черты исторического наследия, в том числе колониального прошлого (будь то французское, нидерландское, британское или османское), наднационального регулирования и религиозные аспекты. Государство может быть светским на конституционном уровне, однако следовать в определённой степени исламской традиции (е.g., Турецкая Республика [3]), либо наоборот — религиозным, но при условии обязательного законодательного закрепления конкретных шариатских норм в качестве юридически обязательных (е.g., Кувейт [4: 31–32]) — т.н. гражданские государства с исламской ориентацией [5: 335]. При этом практически нигде не установлен один главенствующий мазхаб, что расширяет возможности понимания и толкования. В отдельные исторические периоды уголовное законодательство арабских и азиатских стран (е.g., Судан и Индия) претерпевали влияние одновременно нескольких традиций: общее право, французская юридическая мысль и фикх [5: 176, 6]. Ряд сфер в Республике Индия до сих пор могут носить не унифицированный характер и основываться на традиционных нормах конкретного народа или конфессии, включая исламский шариат и другие местные обычаи [7: 300–303]. Согласно ст. 29 Конституции Республики Индонезия 1945 г. с поправками от 1999, 2000, 2001, 2002 гг. [8], государство основывается на единой вере в Бога, при этом не установлено ни одной религии в качестве обязательной.

Международное сотрудничество в борьбе с преступностью носит полисистемный характер и предполагает изучение двух уровней [9]: межгосударственный (универсальный, региональный и двусторонний на высоком, межправительственном и межведомственном уровнях) и внутригосударственный. При этом первое касается не только международных договоров и соглашений, но и принципов, обычных практик, обычаев и неформальных договорённостей. Вместе с тем, будучи участниками конкретной международной организации или объединения, государства весьма неохотно присоединяются к разработанным документам. Примерами подобного являются ШОС и IGAD. В рамках же азиатского региона наблюдается меньшая фрагментация субрегиональных «режимов». При этом не во всех Конституциях и уголовных, уголовно-процессуальных и специализированных законах отражается соотношение национального и международного права. Это выводимо как из судебной практики Верховного суда (Индия [10]), так и заявляемых позиций и расплывчатых формулировок по типу «уважает международное право» (арабские страны). Отдельные заявляемые оговорки могут ограничивать возможности применения положений международного договора в части международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства (как части международного сотрудничества в борьбе с преступностью). Примером подобного являются КСА, Сальвадор, Мальта, Маврикий, Непал, Пакистан, Филиппины, Сейшелы, Сент-Люсия, Вьетнам и Сингапур в контексте Конвенции ООН против коррупции (Мерида, 31.10.2003) и Непал, Ботсвана, Буркина Фасо, Бурунди, Малайзия,

Пакистан в контексте Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (Палермо, 15.11.2000) [11].

Что же касается второго, не только законодательство (а в отдельных случаях — нормативно-правовые акты¹), но и стратегические и руководящие документы общего и специализированного характера имеют большое значение: в отдельных стратегиях кибербезопасности (например, в Индии [11: 360]) приоритетным направлением является расследование киберпреступлений (в особенности фэйки и спам), включая цифровую криминалистику. Программные документы по типу резолюций Вьетнамской Коммунистической Центрального комитета определяют не только отдельные направления уголовной (уголовно-правовой или уголовно-процессуальной) политики, но и закладывают основы для дальнейших реформ соответствующего законодательства [13].

Изучение борьбы с преступностью как многогранного явления не должно ограничиваться актами, непосредственно содержащими в своём наименовании указание на таковое, но и иные, касающиеся уголовно-правовых направлений и смежных дисциплин. Так, изучение особенностей правового статуса электронных доказательств в уголовном судопроизводстве и наложения ограничительных мер на преступные активы не может быть в отрыве от гражданского и гражданско-процессуального регулирования, а также подведомственных актов [14, 15].

Сама же по себе используемая терминология может разниться даже в рамках одной страны [16]. Так, например, в федеральных законах (федеральных декретах-законах) и постановлениях Совета министров ОАЭ используются три термина: борьба (араб. «مكافحة»), противодействие (с араб. «مواجهة» буквально столкновение лицом к лицу) и профилактика (араб. «وقاية»). Первое понятие является наиболее часто встречаемым: в сфере здравоохранения (инфекционные заболевания, употребление табака, наркотиков, запрещённых веществ в области скачек и конного спорта), безопасности (насильственный экстремизм, терроризм, экстремизм, дискриминация и ненависть, слухи и электронные преступления, торговля людьми, домашнее насилие), экономики (экономическое мошенничество). Оно охватывает не только (уголовно-, административно- и гражданско-правовые) материальные, но и процессуальные нормы, а также организационные основы (институциональные механизмы и порядок их взаимодействия); второе — исключительно в части противодействия отмыванию активов, полученных преступным путём, финансирования терроризма, запрещённых организаций и распространения оружия массового уничтожения (новый ФДЗ от 30.09.2025 и старые ФЗ от 2002, 2014 и 2018 гг., а также Исполнительные регламенты, принятые во исполнение решением Совета министров). Третье понятие встречается в контексте охраны окружающей среды и здоровья: ФЗ от 21.10.2013 «О профилактике и борьбе с инфекционными и эпидемиологическими заболеваниями животных» и решение Совета министров ОАЭ от 11.08.2010 «О системе профилактики ВИЧ в обществе и защите тех, кто живёт с ним». При этом чаще всего борьба будет стоять в одном ряду с упомянутыми терминами [17]. Схожее прослеживается и в законодательстве стран аль-Магриба (Туниса, Алжира и Египта), ССАГПЗ (Омана, Кувейта и КСА), ФДРЭ и Иране [11: 307–322]. Подобных проблем нет в контексте европейских стран ввиду латинского происхождения («praeventio» — упреждать).

В японском языке предупреждение преступлений обозначается несколькими терминами и имеет разный оттенок: «防止» и «防犯». Первые кандзи совпадают — это глагол «防ぐ» — защитить от чего-то. Контекстуальная разница заключается в последних кандзи: в «防止» используется глагол «止まる» — остановить/прекратить, что подразумевает скорее полный запрет — искоренение (англ. аналог «prevention») [18]. В «防犯» используется «犯» как в «犯罪» — преступление, что подразумевает скорее защиту от преступности. При этом именно первый чаще встречается в официальных переводах международных документов и органов, в то время как второй — в национальных [19]. При этом предупреждение (япон. «犯罪予防») — деятельность, направленная на содействие пониманию общественностью и улучшение социальной среды (условий), вызывающей преступность, последующую реабилитацию, которая ближе к профилактике [20]. В «防除» также совпадает кандзи «防»: в данном случае речь идёт о снижении или контроле [18]. Уголовная политика (япон. «刑事政策») в свою очередь включает инициативы в области расследований и судебных разбирательств, пенитенциарных учреждений, центров содержания несовершеннолетних, реабилитации, кампании по оздоровлению общества и меры по предотвращению рецидивизма [21]. При этом англ. «policy» также может обозначаться и как «施策» и переводиться как мера [18]. Слово с аналогичным кандзи «対策»

¹ Например, в Королевстве Саудовская Аравия только аль-Куран и Сунна Пророка Мухаммада фактически составляют закон, всё остальное — низамы (положения) и королевские указы [12].

обозначает скорее противодействие: в Плане по созданию самой безопасной в мире Японии 2022 г. отдельным направлением являются меры по противодействию киберпреступности [22].

Борьба с преступностью обозначается в равной степени с помощью двух глаголов: 犯罪と闘う / 戦う [18]. Примером употребления термина служит Соглашение между правительством Японии и правительством США об укреплении сотрудничества в области предупреждения и борьбы с тяжкими преступлениями (Токио, 07.02.2014) [23].

Большой пласт составляют и те документы, которые не относятся к нормативно-правовым актам вовсе, но и не касаются мягкого права. Так, например, в Социалистической Республике Вьетнам к источникам уголовно-процессуального права следует отнести так называемые административные документы (вьетнам. «văn bản hành chính»), включающие письма (вьетнам. «công văn») Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры, обзоры практики (вьетнам. «thông báo rút kinh nghiệm»), предусмотренные Постановлением Правительства № 30/2020/NĐ-CP от 05.03.2020 «Об управлении документацией» [24].

Отдельным полемичным источником является судебная практика, чей статус в азиатских странах весьма неоднозначен, несмотря на непринадлежность к англо-американской правовой семье. Примерами служат Вьетнам [25] и Япония [26, 27].

Необходимо также учитывать государственно-территориальное устройство: на уровне Федерации, субъектов, особых экономических зон и промышленных городов [11, 14]. При этом материковое право Китайской Народной Республики автоматически не распространяется на специальные административные районы с разными традициями, что необходимо также учитывать [28: 372, 397].

Вдобавок, отдельной проблемой является доступность официальных законодательных баз ряда арабских и азиатских стран без IP-адресов, принадлежащих адресному пространству конкретного государства (Япония, Иран, Саудовская Аравия).

Таким образом, особенности и препятствия при изучении и исследовании борьбы с преступностью и осуществляемого в связи с ней международного сотрудничества в странах Глобального Юга можно поделить на технические (с точки зрения используемой терминологии, юрислингвистики и доступности) и содержательные (понимание исторического прошлого, иерархии и структуры источников, включая смежные).

Литература

1. Vazsonyi A. T. Comparative criminology: content or simply methodology In *Control theories of crime and delinquency: Advances in criminological theory* / ed. Chester L. Britt, Michael R. Gottfredson. London: Routledge, 2003.
2. Gottfredson M.R. The Essential Role of Cross-national Research in Assessing Theories of Crime: Illustrations from Modern Control Theory. *International Criminology*. 2021; 1: 28–37.
3. Shahed W. Rise of Islamic Law in Turkey. URL: <https://www.msuir.org/new-blog/2020/6/18/rise-of-islamic-law-in-turkey> (access 24.02.2026).
4. Сюкиййнен Л. Р. Особенности современного исламского права // *Право между Востоком и Западом*. 2025. № 2. С. 28–41.
5. Сюкиййнен Л. Р. Исламское право и диалог культур в современном мире. Москва: Изд-во Высшей школы экономики, 2021. 684 с.
6. Трикоз Е. Н. Генезис и эволюция уголовно-правовой кодистики в традиции общего права: дис. ... д-ра юр. наук. Москва, 2025. 503 с.
7. Роэ М. Исламское право: история. Современность / пер. с нем. А. Мухаматчиной; науч. ред. М. Кудратов; под общ. ред. Д. Мухетдинова. Москва: Медина, 2019. 576 с.
8. The 1945 Constitution of the Republic of Indonesia. URL: <https://jdih.bapeten.go.id/unggah/dokumen/peraturan/116-full.pdf> (access 24.02.2026).
9. Волеводз А. Г. К вопросу о сущности и содержании международного сотрудничества в борьбе с преступностью // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2007. № 1. С. 11–20.
10. VISHAKA & ORS. V. STATE OF RAJASTAN & ORS. JUDGMENT. URL: <https://main.sci.gov.in/judgment/judis/13856.pdf> (access 24.02.2026).
11. Shestak V. A., Tsyplakova A. D. Judge requirements and ethical issues in the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2024; 15(2): 493–507.
12. Цыплакова А. Д. Противодействие киберпреступлениям в отдельных странах Глобального Юга: дис. ... канд. юр. наук. Москва, 2025. 368 с.

13. Truc H.T. Developing Criminal Procedure Law Policy in Accordance with Resolution No. 27-NQ/TW of the Vietnam Communist Party Central Committee. *VNU Journal of Science: Legal Studies*. 2025; 41(2): 35–46 (in Vietnamese).
14. Волеводз А. Г., Цыплакова А. Д. Цифровые доказательства в уголовном процессе государств — членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: правовой статус и процедуры признания // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 21–29.
15. Цыплакова А. Д. Борьба с киберпреступлениями в странах глобального Юга: проблемное сравнение // Пролог: журнал о праве. 2025. № 1(45). С. 99–110.
16. Цыплакова А. Д. Противодействие киберпреступлениям в отдельных странах Глобального Юга: современное состояние, проблемы и перспективы // Право и управление. XXI век. 2025. Т. 21, № 3(76). С. 62–75.
17. Законодательная база ОАЭ. URL: <https://uaelegislation.gov.ae/ar> (дата обращения: 24.02.2026).
18. 法令用語日英標準 記辞書. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/dictionary.pdf> (access 24.02.2026).
19. Руководство для волонтеров по предупреждению киберпреступности. URL: https://www.npa.go.jp/bureau/cyber/pdf/csvol_manual.pdf (дата обращения: 24.02.2026).
20. 犯罪予防活動. URL: https://www.moj.go.jp/hogo1/kouseihogoshinkou/hogo01_00031.html#:~:text=犯罪予防活動とは,を,目指す点にあります%E3%80%82 (access 24.02.2026).
21. Уголовная политика. URL: https://www.moj.go.jp/keiji_index.html (дата обращения: 24.02.2026) (на япон. яз.).
22. 「世界—安全な日本」創造戦略2022. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/content/000119821.pdf> (access 24.02.2026).
23. Соглашение между правительством Японии и правительством Соединенных Штатов Америки об укреплении сотрудничества в области предупреждения и борьбы с тяжкими преступлениями. URL: <https://laws.e-gov.go.jp/law/426AC0000000057> (access 24.02.2026) (на япон. яз.).
24. Nghị định về công tác văn thư. URL: <https://vbpl.vn/TW/Pages/vbpq-toanvan.aspx?ItemID=141142> (access 20.01.2026).
25. Nguyễn Thị Hoài Thương. Bất cập trong hoạt động áp dụng án lệ của tòa án nhân dân ở Việt Nam hiện nay. *Tạp chí Khoa học Đại học Huế: Khoa học Xã hội và Nhân văn*. 2021; 130(6C): 5–14.
26. Кузнецова Д. Я. Правовое регулирование участия государства Япония в международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства // Право и управление. XXI век. 2025. № 21(1). С. 71–81.
27. Волеводз А. Г., Кузнецова Д. Я. Уголовная ответственность юридических лиц в Японии: доктринальные аспекты // Российский следователь. 2023. № 5. С. 58–62.
28. Трощинский П. В. Правовая система Китая: монография. Москва: Изд-во ИДВ РАН, 2016.

**История и предпосылки становления уголовной ответственности,
предусмотренной ст. 264.1 УК РФ: зарубежный опыт**

© **А. В. Шелковникова**
студентка 2-го курса,
Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
anna_01_klimova@mail.ru

Статья раскрывает историю и причины принятия ст. 264.1 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения. Подробно рассмотрены этапы развития законодательства, факторы, обусловившие принятие данной нормы, а также проанализирован зарубежный опыт, позволяющий выявить общие черты и различия в подходе к регуляции подобного вида правонарушений. Особое внимание уделено положительному влиянию новых правовых механизмов на обеспечение безопасности дорожного движения и профилактику тяжелых ДТП.

Ключевые слова: Безопасность дорожного движения, уголовная ответственность, ст. 264.1 УК РФ, вождение в нетрезвом виде, административная преюдиция, судебная практика, зарубежные правовые системы, профилактика ДТП, историческое развитие законодательства, рецидив нарушений ПДД.

**The history and prerequisites for the establishment of criminal liability under Article 264.1
of the Criminal Code of the Russian Federation: foreign experience**

A.V. Shelkovnikova
2nd-year student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
anna_01_klimova@mail.ru

The article reveals the history and reasons for the adoption of Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes criminal liability for repeated driving under the influence of alcohol. The article provides a detailed analysis of the stages of development of the legislation, the factors that led to the adoption of this norm, and examines foreign experience to identify common features and differences in the approach to regulating this type of offense. Special attention is given to the positive impact of new legal mechanisms on ensuring road safety and preventing severe traffic accidents.

Keywords: Road safety, criminal liability, Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, drunk driving, administrative prejudice, judicial practice, foreign legal systems, accident prevention, historical development of legislation, and recurrence of traffic violations.

Проблема обеспечения безопасности дорожного движения (БДД) остается одной из наиболее острых социальных проблем в Российской Федерации. Несмотря на комплекс принимаемых мер, уровень аварийности, особенно с тяжкими последствиями, долгое время сохранялся неприемлемо высоким. Особым фактором риска выступает поведение водителей, систематически пренебрегающих требованиями правил дорожного движения (ПДД) и уже привлекавшихся за это к ответственности. До 2015 г. правовая система сталкивалась с проблемой недостаточной эффективности воздействия на таких лиц: административные наказания (в основном штрафы) за отдельные грубые нарушения (управление в состоянии опьянения, превышение скорости, выезд на встречную полосу) зачастую не оказывали превентивного эффекта, а уголовная ответственность по ст. 264 УК РФ наступала только при наступлении тяжких последствий (причинение вреда здоровью или смерти). Для криминализации самого факта повторного грубого нарушения ПДД, вне зависимости от наступления последствий, и была введена ст. 264.1 УК РФ Федеральным законом от 31.12.2014 № 528-ФЗ, вступившим в силу с 1 июля 2015 г.

Необходимость введения указанной нормы обусловлена стремительным ростом числа дорожно-транспортных происшествий, происходящих вследствие вождения автомобиля в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

На момент конца 2025 г. полные официальные статистические данные по ст. 264.1 УК РФ за 2024 г. и 2025 г. еще не опубликованы. Однако, основываясь на доступных официальных источниках, можно выделить ключевые показатели за первое полугодие 2024 г.

Данные, опубликованные ТАСС со ссылкой на статистику Судебного департамента при Верховном суде РФ, выглядят следующим образом:

- Осуждено лиц: более 20 268 человек.
- Назначенные виды наказаний (распределение в % от общего числа приговоров):
- Обязательные работы: 62% (около 12.5 тыс. приговоров).
- Лишение свободы до 2 лет: 15%.
- Штраф (от 200 до 300 тыс. р.): 7% (на общую сумму 347 млн р.).
- Принудительные работы или условное лишение свободы: по 6% каждый вид.
- Конфискация транспортных средств: назначена в 5 176 случаях. Это означает, что конфискация применялась примерно в каждом четвертом приговоре (25%).[2]

На основе этих данных можно сделать несколько выводов о практике применения ст. 264.1 УК РФ:

1. Масштаб применения: статья остается одной из наиболее часто применяемых в судебной практике. Только за полгода по ней было осуждено более 20 тыс. человек.

2. Приоритет наказаний. Суды явно отдают предпочтение обязательным работам как основному виду наказания (62% случаев). Это указывает на стремление к карательно-воспитательному воздействию без изоляции от общества в менее тяжких случаях.

3. Жесткость санкций. При этом реальное лишение свободы назначается в значительном числе случаев (15%), что подчеркивает серьезность отношения к рецидиву управления в нетрезвом виде.

4. Эффективность конфискации. Введенная в 2022 г. дополнительная мера в виде конфискации транспортного средства активно применяется. Каждый четвертый осужденный лишается автомобиля или мотоцикла, что существенно повышает личную ответственность и превентивный эффект закона.

История уголовной ответственности за преступления, связанные с нарушением правил дорожного движения, начинается с появления первых автомобильных транспортных средств в начале XX в. Первые законы о дорожном движении были приняты в России в 1910-е гг., однако они не содержали четких норм уголовной ответственности за нарушения.

С течением времени и развитием автомобильного транспорта возникла необходимость в более строгом регулировании поведения водителей на дороге. В 1960-х гг. была введена уголовная ответственность за преступления, связанные с ДТП, что стало важным шагом к защите жизни и здоровья граждан.

Эволюция ответственности за нарушения ПДД в советский и постсоветский период. В советском уголовном законодательстве (УК РСФСР 1960 г.) ответственность за автотранспортные преступления концентрировалась вокруг норм о нарушении правил, повлекшем тяжкие последствия (ст. 211, 211.1). Административная ответственность регулировалась отдельно. Система не содержала специальной нормы о повышенной ответственности для лиц, уже привлекавшихся за аналогичные проступки, если новое нарушение не привело к вреду. [5. с. 55]

Криминологический анализ проблемы рецидива нарушений ПДД. К началу 2010-х гг. статистика и экспертные исследования однозначно указывали на наличие устойчивой группы водителей, для которых административные санкции перестали быть сдерживающим фактором. Повторное управление транспортным средством (ТС) в состоянии опьянения стало распространенным явлением, представляющим прямую угрозу для общества. Законодатель пришел к выводу, что само по себе повторное совершение определенных, наиболее общественно опасных административных правонарушений в области БДД свидетельствует о повышенной степени вины и социальной опасности личности нарушителя, что требует перехода к более строгому, уголовному виду юридической ответственности.

За период с 2012 г. по настоящее время ст. 264.1 претерпела несколько изменений, направленных на уточнение состава преступления и усиление ответственности. В 2018 г. были внесены поправки, предусматривающие дополнительные меры профилактики и ответственности, а также расширение категории лиц, подпадающих под действие нормы. Эволюция законодательства отражает тенденцию к усилению ответственности за нарушения правил дорожного движения, связанных с тяжкими последствиями, что обусловлено необходимостью повышения уровня безопасности на дорогах и снижения числа дорожно-транспортных происшествий.

Ст. 264.1 УК РФ имеет уникальную для отечественного уголовного права конструкцию, основанную на принципе административной преюдиции.

Административная преюдиция как основание уголовной ответственности. Норма отсылает к факту совершения административного правонарушения, предусмотренного ч. 2, 3 или 4 ст. 12.8, ч. 3 ст. 12.10, ч. 5 или 6 ст. 12.15, ч. 3.1 ст. 12.16, ч. 2, 4, 5 или 6 ст. 12.24 КоАП РФ. [3. с. 23] Уголовная ответственность по ст. 264.1 УК РФ наступает только в том случае, если новое нарушение совершено в течение одного года с момента окончания исполнения постановления о назначении административ-

ного наказания за предыдущее аналогичное нарушение. Таким образом, уголовная репрессия обусловлена не только фактом нового деяния, но и правовым статусом субъекта — состоянием «лица, подвергнутого административному наказанию».

Специфика объективной и субъективной сторон. Объективная сторона заключается в совершении одного из перечисленных в диспозиции действий (например, управление в состоянии опьянения, превышение скорости, выезд на встречную полосу). Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины по отношению к самому нарушению ПДД (лицо осознает, что нарушает правила, и желает или сознательно допускает это). При этом отношение к факту предыдущего наказания (административной преюдиции) может быть как умышленным, так и неосторожным, что является предметом научной дискуссии. [7]

Введение ст. 264.1 УК РФ вызвало оживленную дискуссию в научной среде. Критики указывали на:

- Расширение сферы уголовной репрессии («криминализацию проступков») и риск чрезмерного применения уголовного закона.

- Спорность конструкции состава: Фактически, уголовная ответственность наступает за повторное административное правонарушение, что стирает грань между проступком и преступлением.

- Проблемы правоприменения: Трудности с учетом сроков погашения административного наказания, необходимость тщательной проверки юридической силы предыдущего постановления.

- Вопрос о наказании: Санкция в виде лишения свободы (пусть и альтернативная штрафу и принудительным работам) за деяние, не повлекшее последствий, некоторыми экспертами оценивалась как несоразмерная.

При введении ст. 264.1 законодатель исходил из принципа превентивности уголовного права, направленного на предупреждение общественно опасных деяний. Данный принцип находит свое отражение в строгих санкциях, предусматривающих лишение свободы сроком до двух лет и запрет заниматься определенной деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами.

В Германии Согласно немецкому законодательству § 316 УК StGB (Strafgesetzbuch), вождение транспортного средства в состоянии сильного алкогольного опьянения квалифицируется как преступление. Наказание варьируется от штрафа до лишения свободы на срок до трех лет, причем суд вправе назначать дополнительные меры воздействия, включая обязательные курсы реабилитации и медицинское обследование водителя.

За нарушение этого правила предусмотрен денежный штраф до 1500 евро и запрет на участие в дорожном движении сроком до трёх месяцев. При первом нарушении, как правило, назначается штраф около 500 евро и даётся запрет на управление автомобилем сроком на один месяц.

В США наказание за езду в нетрезвом виде различается в зависимости от штата. Первое и второе задержания классифицируются как незначительное правонарушение и караются штрафом или кратковременным тюремным заключением (до десяти суток). Третье и последующие случаи рассматриваются как серьезное преступление, грозящее длительным тюремным сроком, конфискацией авто, запретом регистрации машины и долговременным лишением водительских прав. Возможны дополнительные санкции: назначение обязательных реабилитационных курсов, установка алкотестера в автомобиль, домашняя изоляция или выполнение общественных работ. Штрафы и сроки существенно возрастают при наличии несовершеннолетних пассажиров, высоких концентраций алкоголя или пострадавших лиц. Допустимый уровень содержания алкоголя в крови чаще всего равен 0,8 промилле, однако отдельные штаты применяют политику абсолютного нуля для водителей младше 21 года.

Во Франции наказание за вождение в состоянии алкогольного опьянения зависит от уровня алкоголя в крови. При содержании алкоголя в крови от 0,5 до 0,8 промилле (0,25–0,4 промилле в выдыхаемом воздухе) — штраф 135 евро и запрет на вождение на территории Франции на 3 года. При уровне алкоголя выше 0,8 промилле — штраф 4500 евро, лишение прав на срок до 3 лет и возможно лишение свободы на срок до 2 лет. Особенностью французского подхода является обязательное прохождение медицинского освидетельствования перед возвращением водительского удостоверения.

Китай уже при уровне алкоголя от 0,08% возбуждается уголовное дело. Повторное нарушение приводит к пожизненному лишению права управления. — Уголовное дело: тюрьма и лишение прав до 5 лет. — При смерти людей — в крайних случаях смертная казнь. — Штрафуются даже пассажиры, знавшие о состоянии водителя. [9]

В Японии чрезвычайно низкий допустимый порог (0,03%). Нарушение считается уголовным преступлением. — Штраф до 1 млн иен (около \$8 500) или тюрьма до 5 лет. — При тяжком опьянении — до 15 лет лишения свободы. — Ответственность несут также пассажиры, бармены, подавшие алкоголь.

Южная Корея. Жёсткая градация наказаний в зависимости от уровня алкоголя. Повторные нарушения караются строже. — При 0,08–0,20% — штраф до 10 млн вон (\$7 500) и лишение прав на

1 год. — Свыше 0,20% — тюрьма до 5 лет. — Если сбит человек — минимум 3 года или пожизненное заключение.

В Монголия при повторном вождение в нетрезвом виде с декабря 2023 г. является уголовным преступлением. — Штраф от 2,7 до 14 млн тугриков (\$789–4 094). — Лишение прав от 1 до 3 лет. — Возможно лишение свободы до 3 лет. [9]

Общемировой тренд на ужесточение наказаний и расширение превентивных мер (конфискация, ответственность третьих лиц) прослеживается в обоих регионах, но азиатский подход отличается большей бескомпромиссностью и ориентацией на максимальное устрашение.

Рассмотрение исторического контекста и зарубежных практик позволяет сделать вывод о том, что российское законодательство находится на пути формирования эффективного правового инструментария борьбы с нарушениями ПДД, связанными с употреблением алкоголя и наркотиков. Вместе с тем существует потребность в дальнейшем изучении вопросов квалификации преступлений и разработке единых стандартов судебной практики. Дальнейшее развитие института уголовной ответственности должно учитывать международный опыт и современные тенденции правовой науки, способствуя повышению уровня дорожной безопасности и защите общественных интересов.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25.
2. Данные судебной статистики предоставлены на официальном сайте Судебного департамента при Верховном суде российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 24.05.2025).
3. Жуков А. М. Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному взысканию (ст. 264.1 УК РФ): уголовно-правовой анализ и проблемы применения // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 145–153.
4. Рублев А. Г. Проблемы квалификации нарушения Правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию // Российский юридический журнал. 2022. № 5. С. 163–167.
5. Бельский А. И., Ягодин Р. С. Проблемы правоприменения положений ст. 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Российский следователь. 2021. № 9. С. 20–23.
6. Полтава Е. А. Опыт предупреждения автотранспортной преступности в странах Европейского Союза и в США // Современное право. 2021. № 3. С. 144–149.
7. Попов А. Н. Проблемы назначения наказания за управление транспортным средством в состоянии опьянения // Российская юстиция. 2020. № 5. С. 45–48.
8. Материалы конференций и научных публикаций по вопросам уголовной ответственности за нарушения ПДД. Информационный портал Российского союза юристов. URL: https://rsyrf.ru/articles/?SECTION_ID=25&ELEMENT_ID=22643 (дата обращения: 15.09.2023).
9. Исследование зарубежных моделей административной и уголовной ответственности за вождение в состоянии опьянения. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Толмачева А. Г. Управление транспортным средством в состоянии опьянения: сравнительный анализ зарубежного опыта // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2019. № 1(56). С. 105–112. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-transportnym-sredstvom-v-sostoyanii-opyaneniya-sravnitelnyy-analiz-zarubezhnogo-opyta/viewer> (дата обращения: 15.09.2025).

**Малозначительность в уголовном праве России и Китая:
сравнительно-правовой анализ действующего нормативного регулирования**

© Т. И. Эрхитуева

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики,
Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
tanja_77@mail.ru

© Ю. М. Халтурина

студентка,
Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
khalturina_y98@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые вопросы, посвящённые законодательному регулированию малозначительности деяния в контексте уголовно правовой политики на территории России и Китая, как правового явления, нивелирующего преступное посягательство ввиду отсутствия какой-либо общественной опасности, тем самым исключая необходимость осуществления уголовного преследования и привлечения лица к установленной законом ответственности. Так, в ходе настоящего исследования проводится анализ нормативно-правового регулирования, действующего на территории России и Китая, регламентирующего материальные вопросы малозначительности деяния, условия и последствия его применения. По результатам проведённого исследования отмечено некоторое концептуальное сходство подходов, положенных в основу правовой регламентации малозначительности в уголовном праве России и Китая. При этом анализ уголовного права России показывает, что институт малозначительности в сравнении с его правовой регламентацией в Китае, является более формализованным, что препятствует его применению в практической деятельности.

Ключевые слова: малозначительность, общественная опасность, вред, серьёзность вреда, объективные признаки, субъективные признаки, опасность, тяжесть последствия, характер причинённого вреда.

**Insignificance in the criminal law of Russia and China:
a comparative legal analysis of the current regulatory framework**

T. I. Erkhitueva

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor
at the Department of Criminal Law,
Procedure and Criminalistics
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
tanja_77@mail.ru

Yu. M. Khalturina

Student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
khalturina_y98@mail.ru

The article discusses some issues related to the legislative regulation of the insignificance of an act in the context of criminal law policy in Russia and China, as a legal phenomenon that eliminates criminal encroachment due to the absence of any public danger, thereby eliminating the need for criminal prosecution and bringing a person to legal responsibility. Thus, in the course of this study, an analysis of the legal regulation in Russia and China that regulates the material issues of the insignificance of an act, the conditions and consequences of its application is conducted. Based on the results of the conducted research, there is a certain conceptual similarity in the approaches used to regulate the concept of insignificance in the criminal law of Russia and China. However, an analysis of the criminal law of Russia shows that the concept of insignificance is more formalized in comparison with its legal regulation in China, which hinders its practical application.

Keywords: insignificance, public danger, harm, seriousness of harm, objective signs, subjective signs, danger, severity of consequences, nature of the harm caused.

Малозначительность деяния на сегодняшний день является институтом, присущим всем правовым порядкам, придерживающихся идей гуманизма и защиты прав личности как наивысшей ценности, что выражается в реальной возможности для государства как субъекта, обладающего монополией на применение наказания за совершение запрещённых деяний, отказаться от своего права на осуществление уголовного преследования и привлечения к установленной законом ответственности в том случае, если совершённое деяние хоть и отвечает признакам конкретного преступления, запрещённого уголовным законом, но в силу установленных из фактических обстоятельств его характеризующих свойств не представляет из себя какой-либо опасности, что указывает на полное отсутствие целесообразности в назначении какого-либо наказания.

Именно такой подход к пониманию малозначительности был воспринят на территории России, а затем отражён в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ). Так, в ст. 14 УК РФ отражено не только понятие преступления как общественно опасного деяния, запрещённого уголовным законом, при совершении которого государство осуществляет уголовное преследование и разрешает вопрос о привлечении к установленной ответственности, но также и понятие малозначительности деяния, под которым подразумевается, что действие (бездействие), которое хотя и формально отвечает признакам преступления, но в силу своей малозначительности не представляет общественной опасности, преступлением не является, в связи с чем в отношении такого лица как уголовное преследование, так и наказание, не применяется, а уже возбужденное уголовное дело подлежит прекращению в установленном процессуальным законодательством порядке.

Анализ действующего правового регулирования показывает, что теоретически такой подход в некотором роде возможно охарактеризовать как последовательный и взаимосогласованный с иными нормами, поскольку в основу понятия преступления в уголовном праве России положен так называемый состав преступления, состоящий из нескольких взаимосвязанных элементов, в число которых также входит такая категория как общественная опасность.

Однако указанное понимание в практической плоскости вызывает некоторые вопросы, которые, несомненно, препятствуют применению малозначительности деяния. Представляется, что при разрешении вопроса о применении последствий малозначительности должна исследоваться не столь такая категория как общественная опасность, со всеми входящими в неё субъективными и объективными признаками, а именно наличие вреда от совершённого деяния и его серьёзность, то есть объём и характер, поскольку понятие вреда является наиболее узкой правовой категорией по сравнению с общественной опасностью, включающей в себя совокупность субъективных и объективных признаков, однако более отвечающей правовой природе малозначительности, тогда как общественная опасность и её отсутствие приближено именно к отсутствию состава преступления, что является самостоятельным основанием для прекращения преследования и уголовного дела.

Для подтверждения указанного тезиса стоит исследовать понятие общественной опасности и её влияние на применение последствий малозначительности деяния на примере сложившейся судебной практики наиболее подробно, в ходе чего определить место вреда и его соотношение с указанной правовой категорией. Так, на сегодняшний день практически все авторы сходятся во мнении о том, что термин общественная опасность является комплексным, поскольку он включает в себя не только вред как таковой, но и объективные (опасность способа совершения преступления; тяжесть наступивших последствий; характер объекта посягательства), а также субъективные признаки (форма вины совершённого деяния, мотивы и субъективное отношение к совершённому деянию), тогда как такая правовая категория как вред подразумевает под собой исключительно реальное причинение содеянным вредом здоровью, имуществу и интересам потерпевшей стороны и его объём (характер), что должно подтверждаться определёнными материалами.

Иными словами, понятие общественная опасность и вред не являются равнозначными, скорее первое поглощает второе, поскольку общественная опасность как уже ранее отмечалось включает в себя как субъективные, так и объективные признаки, тогда как вред является исключительно той категорией, которая относится в силу своих свойств к числу объективных признаков, характеризующих факт наличия вреда и его оценку (объём), что в контексте малозначительности должно учитываться в первую очередь.

На первый взгляд, указанная проблема, выявленная в конструкции правового регулирования, может показаться не существенной, поскольку так или иначе объём и характер причинённого вреда учитывается при рассмотрении вопроса о применении ч. 2 ст. 14 УК РФ. Однако несмотря на то, что вред и его объём действительно учитывается при разрешении указанного вопроса, в практической же дея-

тельности, что будет подтверждено далее в ходе исследования материалов судебной практики, при оценке конкретного деяния правоприменитель будет исходить не только из наличия (объёма) или отсутствия самого вреда, но и из комплекса иных признаков, входящих в категорию общественная опасность, поскольку правоприменитель в силу формальных положений закона обязан исследовать весь комплекс субъективных и объективных признаков, при наличии хотя бы одного из которых реальная реализация малозначительности ставится под вопрос, в связи с чем малозначительность рассматривается не как возможность государства отказаться от уголовного преследования ввиду малозначительности самого вреда, то есть его малого объёма, а как некий суррогат отсутствия в деянии состава преступления [1, с. 38].

Наличие указанной проблемы также подтверждается тем, что в Главе 4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УПК РФ) не имеется самостоятельного основания для прекращения уголовного преследования и уголовного дела соответственно, как установление его малозначительности, в связи с чем уголовное дело прекращается именно на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть ввиду отсутствия состава преступления со ссылкой на ч. 2 ст. 14 УК РФ.

При этом некоторая близость к отсутствию состава преступления прослеживается в формулировке «хоть и формально содержащее признаки какого-либо деяния», что также позволяет правоприменителям при рассмотрении вопроса о применении к деянию положения, предусмотренного ч. 2 ст. 14 УК РФ оценивать весь состав преступления и общественную опасность (совокупность признаков), а не исключительно конкретные обстоятельства, в том числе объём причинённого вреда, которые в своей совокупности хоть и могут указывать на его малозначительность, однако при оценке деяния в совокупности, в том числе при оценке его общественной опасности, по всем признакам деяние, не причинившее какого-либо существенного вреда объекту посягательства, может быть квалифицировано как преступление ввиду того, что в нём присутствуют некоторые признаки общественной опасности.

Указанные теоретические недостатки в понимании малозначительности, а также его формальное применение, нередко приводят к фактам уголовного преследования, где его вполне можно было избежать, ограничившись мерами профилактического воздействия.

В качестве примера представляется возможным использовать обстоятельства, изложенные в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.08.2025 № 47-УД25-7 К6. Так, согласно имеющимся обстоятельствам, лицо было осуждено за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ, а именно за хранение пяти патронов к оружию, которые были выданы им добровольно. Несмотря на практически полное отсутствие какого-либо вреда объекту посягательства, лицо было осуждено с назначением уголовного наказания, и лишь Верховный суд Российской Федерации обратил внимание на то, что деяние является малозначительным ввиду наличия лишь формального вреда, в связи с чем прекратил уголовное дело на основании применения ч. 2 ст. 14 УК РФ¹.

Вместе с тем, судебная практика в вопросе применения ч. 2 ст. 14 УК РФ является крайне неоднозначной, поскольку множество иных примеров из судебной практики демонстрирует, что высшая судебная инстанция страны указывает нижестоящим судам на необходимость исследовать при разрешении вопроса о применении ч. 2 ст. 14 УК РФ все субъективные и объективные признаки, а не руководствоваться исключительно лишь формальным причинением вреда объекту преступного посягательства. Так, в качестве примера представляется возможным использовать одно из определений, вынесенных Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации.

Так, из установленных обстоятельств следует, что лицо совершило преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 158 УК РФ, а именно совершило тайное хищение игристого вина стоимостью 5 949, 30 р. в продуктовом магазине. Приговором мирового судьи указанное лицо признано виновным, ему назначено наказание в виде штрафа в размере 15 000 р. Однако указанный приговор был отменен судом кассационной инстанции, а уголовное дело прекращено на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ, то есть ввиду малозначительности деяния.

Несмотря на то, что, по современной оценке товаров объём причинённого вреда действительно может рассматриваться как незначительный, с решением суда кассационной инстанции не согласилась Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации, которая в своём определении от 14.01.2026 по делу № 5-УДП25-113-К2 указала, что согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ, малозначительным признаётся деяние, не представляющее общественной опасности, что требует анализа всех объективных и субъективных признаков, в том числе таких признаков как: способ совершения,

¹ URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-19082025-n-47-ud25-7-k6/>

размера вреда, степени реализации преступного намерения и т.д. В связи с чем кассационное определение было отменено с направлением дела в суд кассационной инстанции для нового рассмотрения¹.

Исходя из этого, существующий подход в основу малозначительности заложил не необходимость в оценке объёма причинённого вреда, а именно оценку всех признаков, характеризующих совершённое деяние, что, несомненно, не отвечает самому понятию и правовой природе малозначительности, которая при буквальном восприятии указывает именно на необходимость оценки объёма вреда, а всех объективных и субъективных признаков, наличие одного из которых делает невозможным применение ч. 2 ст. 14 УК РФ, что подтверждается имеющейся судебной практикой.

Таким образом, в совокупности данный подход приводит к размыванию института малозначительности с таким основанием прекращения уголовного дела как отсутствие состава преступления, в связи с чем институт малозначительности не находит со стороны правоприменителей на территории России какой-либо объективной оценки, особенно на стадии предварительного следствия, что в совокупности с тем, что реализация института малозначительности является правом, а не обязанностью конкретного должностного лица или суда, приводит к тому, что в судебной практике возникают примеры, полностью подрывающие дальнейшую реализацию института малозначительности.

При этом практика высшей судебной инстанции страны также является достаточно неоднозначной, поскольку с одной стороны, Верховный суд Российской Федерации призывает к гуманизации уголовного законодательства, а с другой, оценивает кражу товара на незначительную сумму как достаточный повод для осуществления уголовного преследования и назначения наказания, при этом не проводя исследования в части сопоставимости между объёмом причинённого вреда, который явно является малозначительным, и издержками, которые претерпевает государство в связи с осуществлением уголовного преследования, включая издержки на проведение судебных разбирательств вплоть до рассмотрения дела высшей судебной инстанцией, что, как представляется, является крайне несопоставимым и приносит больше вреда, чем пользы.

Несколько иной, менее формализованный подход к пониманию малозначительности, отражён в уголовном законодательстве Китайской Народной Республики. Так, ст. 13 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики (далее по тексту — УК КНР) предусмотрено понятие преступления. В этой же статье уголовного закона сделано следующее уточнение: однако если обстоятельства явно незначительны, а причинённый вред не серьёзен, это преступление не считается преступлением. Анализ указанного положения и его сравнение с понятием малозначительности, отражённым в УК РФ, позволяет сделать ряд важных выводов, а именно:

1. В УК КНР используется термин незначительность обстоятельств, то есть, если именно установленные обстоятельства явно незначительны, совершённое деяние преступлением не является;

2. Наряду с незначительностью обстоятельств причинённый деянием вред должен быть не серьёзен, то есть в указанном случае уголовный закон Китая призывает правоприменителя оценивать именно объём причинённого вреда, а не формальную общественную опасность, то есть совокупность субъективных и объективных признаков.

С формальной стороны как подход, действующий в Российской Федерации, так и в Китайской Народной Республике, является схожим, поскольку конструкция малозначительности выглядит весьма идентичной, так как в каждом случае его понимание обеспечивается через наличие определённого состава преступления и незначительного объёма причинённого вреда.

Однако, если в УК КНР используются более узкие (конкретные) термины, то в УК РФ, что было указано ранее, используются более широкие правовые категории, что, как представляется, препятствует применению института малозначительности на территории Российской Федерации в практической деятельности, что было продемонстрировано на конкретных судебных решениях, исследованных ранее.

Кроме того, в УК КНР используется более конкретная категория как «не серьёзность вреда». Однако хоть и данная категория является крайне оценочной, поскольку не серьёзность вреда представляется возможным рассматривать с разных позиций, такая формулировка является более узкой чем общественная опасность, так как категория вред является более объективной (материальной), что представляется возможным установить данное условие для применения последствий малозначительности наиболее конкретно, тогда как оценка общественной опасности требует изучения всех субъективных и объективных признаков, что, как показала практика применения, может привести к тому, что уголовное преследование осуществляется в отношении лиц, объём причинённого вреда действием (бездействием) которых вполне мог бы быть оценён как не серьёзный [2, с. 131].

¹ URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=875611#iUBuCJV0EJrj2wF23>

Также, в УК КНР используется такая категория как явная незначительность обстоятельств, иными словами, в УК КНР используется более конкретная формулировка, позволяющая правоприменителям учитывать конкретные обстоятельства произошедшего, не ограничивая свои возможности формальными признаками, характеризующими элементы состава преступления. В связи с чем, если нормы в УК КНР являются оценочными, то в УК РФ они являются не только оценочными, но и создающими предпосылки для формального подхода к изучению и разрешению вопроса о применении последствий малозначительности деяния, при котором в условиях не серьёзности причинённого вреда лиц привлекают к уголовной ответственности, поскольку формально в их действиях усматривается именно общественная опасность, наличие которой не позволяет применять институт малозначительности, тогда как серьёзность вреда или сам вред для объекта преступного посягательства может просто отсутствовать. Исходя из этого, оценочный характер норм в УК КНР компенсируется реальной возможностью для правоприменителей руководствоваться конкретными обстоятельствами и, самое важное, наличием вреда и его объёмом, что в условиях правоприменения является более оправданным и делает концепцию, при которой малозначительность применяется исходя из формальных признаков, в том числе общественной опасности, крайне несостоятельной.

Таким образом, как в УК КНР, так и в УК РФ, малозначительность деяния является крайне оценочной категорией, однако, если в УК РФ воплощены подходы, которые сводят возможность применения правовых последствий малозначительности к необходимости руководствоваться признаками, образующими состав преступления, то в УК КНР правоприменителям предоставляется возможность рассмотреть вопрос о применении малозначительности исходя из конкретных обстоятельств и серьёзности причинённого преступлением вреда, что может создать условия, позволяющее применять данный институт наиболее часто и устранить формальный подход, существующий в правоприменительной практике, при котором лицо, совершившее деяние с крайне низким объёмом причинённого вреда своим деянием, будет вынуждено обжаловать принимаемые решения вплоть до высшей судебной инстанции страны, создавая для государства издержки, которые явно несопоставимы с объёмом причинённого вреда.

Литература

1. Иванова М. А. Оценочное понятие малозначительности деяния в уголовном праве: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования // Вестник ВолГУ. Сер. 9. Исследования молодых ученых. 2023. № 21. С. 35–40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenochnoe-ponyatie-maloznachitelnosti-deyaniya-v-ugolovnom-prave-problemy-pravoprimereniya-i-perspektivy-sovershenstvovaniya>.
2. Лун Чанхай. Состав преступления в уголовно-правовой доктрине Китая // Lex Russica. 2021. № 9(118). С. 129–135. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostav-prestupleniya-v-ugolovno-pravovoy-doktrine-kitaya> (дата обращения: 30.04.2026).
3. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.08.2025 № 47-УД25-7-К6. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 14.01.2026 по делу № 5-УДП25-113-К2. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
5. Уголовный кодекс Китайской народной Республики от 14 марта 1997 г. Доступ предоставлен интернет-сайтом «Исполнительного комитета Конгресса по Китаю». URL: <https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/criminal-law-of-the-peoples-republic-of-china#Chapter%20IV> (дата обращения: 25.04.2026).

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО, ЭКОЛОГИЧЕСКОГО И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ АЗИАТСКИХ СТРАН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

TRANSFORMATION OF MODELS OF SOCIAL-ECONOMIC, ECOLOGICAL AND INNOVATIVE DEVELOPMENT OF ASIAN COUNTRIES IN MODERN CONDITIONS

УДК 347.7

К некоторым вопросам государственного регулирования торговой деятельности в странах Азии

© Д. Р. Курмакаева

студентка,

Красноярский государственный аграрный университет

Россия, г. Красноярск

darinakurmakaeva13@gmail.com

© И. Б. Трофимова

старший преподаватель

кафедры теории и истории государства и права,

Красноярский государственный аграрный университет

Россия, г. Красноярск

inesdmitrieva@gmail.com

В настоящей статье исследованы подходы к государственному регулированию торговой деятельности, реализуемые в азиатских государствах, на примере Китайской Народной Республики. Рассмотрены механизмы обязательного подтверждения соответствия (сертификации) и маркировки товаров в качестве базовых инструментов контроля качества и охраны прав потребителей. Китай перешёл от избыточных административных барьеров к цифровому отслеживанию продукции по всей цепочке поставок. Реформа нужна, потому что теперь контрольные органы в Китае работают лучше, а все административные процедуры перенесли в одну цифровую систему — так стало удобнее их согласовывать и выполнять. Отдельное внимание уделяется соотношению цифровизации контроля с концепциями экономического и торгового суверенитета КНР.

Ключевые слова: государственное регулирование торговли, Китай, обязательная сертификация (ССС), оптимизация законодательства, цифровая маркировка, экономическая безопасность, торговый суверенитет.

On some issues related to the state regulation of trade activities in Asian countries

D. R. Kurmakaeva

student,

Krasnoyarsk State Agrarian University

Russia, Krasnoyarsk

darinakurmakaeva13@gmail.com

I. B. Trofimova

Senior Lecturer,

Department of Theory and History of State and Law

Krasnoyarsk State Agrarian University

Russia, Krasnoyarsk

inesdmitrieva@gmail.com

This article examines approaches to the state regulation of trade activities as implemented in Asian countries, using the example of the People's Republic of China. It reviews the mechanisms of mandatory conformity assessment (certification) and product labelling as basic tools for quality control and consumer protection. China has moved from excessive administrative barriers to digital tracking of products across the entire supply chain. The reform is necessary because regulatory authorities in China now operate more effectively, and all administrative procedures have been transferred to a single digital system — this makes them easier to coordinate and implement. Special attention is given to the relationship between the digitalisation of control mechanisms and the concepts of economic and trade sovereignty in the PRC.

Keywords: state regulation of trade, China, mandatory certification (CCC), legislation optimization, digital labeling, economic security, trade sovereignty.

Современный этап правового развития Китайской Народной Республики характеризуется активным внедрением цифровых инструментов в систему контроля за оборотом товаров [3, с. 6]. В условиях ускоренного роста сегмента электронной коммерции и увеличения объёмов внутреннего потребления китайское правительство делает акцент не только на безопасности продукции, но и на прозрачности регулирования. В КНР официально функционирует система обязательной сертификации CCC (China Compulsory Certification), охватывающая широкий перечень товарных групп [5]. Подобно тому, как в Российской Федерации надзорные функции выполняет Роспотребнадзор, в Китае ключевая роль принадлежит Государственной администрации по регулированию рынка (SAMR), которая отвечает за соблюдение стандартов качества и контроль за законностью оборота продукции. В последние годы приоритетом китайского правительства стало внедрение унифицированных национальных стандартов (GB) и цифровой маркировки, позволяющих отслеживать путь товара от производителя до конечного потребителя.

Правовую основу регулирования безопасности товаров в Китае составляют национальные стандарты (GB) и специализированные законы, прежде всего Закон КНР «О качестве продукции» [1]. Контроль исполнения обязательных требований распределён между несколькими ведомствами, что формирует сложную, но системно организованную модель межведомственного взаимодействия.

Так же как и в России, в Китае ведущим органом контроля выступает Государственная администрация по регулированию рынка (SAMR). Эта структура проводит проверки соблюдения правил маркировки, контролирует сертификационные центры и борется с поддельной продукцией. Китайские налоговые органы помогают в этом с помощью электронных счетов-фактур. Так они отслеживают движение товаров и следят за уплатой налогов. Таможенные органы Китая (Главное таможенное управление, GAC) осуществляют жёсткий контроль на государственной границе, требуя предъявления сертификатов CCC для ввозимой продукции [5], и пресекают попытки ввоза товаров, не отвечающих обязательным требованиям. Полиция Китая (Министерство общественной безопасности) следит за тем, чтобы товары имели обязательную маркировку, и борется с нелегальным производством и продажей товаров без неё. [4]. Китайские суды разбирают административные нарушения в торговле и могут изымать товары, не отвечающие нормам безопасности.

Интеграция контрольных процедур в единые правовые рамки Китая предполагает их последовательное нормативное регулирование. Первый этап — выявление нарушения и изъятие товара. Эти действия осуществляются уполномоченными органами (SAMR, полиция) в соответствии с Законом о качестве продукции и административными регламентами [1, с. 5]. Второй этап — применение мер административной ответственности. Конфискация и штрафы за нарушение правил маркировки и сертификации налагаются на основе Административного кодекса КНР. Для этого не требуется разработки отдельных ведомственных актов под каждый вид продукции — достаточно общей нормы закона, что существенно сокращает нормативную нагрузку на бизнес.

В последние годы китайское законодательство делает акцент на цифровизацию контроля вместо того, чтобы разрабатывать громоздкие бумажные регламенты для каждого вида продукции. Создаются единые базы данных, где фиксируется вся информация о товаре — от стадии производства до утилизации. Такой подход позволяет не только снизить административную нагрузку на добросовестных участников рынка, но и оперативно выявлять нарушения в цепочках поставок.

Сейчас в экономике Китая на первом месте — экономический и торговый суверенитет. Экономический суверенитет КНР означает способность государства самостоятельно определять приоритеты экономической политики, противостоять внешнему давлению, обеспечивать технологическую независимость и продовольственную безопасность [2, с. 7] Китай защищает свой внутренний рынок благодаря национальным стандартам (GB) и системе CCC — так страна сдерживает недобросовестную конкуренцию со стороны иностранных компаний. Эффективная система маркировки товаров являет-

ся краеугольным камнем этого суверенитета, позволяя государству блокировать нелегальные цепочки поставок, пресекать оборот фальсификата и защищать здоровье граждан.

Анализ регулирования торговли в Китае показал: Во-первых, Китай демонстрирует переход от разрозненных проверочных мероприятий к единой цифровой экосистеме контроля [3, с. 6]. Благодаря обязательному кодированию товаров государство видит, что происходит на рынке, а компании, которые работают по правилам, тратят меньше сил и денег на оформление операций. Во-вторых, обоснование реформ в Китае строится на последовательном прагматизме и стремлении к административной экономии [2, с. 5]. Китай не создаёт новые надзорные органы, а переводит работу старых (например, SAMR, GAC и STA) в цифровой формат. Так бюрократии становится меньше, а контроль остаётся на том же уровне. К тому же это помогает стране стать более независимой: государство само регулирует движение товаров и меньше зависит от других стран.

Опыт Китая в сфере регулирования торговой деятельности заслуживает внимания: его изучение будет полезно для России и других государств, которые стремятся обновить и усовершенствовать свои контрольные механизмы в этой области. Благодаря «умному регулированию» на цифровых платформах честный бизнес работает проще, а нарушители несут более строгую ответственность. Всё это в итоге укрепляет экономический и торговый суверенитет страны.

Литература

1. Закон Китайской Народной Республики «О качестве продукции» от 22 февраля 1993 г. № 71 (ред. от 29 декабря 2018 г.). URL: https://world.moleg.go.kr/web/wli/lgsIViewerPage.do?DLD_CFM_NO=YRANJDGSUNTXVELZ1NA5&FL_SEQ=100984
2. Государственная администрация по регулированию рынка КНР (SAMR). URL: <https://www.samr.gov.cn>
3. Китай опубликовал 47 новых национальных стандартов по безопасности пищевых продуктов // Всероссийский государственный центр качества и стандартизации (ВГНКИ). 2025. URL: <https://vgnki.ru/kitaj-opublikoval-47-novyh-nacionalnyh-standartov-po-bezopasnosti-pishhevyh-produktov1.htm>
4. Четырнадцать ведомств КНР утвердили план специальных мер по обеспечению качества промышленных товаров, продаваемых через интернет (2025–2027) // China.com.cn. 24.12.2025. URL: <http://big5.china.com.cn>
5. Китайский центр сертификации качества (CQC): обязательная сертификация CCC. URL: <https://www.cqc.com.cn>

Подход к управлению рисками искусственного интеллекта и государственному контролю в Китайской Народной Республике и Российской Федерации

© Ж. Ч-Ц. Саможапов

студент 2-го курса,
БГТУ «ВОЕНМЕХ» имени Д. Ф. Устинова
Россия, г. Санкт-Петербург
primezh@mail.ru

В статье исследуются особенности государственного регулирования рисков, возникающих при использовании технологий искусственного интеллекта, на примере Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Рассматриваются действующие нормативно-правовые акты, стратегические документы и этические принципы, лежащие в основе регулирования данной сферы. Основное внимание уделено сопоставлению российских и китайских подходов к управлению рисками ИИ, включая применение риск-ориентированных механизмов, инструментов государственного контроля и этических регуляторов. По итогам анализа выявлены как общие черты, так и принципиальные различия в регулировании искусственного интеллекта в двух странах, а также определены актуальные проблемы и возможные направления дальнейшего совершенствования нормативной базы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, государственное регулирование, риски ИИ, Китай, Россия, цифровое право, контроль технологий.

The approach to managing AI risks and state control in the People's Republic of China and the Russian Federation

Zh.Ch.-Ts. Samozhapov

Student,
D. F. Ustinov Baltic State Technical University “VOENMEKH”
Russia, Saint Petersburg
primezh@mail.ru

This article examines the specifics of state regulation of risks arising from the use of artificial intelligence technologies, using the Russian Federation and the People's Republic of China as examples. It examines current regulations, strategic documents, and the ethical principles underlying regulation in this area. The focus is on comparing Russian and Chinese approaches to AI risk management, including the use of risk-based mechanisms, state control instruments, and ethical regulators. The analysis reveals both commonalities and fundamental differences in the regulation of artificial intelligence in the two countries, as well as current challenges and potential areas for further improvement of the regulatory framework.

Keywords: artificial intelligence, state regulation, AI risks, China, Russia, digital law, technology control.

В последние годы искусственный интеллект превратился в один из наиболее значимых факторов технологической трансформации экономики и государственного управления. Одновременно с расширением сфер его применения возрастает и количество потенциальных угроз, связанных с использованием интеллектуальных систем. Сегодня технологии ИИ используются не только в коммерческом секторе, но и в здравоохранении, финансовой сфере, транспортной отрасли и государственном управлении. В этих условиях возрастает потребность в формировании эффективных механизмов государственного контроля, способных обеспечить безопасное внедрение новых технологий.

К числу наиболее обсуждаемых рисков относятся нарушения конфиденциальности персональных данных, вероятность возникновения алгоритмической дискриминации, принятие ошибочных решений автоматизированными системами, а также угрозы в области информационной безопасности. Помимо этого, специалисты всё чаще обращают внимание на более масштабные последствия распространения ИИ. Речь идет о трансформации рынка труда, усилении цифрового неравенства и использовании интеллектуальных технологий в целях манипулирования общественным мнением через автоматизированные цифровые платформы.

В Российской Федерации система управления рисками искусственного интеллекта развивается преимущественно в рамках стратегического регулирования и механизмов так называемого «мягкого права». В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 были определены основные направления государственной политики в сфере искусственного интеллекта,

включая обеспечение безопасности технологий, развитие инфраструктуры данных и подготовку квалифицированных специалистов [1]. Вместе с тем данный документ носит преимущественно рамочный характер и не устанавливает детализированных требований к отдельным видам интеллектуальных систем.

Значительное место в российской модели регулирования занимает Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. В документе закреплены базовые принципы ответственного использования ИИ, среди которых особое значение имеют риск-ориентированный подход, недопустимость причинения вреда и обеспечение прозрачности функционирования интеллектуальных систем [2]. Следует отметить, что положения Кодекса не обладают обязательной юридической силой. С одной стороны, это позволяет сохранять необходимую гибкость регулирования, а с другой — ограничивает возможности практического применения закрепленных принципов.

Одной из характерных особенностей российского подхода является сохранение ответственности человека за результаты функционирования интеллектуальных систем. Несмотря на рост автономности современных алгоритмов, ответственность за последствия их применения по-прежнему возлагается на физических или юридических лиц, осуществляющих эксплуатацию соответствующих технологий [2]. Такой подход способствует снижению правовой неопределенности, однако на практике нередко возникают сложности при определении конкретного субъекта ответственности.

В отличие от российской практики, в Китайской Народной Республике регулирование искусственного интеллекта развивается в условиях значительно более высокой концентрации контрольных полномочий со стороны государства. Китайская модель основана на системе специальных нормативных актов, которые устанавливают конкретные требования к разработчикам, операторам цифровых платформ и поставщикам технологических решений [3].

Формирование современной нормативной базы происходило параллельно с развитием законодательства в области цифровой безопасности. Одним из первых значимых этапов стало принятие Закона КНР «О кибербезопасности», определившего основные подходы к защите критической информационной инфраструктуры и обращению данных в цифровой среде. В дальнейшем правовое регулирование было дополнено Законом «О безопасности данных», который закрепил порядок классификации информации и установил требования к трансграничной передаче данных. Существенное значение для развития системы регулирования имел и Закон КНР «О защите персональной информации», усиливший контроль над обработкой пользовательских данных и расширивший обязанности цифровых платформ в данной сфере [8]. В совокупности указанные нормативные акты сформировали правовую основу для дальнейшего регулирования технологий искусственного интеллекта.

Важным шагом в развитии специализированного регулирования стало введение в 2022 г. правил, посвященных алгоритмическим рекомендациям в интернет-сервисах. Принятие данного документа было обусловлено стремительным распространением рекомендательных алгоритмов, оказывающих существенное влияние на информационное поведение пользователей. Новые требования обязали владельцев цифровых платформ раскрывать общие принципы функционирования алгоритмов рекомендаций, а также предоставить пользователям возможность отказаться от персонализированной выдачи контента [9].

Кроме того, документом был установлен запрет на использование алгоритмов в целях ценовой дискриминации отдельных категорий потребителей. Особое место в регулировании занимает положение о необходимости соответствия алгоритмов так называемым «основным социалистическим ценностям». Данная норма отражает характерную особенность китайского подхода, при котором технологическое развитие рассматривается в тесной взаимосвязи с задачами государственной политики и идеологического контроля [9].

Следующим этапом развития правового регулирования стало вступление в силу в январе 2023 г. «Административных положений о глубоком синтезе в интернет-услугах» [10]. Документ ориентирован на регулирование технологий, позволяющих создавать или модифицировать аудио-, видео- и иные цифровые материалы с использованием методов искусственного интеллекта. В первую очередь речь идет о технологиях генерации синтетического контента, включая дипфейки.

Новые требования предусматривают обязательную маркировку материалов, созданных при помощи технологий искусственного интеллекта, а также проведение идентификации пользователей соответствующих сервисов. Предполагается, что данные меры позволят снизить риски распространения недостоверной информации, защитить права граждан и повысить уровень доверия к цифровому контенту [10].

Завершающим элементом действующей системы регулирования стали «Временные меры по управлению генеративными системами искусственного интеллекта», принятые в 2023 г. [3]. Доку-

мент устанавливает комплекс требований к разработчикам и поставщикам генеративных моделей. В частности, на них возлагаются обязанности по обеспечению достоверности создаваемого контента, предотвращению распространения запрещённой информации и соблюдению требований кибербезопасности.

Особенности китайской модели находят отражение и в современных научных исследованиях, посвящённых вопросам цифрового регулирования. Многие авторы отмечают её системный характер и высокий уровень вовлечённости государства в управление технологическим развитием [4]. В отличие от российской модели, где значительную роль играют рекомендации и этические механизмы, китайский подход основан преимущественно на обязательных правовых предписаниях и административном контроле.

Одним из наиболее значимых инструментов управления рисками выступает система регистрации и сертификации алгоритмов. Компании, использующие технологии искусственного интеллекта, обязаны предоставлять государственным органам информацию о принципах работы алгоритмических решений, что позволяет проводить предварительную оценку возможных рисков ещё до начала массового использования соответствующих продуктов [5].

Согласно действующим требованиям, разработчики и поставщики генеративных сервисов обязаны пройти процедуру оценки безопасности и направить сведения о применяемых алгоритмах в уполномоченные органы до вывода продукта на рынок. При выявлении нарушений законодательство предусматривает широкий спектр мер воздействия — от выдачи предписаний до временного ограничения или полного прекращения оказания услуг.

Параллельно развивается система национальных стандартов, направленных на повышение безопасности и надёжности технологий искусственного интеллекта [6]. В рамках данных стандартов определяются требования к качеству используемых данных, особенностям функционирования алгоритмов и процедурам эксплуатации интеллектуальных систем. Отдельное внимание уделяется вопросам оценки надёжности и устойчивости ИИ-систем на различных этапах их жизненного цикла.

Характерной особенностью китайского подхода является стремление учитывать не только технические характеристики интеллектуальных систем, но и их соответствие установленным этическим требованиям. В результате оценка рисков осуществляется комплексно и включает как вопросы безопасности, так и социальные последствия внедрения технологий искусственного интеллекта.

Особое значение в последние годы приобрела проблема достоверности цифрового контента. Быстрое распространение генеративных моделей существенно увеличило риски создания и распространения ложной информации. В связи с этим китайские регуляторы ввели обязательные требования по маркировке материалов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта [7]. Указанные правила распространяются на текстовый, аудиовизуальный и иной синтетический контент и направлены на снижение рисков дезинформации и манипулирования общественным мнением.

Несмотря на различия в подходах, обе страны рассматривают риск-ориентированное регулирование как необходимое условие безопасного развития технологий искусственного интеллекта. В России и Китае особое внимание уделяется защите персональных данных, обеспечению информационной безопасности и снижению негативных последствий применения автоматизированных систем. Общим направлением также выступает стремление к укреплению технологического суверенитета посредством развития собственных цифровых платформ и национальных стандартов.

Вместе с тем в обеих странах сохраняются проблемы, связанные с оценкой рисков ИИ и обеспечением прозрачности алгоритмов. Существенные трудности вызывает так называемая проблема «чёрного ящика», при которой логика работы интеллектуальных систем остаётся недостаточно понятной как для пользователей, так и для регуляторов.

Для Китая актуальной задачей остаётся поиск баланса между жёстким государственным контролем и поддержкой инновационного развития технологических компаний. В России, напротив, одним из основных направлений дальнейшего развития выступает переход от преимущественно этического саморегулирования к более формализованным правовым механизмам управления рисками.

Проведённый анализ показывает, что российская и китайская модели регулирования искусственного интеллекта формируются с учётом национальных приоритетов и особенностей государственного управления. Китай делает ставку на централизованный контроль и обязательные требования к разработчикам и цифровым платформам, тогда как российская модель пока ориентируется на сочетание стратегического регулирования и этических механизмов. Дальнейшее совершенствование регулирования связано с развитием механизмов оценки рисков, повышением прозрачности алгоритмов и поиском баланса между технологическим развитием и обеспечением общественной безопасности.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации.
2. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2023/05/12/Кодекс_этики_20_10_1.pdf (дата обращения: 23.03.2026).
3. Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services (China). URL: <https://www.pwc.de/en/international-markets/german-business-groups/china-business-group/embracing-the-new-era-of-ai-regulation-interim-measures-for-the-management-of-generative-ai-services.html> (access 23.03.2026).
4. Tracing the Roots of China's AI Regulations. URL: <https://carnegieendowment.org/research/2024/02/tracing-the-roots-of-chinas-ai-regulations> (access 24.03.2026).
5. AI Safety Governance Framework (China). URL: <https://www.dlapiper.com/en/insights/publications/2024/09/china-releases-ai-safety-governance-framework> (access 24.03.2026).
6. AI regulation scanner: China. URL: <https://cms.law/en/int/expert-guides/ai-regulation-scanner/china> (access 24.03.2026).
7. AI Watch: Global regulatory tracker – China. URL: <https://www.whitecase.com/insight-our-thinking/ai-watch-global-regulatory-tracker-china> (access 25.03.2026).
8. Cybersecurity Law of the People's Republic of China. URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-cybersecurity-law-of-the-peoples-republic-of-china-effective-june-1-2017/> (access 31.03.2026).
9. Provisions on the Administration of Algorithmic Recommendations of Internet Information Services. URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-algorithm-recommendation-regulation-take-effect-march-1-2022/> (access 01.04.2026).
10. Administrative Provisions on Deep Synthesis in Internet Information Services. URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-releases-rules-to-regulate-deep-synthesis-deepfake-technology/> (access 02.04.2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алимусаев Эмин, аспирант 2-го курса, Бакинский государственный университет, Азербайджан, Баку, eminalimusayev@gmail.com

Бауэр Екатерина Алексеевна, студентка 3-го курса, Красноярский государственный аграрный университет, Россия, Красноярск, k4terinabauer@yandex.ru

Биче-оол Айдыс Маадыр-ооловна, аспирант, Тувинский госуниверситет, Россия, Кызыл, aidasha79@yandex.ru

Бондарь Владислав Андреевич, магистрант 1-го курса, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Россия, Улан-Удэ, bondarpara@mail.ru

Боровинских Лана Васильевна, студентка 3-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург, lborovinskikh@yandex.ru

Галданова Сержена Баторовна, магистрант 2-го года обучения, Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова, Россия, Улан-Удэ, sgaldanova00@mail.ru

Галицына Мария Сергеевна, магистрант 2-го года обучения, Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова, Россия, Улан-Удэ, MariaGalitsyna03@yandex.ru

Гросс Яна Александровна, студентка 3-го курса, Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, Россия, Москва, yana.gross.05@mail.ru

Далхжав Жамъяндагва, аспирант, Монгольский государственный университет, Монголия, Улан-Батор, dalkhjav.j@must.edu.mn

Дондокова Виктория Баторовна, студентка 3-го курса колледжа, Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова, Россия, Улан-Удэ, songolovav@gmail.com

Кабанова Диана Юрьевна, студентка 4-го курса, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Россия, Екатеринбург, kdu965@gmail.com

Колентеев Константин Евгеньевич, аспирант 1-го курса, Московский институт электронной техники, Россия, Москва, kekavers@yandex.ru

Курмакаева Дарина Рустамовна, студентка, Красноярский государственный аграрный университет, Россия, Красноярск, darinakurmaeva13@gmail.com

Матвеева Анастасия Игоревна, студентка 3-го курса, Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова, Россия, Улан-Удэ, matveeva.ai@bsu.ru

Матвеева Анна Игоревна, студентка 3-го курса, Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова, Россия, Улан-Удэ, anutamat6@gmail.com

Митясова Светлана Александровна, студентка 1-го курса, Красноярский государственный аграрный университет, Россия, Красноярск, mityasovasv@mail.ru

Назарова Екатерина Юрьевна, адъюнкт 1-го курса, Академия управления МВД России, Россия, Москва, nzrv1206@yandex.ru

Новожилова Надежда Андреевна, студентка 5-го курса, Байкальский государственный университет, Россия, Иркутск, povozhilovanad@yandex.ru

Парпаев Баир Юрьевич, магистрант 2-го года обучения, Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова, Россия, Улан-Удэ, parpaev18.04@mail.ru

Побежимов Дмитрий Михайлович, старший преподаватель кафедры государства и права, Забайкальский госуниверситет, Россия, Чита, robejimovd@mail.ru

Попова Екатерина Евгеньевна, студентка 1-го курса, Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова, Россия, Улан-Удэ, katkatkatporova@gmail.com

Попова Ирина Евгеньевна, студентка 4-го курса, Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова, Россия, Улан-Удэ, porovairinushka2005@yandex.ru

Раднаева Эльвира Львовна, кандидат юридических наук, доцент, директор Института права и экономики, Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова, Россия, г. Улан-Удэ, elviraradnaeva@mail.ru

Радоман Елизавета Андреевна, магистрант, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Республика Беларусь, Минск, liza.radoman28.05@mail.ru

Самигуллина Гульнур Ирековна, аспирант 3-го года обучения, Уфимский университет науки и технологий, Россия, Уфа, samigullinagulnur3@gmail.com

Саможапов Жамьян Чингиз-Цогто, студент 2-го курса магистратуры, БГТУ «ВОЕНМЕХ» имени Д. Ф. Устинова, Россия, Санкт-Петербург, primezh@mail.ru

Сафина Анжелика Васильевна, аспирант 1-го курса, Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова, Россия, Улан-Удэ, safina.anschelika@yandex.ru

Стоцкая Полина Николаевна, магистрант 2-го курса, Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова, Россия, Улан-Удэ, polyad1@yandex.ru

Стоцкая Светлана Николаевна, студентка 2-го курса колледжа, Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова, Россия, Улан-Удэ, Srfmt1357@gmail.com

Трофимова Инесса Борисовна, старший преподаватель кафедры государства и права, Красноярский государственный аграрный университет, Россия, Красноярск, Iness.kastilia@mail.ru

Халтурина Юлия Михайловна, студентка, Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова, Россия, Улан-Удэ, khalturina_y98@mail.ru

Цыплакова Алёна Дмитриевна, преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, МГИМО МИД России, кандидат юридических наук Россия, г. Москва Tsyplakova.a.d@my.mgimo.ru

Шелковникова Анна Владимировна, студентка 2-го курса, Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова, Россия, Улан-Удэ, anna_01_klimova@mail.ru

Ынтаев Антон Владимирович, магистрант 2-го года обучения, Юго-Западный университет политики и права, Китай, Чунцин, yntaev@mail.ru

Эрхитуева Татьяна Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова, Россия, Улан-Удэ, tanja_77@mail.ru

Янжинов Баир Баторович, магистрант 2-го года обучения, Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова, Россия, Улан-Удэ, byanzhinov@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Alimusayev Emin, 2nd-year postgraduate student, Baku State University, Azerbaijan, Baku, eminalimusayev@gmail.com

Bauer Ekaterina Alekseevna, 3rd-year student, Krasnoyarsk State Agrarian University, Russia, Krasnoyarsk, k4terinabauer@yandex.ru

Biche-ool Aydis Maadyr-oolovna, postgraduate student, Tuvan State University, Russia, Kyzyl, aidasha79@yandex.ru

Bondar Vladislav Andreevich, 1st-year master's student, Buryat State University named after D. Banzarov, Russia, Ulan-Ude, bondarpapa@mail.ru

Borovinskikh Lana Vasilievna, 3rd-year student, Saint Petersburg State University, Russia, Saint Petersburg, lborovinskikh@yandex.ru

Galdanova Serzhena Batorovna, 2nd-year master's student, Buryat State University named after D. Banzarov, Russia, Ulan-Ude, sgaldanova00@mail.ru

Galitsyna Maria Sergeevna, 2nd-year master's student, Buryat State University named after D. Banzarov, Russia, Ulan-Ude, MariaGalitsyna03@yandex.ru

Gross Yana Alexandrovna, 3rd-year student, Bauman Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Russia, Moscow, yana.gross.05@mail.ru

Dalkhjav Jamyangdagva, postgraduate student, Mongolian State University, Mongolia, Ulaanbaatar, dalkhjav.j@must.edu.mn

Dondokova Viktoriya Batorovna, 3rd-year college student, Buryat State University named after D. Banzarov, Russia, Ulan-Ude, songolovav@gmail.com

Kabanova Diana Yurievna, 4th-year student, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Russia, Yekaterinburg, kdu965@gmail.com

Kolenteev Konstantin Evgenievich, 1st-year postgraduate student, National Research University of Electronic Technology (MIET), Russia, Moscow, kekavers@yandex.ru

Kurmakaeva Darina Rustamovna, student, Krasnoyarsk State Agrarian University, Russia, Krasnoyarsk, darinakurmakaeva13@gmail.com

Matveeva Anastasia Igorevna, 3rd-year student, Buryat State University named after D. Banzarov, Russia, Ulan-Ude, matveeva.ai@bsu.ru

Matveeva Anna Igorevna, 3rd year student, Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Russia, Ulan-Ude, anutammat6@gmail.com

Mityasova Svetlana Alexandrovna, 1st-year student, Krasnoyarsk State Agrarian University, Russia, Krasnoyarsk, mityasovav@mail.ru

Nazarova Ekaterina Yurievna, 1st-year adjunct, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia, Moscow, nzhv1206@yandex.ru

Novozhilova Nadezhda Andreevna, 5th-year student, Baikal State University, Russia, Irkutsk, novozhilovanad@yandex.ru

Parpaev Bair Yurievich, 2nd-year master's student, Buryat State University named after D. Banzarov, Russia, Ulan-Ude, parpaev18.04@mail.ru

Pobejimov Dmitry Mikhailovich, Senior Lecturer at the Department of State and Law, Transbaikalian State University, Russia, Chita, pobejimovd@mail.ru

Popova Ekaterina Evgenievna, 1st-year student, Buryat State University named after D. Banzarov, Russia, Ulan-Ude, katkatkatpopova@gmail.com

Popova Irina Evgenievna, 1st-year student, Buryat State University named after D. Banzarov, Russia, Ulan-Ude, popovairinushka2005@yandex.ru

Radnaeva Elvira Lvovna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Law and Economics, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Russia, Ulan-Ude, elviraradnaeva@mail.ru

Radoman Elizaveta Andreevna, master's student, Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Republic of Belarus, Minsk, liza.radoman28.05@mail.ru

Samigullina Gulnur Irekovna, 3rd-year postgraduate student, Ufa University of Science and Technology, Russia, Ufa, samigullinagulnur3@gmail.com

Samozhapov Zhamyan Chingiz-Tsogto, 2nd-year master's student, Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov, Russia, Saint Petersburg, primezh@mail.ru

Safina Anzhelika Vasilievna, 1st-year postgraduate student, Buryat State University named after D. Banzarov, Russia, Ulan-Ude, safina.anshelika@yandex.ru

Stotskaya Polina Nikolaevna, 2nd-year master's student, Buryat State University named after D. Banzarov, Russia, Ulan-Ude, polyad1@yandex.ru

Stotskaya Svetlana Nikolaevna, 2nd-year college student, Buryat State University named after D. Banzarov, Russia, Ulan-Ude, Srfmt1357@gmail.com

Trofimova Inessa Borisovna, Senior Lecturer at the Department of State and Law, Krasnoyarsk State Agrarian University, Russia, Krasnoyarsk, Iness.kastilia@mail.ru

Khalturina Yulia Mikhailovna, student, Buryat State University named after D. Banzarov, Russia, Ulan-Ude, khalturina_y98@mail.ru

Tsyplakova Alena Dmitrievna, Lecturer at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Russia, Moscow, Tsyplakova.a.d@my.mgimo.ru

Shelkovnikova Anna Vladimirovna, 2nd-year student, Buryat State University named after D. Banzarov, Russia, Ulan-Ude, anna_01_klimova@mail.ru

Yntaev Anton Vladimirovich, 2nd-year master's student, Southwest University of Political Science and Law, China, Chongqing, yntaev@mail.ru

Erkhitueva Tatyana Igorevna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Buryat State University named after D. Banzarov, Russia, Ulan-Ude, tanja_77@mail.ru

Yanzhinov Bair Batorovich, 2nd-year master's student, Buryat State University named after D. Banzarov, Russia, Ulan-Ude, byanzhinov@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ /CONTENT

Предисловие.....	5
Preface.....	5
 СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ: НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ СТРАН АЗИИ COMPARATIVE LAW: NATIONAL LEGAL SYSTEMS OF ASIAN COUNTRIES	
Emin Alimusayev. A Comparative Review of Climate Legislation in Central Asian States	8
Биче-оол А. М. Структура судебной системы Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.)	12
Гросс Я. А. Демократический политический режим: сравнительная характеристика Китайской Народной Республики и Российской Федерации	20
Митясова С. А., Трофимова И. Б. Статус коренных малочисленных народов в Российской Федерации и странах Азии	27
Побежимов Д. М. Цифровая валюта в Российской Федерации и Китайской Народной Республике: сравнительно-правовой анализ	31
Попова Е. Е. Морально-этические запреты «Великой ясы»	35
Радоман Е. А. Воплощение института защиты в административно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь и стран Азии	38
Самигуллина Г. И. Эволюция правовых моделей Алжира, Египта и Туниса в постколониальный период	44
 МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ В СТРАНАХ АЗИИ INTERNATIONAL LAW AND CONSTITUTIONAL LEGAL INSTITUTIONS IN ASIAN COUNTRIES	
Бауэр Е. А., Трофимова И. Б. Сравнительная характеристика конституционных прав предпринимателей в России и Китае	47
Боровинских Л. В. Доктрина верховенства закона в романо-германской правовой системе и в КНР	52
Галицына М. С. Проблемы имплементации норм международного права в национальных правовых системах России и Китая: конституционные ограничения и пути их преодоления	55
Дондокова В. Б. Правовая эволюция института государственной социальной помощи в России: от устава общественного призрения к цифровому социальному казначейству	59
Кабанова Д. Ю. «Социалистическое правовое государство» (依依依依) как конституционная основа Китая: вызовы имплементации международных стандартов прав человека	62
Матвеева А. И., Матвеева А. И. Сравнительно-правовой анализ коллизионных норм и принципов их применения в Российской Федерации и Китайской Народной Республике	70
 ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АЗИИ CIVIL LAW PROBLEMS OF COMPARATIVE LAW IN ASIAN COUNTRIES	
Матвеева А. И., Матвеева А. И. Сравнительно-правовой анализ доказательств и доказывания в гражданском процессе в Российской Федерации и Китайской Народной Республике	74
Ынтаев А. В. О соотношении Гражданского кодекса КНР и закона КНР «О защите персональной информации»	78
Янжинов Б. Б. Изъятие земельных участков в России и странах Азии	82
 УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В АЗИИ CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND FORENSIC PROBLEMS OF COMPARATIVE LAW IN ASIA	
Бондарь В. А. Ответственность за дезертирство в уголовном законодательстве Российской Федерации и Китайской Народной Республики: сравнительно-правовой анализ	87
Галданова С. Б. Противодействие коррупции в таможенных органах Российской Федерации и Китайской Народной Республики	92

Далхжав Жамъяндагва. Enforcement of Sentences in Relation to Convicted Persons with Disabilities in Mongolia: Problems of Legal Regulation and Directions for Improvement	98
Колентеев К. Е. Применение технологий искусственного интеллекта в системе предупреждения преступлений террористической направленности: сравнительный анализ опыта Китая, Сингапура и Израиля	100
Матвеева А. И., Матвеева А. И. Сравнительно-правовой анализ мошенничества в информационном пространстве в Российской Федерации и Китайской Народной Республике	104
Назарова Е. Ю. Правовые коллизии в сфере оборота наркотиков как обстоятельство, способствующее совершению трансграничных наркопреступлений в Азиатско-Тихоокеанском регионе	107
Новожилова Н. А. Правовое регулирование уголовной ответственности несовершеннолетних в странах Азии и России: сравнительно-правовой аспект	111
Парпаев Б. Ю. Объективная сторона хищения: сравнительный анализ законодательства России и Китая	115
Попова И. Е. Привлечение к уголовной ответственности и условия отбывания наказания пожилыми гражданами: сравнительно-правовой аспект	118
Сафина А. В. Сравнительно-правовой анализ уголовной политики в сфере предпринимательской деятельности России и Китая	121
Стоцкая П. Н., Раднаева Э. Л. Россия и Китай: сравнительный анализ мер виктимологической безопасности жертвы в цифровом мире	126
Стоцкая С. Н. Сравнительный анализ противодействия терроризму и экстремизму в сети Интернет по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан	132
Цыплакова А. Д. Особенности и препятствия проведения сравнительно-правовых исследований борьбы с преступностью и осуществляемого в связи с ней международного сотрудничества в странах глобального юга	137
Шелковникова А. В. История и предпосылки становления уголовной ответственности, предусмотренной ст. 264.1 УК РФ: зарубежный опыт	142
Эрхитуева Т. И., Халтурина Ю. М. Малозначительность в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовой анализ действующего нормативного регулирования	146

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО, ЭКОЛОГИЧЕСКОГО
И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ АЗИАТСКИХ СТРАН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ
TRANSFORMATION OF MODELS OF SOCIAL-ECONOMIC, ECOLOGICAL
AND INNOVATIVE DEVELOPMENT OF ASIAN COUNTRIES IN MODERN CONDITIONS**

Курмакаева Д. Р., Трофимова И. Б. К некоторым вопросам государственного регулирования торговой деятельности в странах Азии	151
Саможапов Ж. Ч-Ц. Подход к управлению рисками искусственного интеллекта и государственному контролю в Китайской Народной Республике и Российской Федерации	154
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	158
INFORMATION ABOUT AUTHORS.....	160

Научное издание

**СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В СТРАНАХ
АЗИИ — XVII**

*Материалы ежегодной международной молодежной
научно-практической конференции
(смешанный формат)*

(Улан-Удэ, 17 апреля 2026 г.)

Редактор
А. В. Сафина
Компьютерная верстка
Ж. В. Галсановой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 19.10.2026. Формат 60х84 1/8.
Уч.-изд. л. 15,71. Усл. печ. л. 19,07. Тираж 300. Заказ 122.
Цена свободная

Издательство Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
gio@bsu.ru

Отпечатано в типографии Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а

Улан-Удэ
2026